
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
журнала «Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия „Политология“»

Почта Ю.М. — доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии РУДН — *главный редактор серии*

Грачев М.Н. — доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии РГГУ — *заместитель главного редактора*

Иванов В.Г. — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии РУДН — *ответственный секретарь редколлегии*

Ичедлова М.М. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой сравнительной политологии РУДН — *член редколлегии*

Платонов В.М. — кандидат юридических наук, профессор и заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН — *член редколлегии*

Гребенников В.В. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета РУДН — *член редколлегии*

Карадже Т.В. — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политологии и социологии МПГУ — *член редколлегии*

Батанина И.А. — доктор политических наук, профессор, декан гуманитарного факультета и заведующая кафедрой социологии и политологии Тульского государственного университета, ТГУ — *член редколлегии*

Коваленко В.И. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ — *член редколлегии*

Абсаттаров Р.Б. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социально-философских дисциплин КазНПУ им Абая (Казахстан) — *член редколлегии*

Дуткевич Петр — доктор политических наук, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтоновском университете (Канада) — *член редколлегии*

Францке Йохан — доктор политических наук, заместитель декана факультета экономических и социальных наук Потсдамского университета (Германия) — *член редколлегии*

Карлос Пачеко Амарал — доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов (Португалия) — *член редколлегии*

Николя Када — доктор политических наук, профессор Университета Пьера Мендеса Франса, г. Гренобль (Франция) — *член редколлегии*

EDITORIAL BOARD

of the RUDN Journal of Political Science

Pochta Yu.M. — PhD, full professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University — *chief editor of the series*

Grachev M.N. — PhD, full professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities — *deputy editor of the series*

Ivanov V.G. — PhD, associate professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University — *executive secretary of the series*

Mchedlova M.M. — PhD, full professor and head of the Department of Comparative Politics, RUDN University — *associate editor of the series*

Platonov V.M. — PhD, full professor and head of the Department of Political Analysis and Management, RUDN University — *associate editor of the series*

Grebennikov V.V. — PhD, full professor and head of the Department of Constitutional and Municipal Law, RUDN University — *associate editor of the series*

Karadje T.V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Sociology, Moscow State Pedagogical University — *associate editor of the series*

Batanina I.A. — PhD, full professor, head of the Department of Sociology and Political Science and dean of the Faculty of Humanities, Tula State University — *associate editor of the series*

Kovalenko V.I. — PhD, full professor and head of the Department of Russian Politics, Moscow State University — *associate editor of the series*

Absattarov R.B. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Socio-Philosophical Disciplines, Kazakh University named after Abai (Kazakhstan) — *associate editor of the series*

Dutkiewicz P. — PhD, full professor, director of the Institute of European, Russian and Eurasian studies, Carleton University (Canada) — *associate editor of the series*

Franzke J. — PhD, full professor and vice dean of the Faculty of Economic and Social Sciences, Potsdam University (Germany) — *associate editor of the series*

Pacheko Amaral C. — PhD, full professor of the University of the Azores (Portugal) — *associate editor of the series*

Kada N. — PhD, full professor of the University of Pierre Mendes France (France) — *associate editor of the series*

ВЕСТНИК

Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Серия
ПОЛИТОЛОГИЯ

2016, № 4

Издается с 1999 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

- Денисенкова Н.Н.** Политологический анализ взаимодействия власти и образования 7
- Мясоедова В.А.** Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации 19

РЕГИОНЫ РФ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

- Михайличенко Д.Г., Соболев Е.В.** Особенности политической культуры жителей средних и больших городов России (на примере Башкирии) 29
- Розанова Н.Н.** Исследовательская модель концепта «репутация региональной власти» ... 38

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Корниленко А.В.** Вопросы миротворчества и оборонная политика НАТО на современном этапе 48
- Деджтхонпонг Сатхита** Влияние политических систем, политических режимов, партийных систем на политическое участие населения государств — членов АСЕАН 57

ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ

- Рибберинк Э., Ахтерберг П., Хаутман Д.** Все ли социалисты антирелигиозны? Антирелигиозность и «левые» в 21 стране Западной Европы (1990—2008 гг.) 66
- Ильина Ю.И.** Максималистский и минималистский подход к исламу в религиозно-философской мысли Ирана во второй половине XX в. 86
- Фролова О.А.** Религия как основной канал проецирования интересов власти на гражданское общество в США в период выборной кампании 95

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Иванов В.Г.** «Потенциальная мягкая сила» как ресурс внешне-политического влияния 101
- Исаев Л.М., Зинькина Ю.В., Шишкина А.Р.** Россия и Египет в отечественной литературе конца XX — начала XXI в. 105
- Павлютенкова М.Ю.** Электронное правительство как вектор инновационных государственных преобразований 121
- Осипов В.А.** Проблема сложности в современных миграционных вопросах: «власть в сетях» или «власть сетей» 130

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- Топычканов А.В.** Конструирование политического пространства в царских резиденциях XVII в.: опыт теоретического описания 136
- Таймасова Я.В.** Либералы «Русских Ведомостей» в конце 1860 — начале 1880-х гг.: формирование общественно-политической программы 145

- НАШИ АВТОРЫ** 155

RUDN Jornal of Political Science

SCIENTIFIC JOURNAL

2016, N 4

Founded in 1999

RUDN University

CONTENTS

POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY RUSSIA

- Denisenkova N.N.** Politological Analysis of Interaction of Authority and Education 7
- Myasoedova V.A.** Formation of the Institute of Youth Political Elite in the Context of Political Transformation in the Russian Federation 19

RUSSIAN REGIONS IN POLITICAL SPACE

- Mihailichenko D.G., Sobolev E.V.** Peculiarities of the Political Culture of Citizens in the Middle and Big Cities of Russia (the Republic of Bashkortostan's Case) 29
- Rozanova N.N.** Research Model of the Concept "Reputation of the Regional Power" 38

POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY WORLD

- Kornilenko A.V.** Peace-Building and NATO Defense Policy Issues at the Present Stage 48
- Sathita Dejthongpong** The Influence of Political System, Political Regime, Party System on Political Participation of ASEAN Member States' People 57

POLITICS AND RELIGION

Ribberink E., Achterberg P., Houtman D. Are All Socialists Anti-religious? Anti-religiosity and the Socialist Left in 21 Western European Countries (1990—2008)	66
Ilyina Yu.I. Maximalist and Minimalist Approach to Islam in Iranian Religious-Political Thought of Second Half of the 20th Century	86
Frolova O.A. Religion as the Main Projection Channel of the Power Interests on Civil Society during the Election Campaign in the USA	95

ACTUAL PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

Ivanov V.G. “Potential Soft Power” as a Resource of Political Influence	101
Issaev L.M., Zinkina J.V., Shishkina A.R. Russia and Egypt in Russian Literature of the End of XX — beginning of XXI Century	105
Pavlyutenkova M.Y. Electronic Government as a Vector of Innovative State Transformations in Russia	121
Osipov V.A. The Problem of Complexity in the Modern Migration: «Power in Networks» or «Power of Networks»	130

POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Topychkanov A.V. Constructing Political Space in the Tsar Residences of the 17th Century: an Essay on Its Theoretical Analysis	136
Taimasova Y.V. Liberals of the “Russian Bulletin” in the Late 1860s — Early 1880s: the Formation of Public-Political Program	145

ON OUR AUTHORS	155
-----------------------------	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Н.Н. Денисенкова

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Стремянный переулок, 36, Москва, Россия, 117997

В работе произведен политологический анализ взаимодействия власти и образования в российском обществе для выявления понимания отношений властных структур и образования в формате системы государственного регулирования. Это взаимодействие определено как научная дефиниция и как механизм практического воплощения современной модернизации в сфере российского образования. Такой подход позволил сформировать достаточно целостное представление о возможных формах и методах влияния российской власти на образовательный процесс в контексте всеобъемлющей модернизации общества.

Ключевые слова: власть и образование, политологический анализ, государственное управление и регулирование, образовательный процесс

Мировой и отечественный опыт развития образовательных систем убедительно свидетельствует о том, что власть и образование — тесно связанные между собой социально-политические институты, которые взаимодействуют как совокупность процессов воздействия различных властных и образовательных объектов взаимобусловлено с постоянным изменением состояния [1].

Без потенциала политической и государственной власти невозможно решение задач, возлагаемых на образование современным обществом. В свою очередь, образование, как важнейший элемент общественной жизни и государственного устройства, призвано способствовать решению таких стратегических для страны задач, как обеспечение политической и социально-экономической стабильности, совершенствование культуры и духовно-нравственной сферы, развитие институтов гражданского общества.

За последние два десятилетия произошла реконструкция политической системы Российской Федерации — принятие новой Конституции Российской Федерации, изменение фундаментальных основ политико-правовой системы.

Таким образом, с одной стороны, эти преобразования оформили новый конституционный строй и новое демократическое государство, а с другой стороны —

обеспечили все возможности для зарождения новых политических институтов, в том числе институтов гражданского общества [11; 16].

В Послании Президента РФ [19] было подчеркнуто, что страна имеет мощные резервы для реализации не только тактических, но и фундаментальных задач, рассчитанных на долгосрочную перспективу, причем он подчеркнул, что, самое главное — повышать качество и уровень жизни миллионов наших граждан. Важнейшим условием реализации этой установки главы государства являются скоординированные действия органов власти всех уровней, а основой для этого должна служить реально действующая система стратегического и пространственного планирования, которая увяжет между собой приоритеты отраслевого, регионального развития. Немаловажная роль в повышении качества жизни отводится перспективам развития отечественного образования.

Анализируя современное образование, специалисты, теоретики и практики видят различные пути обеспечения его динамичного развития. В работе [14] на основе анализа основных трудов по проблеме показана эволюция взглядов отечественных ученых на роль власти и возможности общества в развитии образовательной сферы. К примеру, многие из них пишут об объективной необходимости управления [13], другие видят приоритет в изучении и практической организации современных технологий [4].

На наш взгляд, более прогрессивным и эффективным видится необходимость постепенного перехода от управленческих воздействий к системе регулирования общественных отношений. Возрастание роли государства в регулировании социально-экономических процессов [9; 20] является критически неэффективным вследствие низкого уровня социальной ответственности субъектов принятия решений.

Данная проблема имеет глубокие корни, связанные с деформацией институциональной матрицы, приводящей к нарушению базовых принципов системной интеграции социума [10], откуда вытекает необходимость поиска новых форм отношений между государством и обществом. Этот поиск неизбежно приводит к концепции социальной ответственности как института, детерминирующего социальные обязательства, связанные с полномочиями принятия решений. К примеру, в своей работе [9] В.Г. Иванов показывает тесную взаимосвязь экономического и образовательного процессов с политикой, так как ограничение качества образования в целях политической стабильности является контрпродуктивной стратегией в современных условиях.

Для осмысления направлений и методов властного влияния квалифицируем власть как исходное начало воздействия на сферу образования. Следует отметить, что государственная и политическая власть не одно и то же, поскольку кроме государственной существуют и могут существовать другие формы политической власти. Однако государственная власть всегда была и остается властью политической, исходя из чего ее следует рассматривать как способность или возможность осуществлять политическое руководство обществом [8].

Следовательно, системы воздействия с их стороны на общественно-политические, в том числе и образовательные процессы, и в целом на социум также имеют

принципиальные отличия, причем государственная власть более склонна к такой системе воздействия на социальные процессы, как управление. Это обусловлено бюрократическим устройством государственного аппарата. Кроме этого, такая важнейшая ветвь власти, как исполнительная, включает в себя управленческий аппарат. Поэтому, кроме как управлять образованием, исполнительная власть практически не может осуществлять других функций влияния.

В отличие от государственной власти политическая власть (в лице политической элиты) не имеет административно-управленческого аппарата. Поэтому при воздействии на государственный аппарат, на социум и образовательные процессы политическая элита склонна к регулированию, то есть установлению определенных правил, точечному воздействию на решение определенных проблем.

Изучению проблематики взаимодействия государства и гражданского общества посвящена работа [21], в которой рассматриваются теоретические, концептуальные и практические аспекты взаимодействия института государства и гражданского общества. Например, в фундаментальной по значению для западной политической науки работе современного политолога Дж. Кина [12] определяются несколько макетов существования и функционирования легитимного института государства и его взаимодействия с гражданским обществом:

- государство, которое обеспечивает безопасность;
- конституционное государство;
- минимализированное государство;
- общее государство;
- демократическое государство в соответствии с тем, какую именно роль государство выполняет по отношению к обществу и на каком уровне оно доминирует и подчиняет себе другие сферы.

Как правило, политическое руководство образованием осуществляется довольно неоднозначно. В чем же заключается специфика политики современного Российского государства и ее проявление в сфере образования?

Для ответа на этот вопрос, по мнению исследователей (подробнее см. [23]), необходимо определить следующие параметры политической власти (или так называемые характеристики политического режима), которые оказывают влияние и на формирование образования в обществе:

- формирование государственной образовательной политики;
- реальное разделение властей по горизонтали и вертикали и учет особенностей влияния такого деления на образование;
- механизмы принятия политических решений в сфере образования;
- наличие или отсутствие реально функционирующей политической оппозиции и возможность ее влияния на образовательный процесс в обществе;
- степень распространения политической информации, реальная и формальная свобода функционирования средств массовой информации, информирование широкой общественности о реальном положении дел в образовании;
- сложившиеся отношения политической власти с бюрократией, с госаппаратом, осуществляющим управление в области образования;
- сменяемость политических элит у власти;

- социальная база (группы поддержки — декларируемые и реальные) политического режима, ее наличие среди участников образовательного процесса;
- степень вовлеченности народных масс в управление государством, в систему воздействия на образование в обществе;
- преимущественный способ разрешения социальных и политических конфликтов, противоречий в образовательной сфере;
- характер и основные механизмы использования средств социального насилия в обществе и в образовательной сфере;
- реализуемая степень компетентности политической власти в вопросах воздействия на общество и развитие образования.

Особо важный вопрос демократических преобразований — разделение властей. На практике реальное разделение властей в нашей стране только лишь складывается. Согласно ст. 10 Конституции РФ «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны».

Поэтому судебная и законодательная власть, как и исполнительная, должны воздействовать на образование в обществе, то есть быть самостоятельными политическими акторами образовательной политики. При этом обратим внимание на то, что законодательная и судебная власть, в отличие от исполнительной, не могут применять административный метод воздействия на образование. То есть законодательная и исполнительная ветви власти, по нашему мнению, могут осуществлять государственное регулирование образования в обществе, а исполнительная власть в основном государственное управление.

Роль же законодательной власти во главе с Федеральным Собранием Российской Федерации сводится к заслушиванию каждой палатой ежегодного доклада Правительства РФ о ходе реализации Федеральной целевой программы развития образования с дальнейшей публикацией в официальном печатном органе. При этом законодательством России не предусмотрено каких-либо механизмов воздействия со стороны Парламента на ход выполнения ФЦП развития образования.

Кроме этого, воздействие на образование в обществе со стороны иных политических и общественных акторов весьма ослаблено. Так, п. 12 ст. 27 ФЗ № 273 создание и деятельность политических партий, религиозных организаций (объединений) не допускаются в государственных и муниципальных образовательных образованиях (1).

Следовательно, ослабление позиций законодательной и судебной ветвей власти, иных политических и общественных акторов в образовательной политике не способствует образованию институциональных основ системы государственного регулирования образовательного процесса. В то же время весьма крепкие позиции исполнительной власти в воздействии на образование в обществе создает условия для усиления системы государственного управления образовательной сферой.

Проанализируем особенности и механизмы влияния властей на образование при делении по вертикали. В современной России среди федеральных органов

государственной власти в сфере образования полномочиями наделены Правительство России и подчиненное ему Министерство образования и науки. На первом месте в списке полномочий стоит разработка и реализация государственной политики в области образования.

Полагаем, что на практике это положение не вполне соответствует действительности, так как разработку и реализацию основных направлений такой политики осуществляет (или должно осуществлять) высшее политическое руководство страны. В то же время ряд полномочий в области образования передан для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации. Следовательно, нижеуказанными полномочиями в полной мере также могут воспользоваться лишь исполнительные органы региональной власти.

В России также происходит «обюрокрачивание» политики (создание новых институтов власти, рост числа чиновников, развитая коррупция). Социологические исследования показывают, что рост количества чиновников в современной России продолжается.

К примеру, в царской России было 5 чиновников на 10 тыс. населения. Для сравнения, в СССР, считавшемся царством бюрократии, их было на максимуме 73 человека на 10 тыс. населения [7]. В 2013 г. в России было 102 чиновника на 10 тыс. населения, а в 2015 г. — 108. Для сравнения, в РСФСР в 1988 г. — 81 (рис. 1). При этом по рейтингу качества государственного управления Всемирного банка в 2013 г. Россия занимала 120-е место среди 210 стран (2).

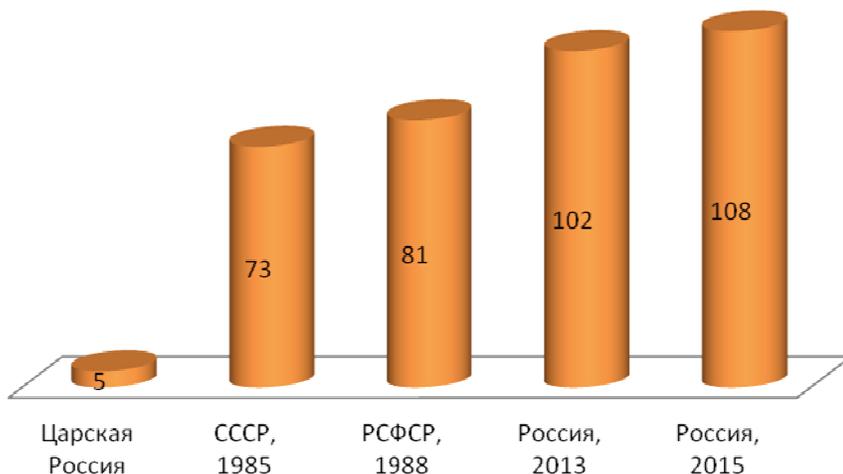

Рис. 1. Диаграмма роста количества чиновников на 10 тыс. населения

Об эффективности деятельности нынешнего отечественного чиновничьего аппарата можно судить также по соотношению следующих показателей: население России составляет 2,5% от мирового; Россия владеет 30—40% мировых ресурсов; при этом свыше трети населения страны живет за чертой бедности [3]. Исследования показывают, что продолжается отчуждение государственного аппарата от общества.

Вместе с тем анализ бюрократической лестницы свидетельствует о том, что высшую позицию в социальной структуре образования занимают представители высшей власти страны, которые формируют государственную политику в области образования. А представители высшего управленческого звена (работники министерства, сотрудники департаментов и т.д.) разрабатывают универсальные требования к содержанию и качеству учебных программ в соответствии с изменяющимися социально-экономическими и политическими условиями. Наряду с этим они осуществляют социальный контроль над системой образования, определяют систему формальных санкций в учебных заведениях. Административные работники нижнего звена (ректоры вузов и деканы, директора школ и училищ, завучи и т.д.) отвечают за осуществление процесса образования, корректируют и уточняют стратегию обучения применительно к данному учебному заведению, осуществляют оперативное руководство и контроль за работой преподавателей и поведением учащихся [8].

Отвлекаясь от сложной иерархической зависимости указанных должностей, следует обратить внимание на ту роль, которую выполняют административные работники в системе образования. Их главная задача заключается в том, чтобы принимать ответственные решения и формировать стратегию образовательного процесса: определять перечень основных дисциплин и последовательность их изучения, обеспечить материально-техническую базу образовательных учреждений и т.п. Они несут ответственность за формирование преподавательского корпуса, определяют нормативные требования к деятельности преподавателей и сотрудников, а также критерии оценки их труда. В любом случае такая иерархия административных работников в сфере образования предполагает существование только системы государственного управления и практически не оставляет места для механизмов государственного регулирования образовательного процесса.

Рекрутирование и сменяемость элит в России пока не приобрели демократический облик. Следует признать, что у нас практически не оказалось и не сформировалось социальных групп кроме бюрократии, способных стать основой политической власти и сформировать политическую элиту. Складывается впечатление, что политическая элита хотя и заинтересована в качественном образовании большинства населения, но в настоящее время все действия с ее стороны сводятся лишь к заявлениям о своих намерениях.

Так, например, исследователь С.В. Демченко в своей монографии пишет: «Целый ряд выступлений президента и премьер-министра следует рассматривать как некий новый политический курс, как достаточно четкое артикулированное „заявление о намерениях“ политической элиты» [6].

На практике политическая элита России недостаточно осуществляет политическое воздействие на социум в целях повышения качества образования в обществе, а большинство проблем в этой сфере полностью передоверяет государственному аппарату. Получается, что представители политической элиты лишь декларируют необходимость создания системы государственного регулирования образованием, но многочисленный госаппарат нейтрализует ее своей системой государственного управления.

Пожалуй, можно согласиться с исследователем В.В. Вахромеевым, который полагает, что политическая элита практически не имеет возможности напрямую влиять на современный социум. Основным связывающим звеном между элитарными группами, с одной стороны, обществом и отдельными гражданами с другой он рассматривает государственный аппарат [2]. Однако современный госаппарат в России, по-видимому, уже ничего не может предложить обществу, кроме административных мер в управлении образовательным процессом. В то же время наглядно просматривается требование политической элиты к государственному аппарату в части, касающейся выполнения основных требований Болонского процесса.

Однако нынешнее состояние российской политической элиты в целом, ее степень образованности и подготовленности свидетельствует о том, что у нее еще нет таких необходимых для элиты свойств, как сплоченность, единство целей и действий, высокий профессионализм, осознание ответственности перед народом. Она пока не обладает достаточной легитимностью [18].

Наверное, поэтому, несмотря на то, что в нашей стране со стороны высшей власти декларируется процесс либерализации политической системы, отсутствует эффективное политическое образование и добротные знания политиков об опыте мировых политических преобразований. «Хотелось бы привлечь внимание к парадоксальной ситуации не только в отечественной политологии, но и в обществе в целом, — пишет профессор Томского государственного университета А.И. Щербинин. — Российская политология существует де-юре с 1987 года. И, тем не менее, задача формирования политической дидактики в нашей стране не стоит на повестке дня. Наши коллеги пользуются дидактикой общей, несмотря на специфичность предмета политики» [22].

Возможно, что в результате существования сегодняшней образовательной системы у представителей современной российской политической элиты отсутствуют и не могут появиться умения по применению положительного зарубежного опыта проведения подобных политических экспериментов. Обрести продуктивный опыт эффективного воздействия в условиях многообразия социальных интересов современной России политическая элита может только путем повышения качества принимаемых политических решений и их действенной реализации, что будет способствовать общественному прогрессу, росту благосостояния народа, обновлению и оптимизации ее состава за счет лучших представителей из различных социальных групп.

В современной России государственная политика в сфере образования нацелена на «формирование гибкой, подотчетной обществу системы непрерывного образования, развивающей человеческий потенциал, обеспечивающей текущие и перспективные потребности социально-экономического развития Российской Федерации» [5].

В настоящее время среди направлений политики в сфере образования в России важнейшими видятся повышение качества и доступности образования, создание системы непрерывного образования. Одним из способов реализации этих направлений является развитие и внедрение в образовательную практику электронного обучения [17].

Следует отметить, что наша страна располагает достаточным потенциалом, чтобы не только продвигать электронное обучение внутри страны, но и экспортировать его в другие страны, прежде всего в страны СНГ, где все еще велика доля русскоязычного населения [24]. А также справедливости ради стоит отметить и серьезное отставание электронного обучения в России от ведущих западных стран [25; 26]. Если смотреть с общей позиции развития электронного обучения, Россия находится только на втором этапе развития дистанционных образовательных технологий, в то время как развитый мир уже подошел к 4-й ступени:

- 1) традиционное дистанционное обучение,
- 2) электронное обучение (e-learning),
- 3) всеохватывающее обучение (m-learning),
- 4) всепроникающее (u-learning) обучение.

Последние три ступени явились базой для создания новой learning-индустрии, которая успешно внедряется в образовательное пространство. России в этом пространстве пока нет. Таким образом, страна теряет позиции в этом пространстве, что ставит под угрозу цели, определенные государственными программами работы с соотечественниками за рубежом и Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011—2015 гг.

Факторами, сдерживающими развитие электронного обучения в российских университетах, являются:

- отсутствие соответствующей нормативно-правовой базы;
- отсутствие реальных юридических механизмов защиты авторских и коммерческих прав на учебные и научно-методические разработки как на объекты интеллектуальной собственности;
- отсутствие стандартов, определяющих состав и содержание учебно-методического комплекса, входящего в состав информационной обучающей системы.

Для решения указанных проблем на уровне государства необходимо:

- 1) осознать проблему, которая по общественной значимости является национальным проектом;
- 2) принять решение о создании государственной корпорации, целью которой будет развитие новой индустрии — learning-индустрии;
- 3) разработать систему оценки качества в системе электронного обучения [17].

По всей видимости, российской властью был выбран вариант авторитарной модернизации, предполагающий ее сведение к технологическим изменениям, ограничением ее сферой экономики и не допускающий существенных преобразований политической системы и режима [15]. Она не является политической по своему характеру, а представляет способ легитимации власти. Ее перспективы связываются не с развитием гражданского общества, а усилением патерналистского государства и проведением политики «великой державы». Главным фактором модернизации выступает само государство в лице бюрократии.

Таким образом, в качестве выводов отметим, что в современной России сформировалась система государственного управления образованием в обществе, ко-

торая, во-первых, обусловлена недостаточной степенью влияния политической элиты страны на формирование образовательной политики и передачи полномочий по реализации стратегии этой политики государственному аппарату. Во-вторых, система государственного управления образовательным процессом в настоящее время обусловлена высокой степенью влияния на этот процесс органов исполнительной власти.

Однако система государственного управления образованием в связи с постоянно усложняющимися социальными связями в образовании и вступлением России в Болонский процесс все больше порождает противоречий в отношениях между властью и обществом, между образовательными учреждениями и органами власти, между научно-педагогическими работниками и администрацией учебных заведений, между преподавателями и обучающимися. В обществе растет озабоченность по поводу качества образования, обострения вопросов занятости населения, несоответствия профессиональной подготовки требованиям бизнеса, несмотря на введение профстандартов, в связи с неэффективной образовательной политикой. Указанные противоречия показывают необходимость перехода к качественно иному способу влияния политической и государственной власти на образование в обществе — системе государственного регулирования.

В свою очередь, система государственного регулирования образования в обществе предполагает возрастание роли законодательной и судебной власти, а также иных акторов политической системы (политических и общественных организаций, бизнеса) в воздействии на образовательный процесс в России. По сути, речь идет о формировании еще более высокой ступени системы влияния на образование в обществе — саморегулировании, которое позволит разрешить выше-названные противоречия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] См.: Федеральный Закон РФ «Об образовании в РФ» от 29 декабря 2012 г. № 273.
- [2] Резать будем? Почему количество российских чиновников растет, сколько бы их ни сокращали // Газета.Ru. 16.10.2015. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2015/10/16_e_7825007.shtml.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога: 2-е изд. СПб.: Питер, 2006.
- [2] Вахромеев В.В. Политическая элита: теоретические проблемы анализа / под ред. В.А. Труханова. М.: ООО «Медина-Принт», 2007.
- [3] Восленский М.Н. Номенклатура. М.: Захаров, 2005.
- [4] Голосов А., Плотнюк И., Филиппович А. Информационные технологии в образовании: преимущества интеграционного подхода // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 8.
- [5] Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013—2020 годы. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/3409>.

- [6] *Демченко С.В.* Национальная безопасность и образовательная политика в современной России: Монография. М.-Орел: Издательство ОРАГС, 2008.
- [7] *Дзугев Х.В.* Народ и власть // *Власть*. 2003. № 6.
- [8] Доклад: Государственная власть и ее механизм. URL: http://www.erudition.ru/ref/id.49138_1.html.
- [9] *Иванов В.Г.* «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть I // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2011. № 4.
- [10] *Иванов В.Г.* «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть II // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2012. № 1.
- [11] *Карадже Т.В.* Проблема определения «политического» в политической науке // *Вопросы политологии*. 2013. № 3 (11).
- [12] *Кин Д.* Демократия и гражданское общество [пер. с англ.] / Послесл. М.А. Абрамова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- [13] *Клемешев А.П., Кукса И.Ю., Гареев Т.Р.* Инновационные образовательные программы как инструмент стратегического и антикризисного управления // *Высшее образование в России*. 2009. № 6.
- [14] *Козлова Г.Н., Овчинников А.В.* Историография взаимодействия власти и общества в развитии общего образования в России XIX—XX вв. // *Электронное научное издание Альманах Пространство и Время*. 2015. Т. 8. Вып. 1: Пространство и время образования.
- [15] *Красин Ю.А.* Модернизация российского общества: соотношение экономики и политики // *Власть*. 2010. № 2.
- [16] *Медведев Н.П.* Проблемы преподавания политологии в высшей школе // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2014. № 2.
- [17] *Павлютенкова М.Ю.* Аспекты образовательной политики в России: развитие электронного обучения // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2014. № 3.
- [18] *Политология* / под ред. В.И. Волковского. М.: ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова», 2009.
- [19] Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 03.12.2015 «Послание Президента Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898.
- [20] *Филитова И.Г.* Коррупция, демократия и регуляторная эффективность государства. URL: http://mpira.ub.uni-muenchen.de/49951/MPRA_Paper_No.49951.19.09.2013.08:21UTC.
- [21] *Чумаков Д.Д.* Изучение моделей взаимодействия гражданского общества и института государства: теоретико-концептуальный аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2014. № 3.
- [22] *Щербинин А.И.* Политическое образование. М.: Весь Мир, 2005.
- [23] *Яковлев В.В.* Трансформация политического режима в России в конце XX — начале XXI века: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2004.
- [24] Smart E-Learning Россия 2011, 8—9 июня. Конференция. Москва. URL: http://www.elearning-russia.ru/last/e_learning_2011.
- [25] *The Regulation of Higher Education* / Edited by Martin Lodge (Julia Black, Andrew M. Boggs, Heather Fry, Nick Hillman, Stephen Jackson, Roger King, Martin Lodge and Simeon Underwood). Discussion Paper № 77. London School of Economics and Political Science, 2015.
- [26] *Weeks M.K., Lawton S.B., Usdan M.D., Davis H.D.* Legal Basis of State Relations to Nonpublic Schools. URL: <http://education.stateuniversity.com/pages/2452/States-Education.html#ixzz4NDHDxLUkH>.

POLITOLOGICAL ANALYSIS OF INTERACTION OF AUTHORITY AND EDUCATION

N.N. Denisenkova

Plekhanov Russian University of Economics
Stremyanny lane, 36, Moscow, Russia, 117997

In the article is presented the politological analysis of the interaction of authority and education in Russian society to identify the understanding of relations among authority structures and education in the system of state regulation. This interaction is defined as a scientific definition and as a mechanism for the practical implementation of modern upgrades in the field of education in Russia. This approach allowed us to form a fairly complete representation of the possible forms and methods of the Russian authority influence on the educational process in the context of a comprehensive modernization of society.

Key words: authority and education, politological analysis, public administration and regulation, educational process

REFERENCES

- [1] Ancupov A.Ja., Shipilov A.I. Slovar' konfliktologa: 2-e izd. SPb.: Piter, 2006.
- [2] Vahromeev V.V. Politicheskaja jelita: teoreticheskie problemy analiza. Pod red. V.A. Truhanova. M.: ООО «Medina-Print», 2007.
- [3] Voslenskij M.N. Nomenklatura. M.: Zaharov, 2005.
- [4] Golosov A., Plotnjuk I., Filippovich A. Informacionnye tehnologii v obrazovanii: preimushhestva integracionnogo podhoda. *Problemy teorii i praktiki upravlenija*. 2006. № 8.
- [5] Gosudarstvennaja programma Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovanija» na 2013—2020 go-dy. URL: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/3409>.
- [6] Demchenko S.V. Nacional'naja bezopasnost' i obrazovatel'naja politika v sovremennoj Rossii. Monografija. M.-Orel: Izdatel'stvo ORAGS, 2008.
- [7] Dzucev H.V. Narod i vlast'. *Vlast'*. 2003. № 6.
- [8] Doklad: Gosudarstvennaja vlast' i ejo mehanizm. URL: http://www.erudition.ru/ref/id.49138_1.html.
- [9] Ivanov V.G. «Estestvennyj uroven' obrazovanija» kak faktor stabil'nosti politicheskogo rezhima. Chast' I. *RUDN Journal of Political Sciences*. 2011. № 4.
- [10] Ivanov V.G. «Estestvennyj uroven' obrazovanija» kak faktor stabil'nosti politicheskogo rezhima. Chast' II. *RUDN Journal of Political Sciences*. 2012. № 1.
- [11] Karadzhe T.V. Problema opredelenija «politicheskogo» v politicheskoi nauke. *Voprosy politologii*. 2013. № 3 (11).
- [12] Kin D. Demokratija i grazhdanskoe obshhestvo. Poslesl. M.A. Abramova. M.: Progress-Tradicija, 2001.
- [13] Klemeshev A.P., Kuksa I.Ju., Gareev T.R. Innovacionnye obrazovatel'nye programmy kak instrument strategicheskogo i antikrizisnogo upravlenija. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2009. № 6.
- [14] Kozlova, G.N., Ovchinnikov, A.V. Istoriografija vzaimodejstvija vlasti i obshhestva v razvitii obshhego obrazovanija v Rossii XIX—XX vv. *Jelektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremja*. 2015. T. 8. Vyp. 1: Prostranstvo i vremja obrazovanija.
- [15] Krasin Ju.A. Modernizacija rossijskogo obshhestva: sootnoshenie jekonomiki i politiki. *Vlast'*. 2010. № 2.

- [16] Medvedev N.P. Problemy prepodavaniya politologii v vysshej shkole. *RUDN Journal of Political Sciences*. 2014. № 2.
- [17] Pavljutenkova M.Ju. Aspekty obrazovatel'noj politiki v Rossii: razvitie jelektronного obuchenija. *RUDN Journal of Political Sciences*. 2014. № 3.
- [18] Politologija. Pod red. V.I. Volkovskogo. M.: GOU VPO «RJeA im. G.V. Plehanova», 2009.
- [19] Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniju ot 03.12.2015 «Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898.
- [20] Filippova I.G. Korrupcija, demokratija i reguljatornaja jeffektivnost' gosudarstva. URL: [http://mpa.ub.uni-muenchen.de/49951/MPRA Paper No. 49951](http://mpa.ub.uni-muenchen.de/49951/MPRA_Paper_No.49951). 19.09.2013. 08:21 UTC.
- [21] Chumakov D.D. Izuchenie modelej vzaimodejstvija grazhdanskogo obshhestva i instituta gosudarstva: teoretiko-konceptual'nyj aspekt. *RUDN Journal of Political Sciences*. 2014. № 3.
- [22] Shherbinin A.I. Politicheskoe obrazovanie. M.: Ves' Mir, 2005.
- [23] Jakovlev V.V. Transformacija politicheskogo rezhima v Rossii v konce XX — nachale XXI veka: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2004.
- [24] Smart E-Learning Rossija 2011, 8—9 ijunja. Konferencija. Moskva. URL: http://www.elearning-russia.ru/last/e_learning_2011.
- [25] The Regulation of Higher Education. Edited by Martin Lodge (Julia Black, Andrew M. Boggs, Heather Fry, Nick Hillman, Stephen Jackson, Roger King, Martin Lodge and Simeon Underwood). Discussion Paper № 77. London School of Economics and Political Science, 2015.
- [26] Weeks M.K., Lawton S.B., Usdan M.D., Davis H.D. Legal Basis of State Relations to Nonpublic Schools. URL: <http://education.stateuniversity.com/pages/2452/States-Education.html#ixzz4NDHDxLUkH>.

@ Н.Н. Денисенкова

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.А. Мясоедова

АОНО ВПО «Институт систем управления экономикой и международного права»
ул. Колпакова, 2а, Московская область, Мытищи, Россия, 141002

В статье рассматриваются особенности формирования института молодежных политических элит в Российской Федерации. Автором обосновано, что формирование молодежных политических элит напрямую зависит от возможностей самореализации и профессионального развития представителей молодежной общности и требует системного подхода в становлении молодого человека и его политической социализации. Выявлены аспекты, в контексте которых необходимо рассматривать процесс формирования института молодежных политических элит: социально-экономические, политические, когнитивные. Предложены ключевые методы и формы взаимодействия государственных институтов с молодым поколением. Выявлены условия, реализация которых необходима для образования института молодежных политических элит в России: действующая административно-управленческая элита должна осознавать необходимость создания подобного элитарного института для молодежи; наличие нормативного и организационно-методического обеспечения деятельности молодежных лидеров; отражение действий молодежного лидера в совокупности коммуникативных интеракций; субъектно-объектная позиция индивида в текущем политическом процессе социализации; формирование гражданской политической культуры, «фундаментом» которой являются понятия гражданственности и патриотизма. В заключение сделан вывод о том, что развитие системы политического воспитания и построение института молодежных элит должно основываться на научных социологических исследованиях и актуальных данных, отражающих динамику умонастроений и предпочтений молодежи. А особое внимание со стороны государственных акторов следует уделить актуальным задачам обеспечения включенности молодых людей в процессы формирования политики государства.

Ключевые слова: институт молодежных политических элит, молодежь, политическая элита, политическое поведение

XXI век — эпоха новой системы подбора и рекрутирования кадрового состава управленческой элиты в России. Сложившаяся после распада СССР, в период становления новой России, система кадрового обеспечения органов государственного управления представляет собой разрозненный конгломерат идей, мнений и подходов. Не смотря на единую нормативно-правовую базу, в настоящее время существуют и применяются различные механизмы, обеспечивающие подбор персонала, соответствующий всем современным требованиям, относящимся к концепту эффективного управленца — молодого менеджера политико-управленческой среды.

Модернизация российской политико-управленческой среды, активно продолжающаяся уже более 10 лет, призвана улучшить общую структуру государствен-

ного управления на всех уровнях власти: от муниципального до федерального. Как следствие, в рамках данного процесса особое внимание следует уделить построению качественной и унифицированной системы обеспечения органов управления квалифицированным персоналом.

Особый интерес с позиции кадрового обеспечения органов управления представляет собой молодежная общность, задачами которой в обозримом будущем станут: повышение конкурентоспособности страны на мировой арене и ее социально-экономическое развитие; разработка и реализация эффективных стратегических решений на всех уровнях управления; сохранение и приумножение потенциала страны. Молодежная аудитория в современном мире выступает важнейшим актором преобразований: от ценностных, культурных до глобальных экономических и политических процессов. Социально-экономическая сфера требует для качественного инновационного рывка силу молодых лидеров, которые умеют взаимодействовать в условиях глобального кризиса (не только финансового, но и кризиса общественного развития: человечество перестает взращивать что-то новое, а лишь углубляется в модернизацию уже произведенных средств жизнедеятельности).

Как следствие, в России возникает острая необходимость становления и развития *института молодежных политических элит*, который способен обеспечить молодежными лидерами и квалифицированными кадрами органы управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Важным ресурсом данного института является молодежь с ее несформированной в полной мере гражданской позицией, которая создается под воздействием различных агентов политико-управленческой деятельности (государство, политические партии и движения, политические менеджеры и др.) и социального окружения (семья, друзья, социальная общность, к которой принадлежит индивид, и др.). При этом политические акторы имеют равные возможности для оказания воздействия на становление определенных молодежных околополитических сил, которые смогут впоследствии стать самостоятельными игроками политического рынка.

Формирование института молодежных политических элит требует системного похода в становлении молодого человека и его политической социализации, который в сумме может дать яркого представителя молодежной политической элиты и обеспечивается динамичными структурами, обладающими привлекательностью для молодого поколения (речь о молодежных общественно-политических движениях, некоммерческих организациях) [12. С. 34].

Так, в настоящее время в России отмечается рост влияния молодежных формальных и неформальных движений, в том числе политических, на подрастающее поколение. Эти «движения» для некоторых представителей молодежной общности становятся стартовой площадкой для построения политической карьеры и успешного развития (в подавляющем большинстве случаев на муниципальном и региональном уровнях). Современную российскую молодежь отличает высокий уровень гражданской и политической активности, выражающейся в разных орга-

низационных формах. Основные формы современной политической деятельности молодежи:

— политические партии и организации, имеющие молодежные отделения («Молодая гвардия» Единой России, «Союз коммунистической молодежи», Молодежное отделение ЛДПР и др.);

— молодежные политические движения и организации федерального и регионального уровней («СЕТЬ», «ДА!», «Местные» и др.);

— молодежные парламенты и правительства как новые организационные формы вхождения молодежи во власть [6].

Высокая политическая активность молодежи может объясняться тем, что на политической арене России фактически нет молодежных лидеров, за которыми могло бы пойти молодое поколение. Поэтому молодежная общность все чаще предпринимает попытки самостоятельно выделить из своей среды этих лидеров — молодых политиков, обладающих определенным личностным потенциалом, способных выражать интересы всей молодежи. Одними из ключевых личностных характеристик, которые позволяют выделять потенциальных молодых лидеров из общей социальной массы, являются:

— система ценностей и политических убеждений;

— устойчивость к стрессу;

— потребности и мотивы, влияющие на политическое поведение будущего политического лидера.

Мотивация молодежи к участию в политической деятельности и природа активной формы политического поведения молодого поколения (в соответствии с классификацией мотивов политического участия, предложенной Д. Макклелландом и Дж. Аткинсоном: мотив власти, мотив достижения и мотив аффилиации), по нашему мнению, может быть объяснена тремя важнейшими факторами [18]:

— личностными чертами молодого политика, позволяющими выработать модель политического поведения, сформировать стиль деятельности активной личности в текущих политических практиках;

— политической социализацией, определяющей характер политического поведения молодого поколения;

— мотивацией политического поведения, помогающей найти собственную ориентацию личности в политике.

Помимо мотивации к участию в политической деятельности и фактического отсутствия молодежных лидеров на политической арене основополагающее значение при организации института молодежных политических элит в единый конгломерат управленцев «нового порядка» имеют кадровое обеспечение политической сферы и оказание поддержки в социализации нового поколения в современные социально-политические и экономические реалии.

Формирование молодежных политических элит напрямую зависит от возможностей самореализации и профессионального развития представителей молодежной общности [2. С. 217]. Поэтому стимулирование государственных институтов к выработке собственных подходов и методов ведения государственной политики

в области занятости и профессиональной ориентации молодого поколения необходимо рассматривать в контексте следующих факторов/аспектов.

Социально-экономические. На уровне государства необходимо формирование социально-экономической основы активизации профессиональной деятельности молодежи, базирующейся на долгосрочной стратегии развития института молодежных политических лидеров (рис.).

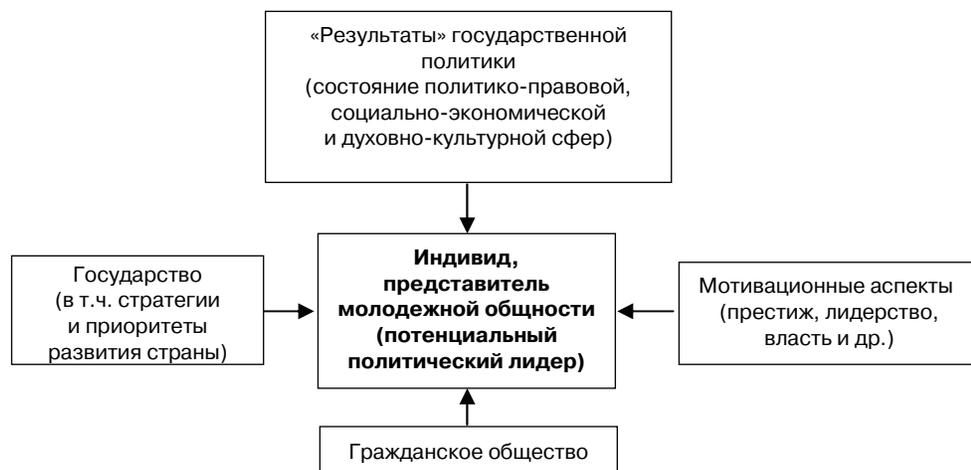

Рис. Социально-экономическая основа активизации профессиональной деятельности молодежи

Политические. Политическая деятельность государственных и муниципальных органов власти должна быть принята и признана гражданским обществом и вносить существенный вклад в существующие реалии. На эти реалии необходимо ориентироваться политическим, управленческим, экономическим группам социетарного толка. В настоящее время государство не может с высокой долей вероятности предсказывать последствия проводимой им политики вследствие динамики внешнего окружения и событий на мировой арене. Однако теоретические основы, вырабатываемые им для молодежных сообществ, должны соответствовать общепризнанным принципам и нормам, которые установлены обществом в целом. Так, по мнению Майкла Оукшотта, политические исследования и мышление, формируемые научными группами, должны соответствовать существующим политическим реалиям, и в то же время политическая философия должна предопределять политическую практику [8].

Когнитивные. Внедряя те или иные принципы в государственную политику в области занятости и трудоустройства молодежи, необходимо формировать «правильные», «позитивные» послы дискурса, поскольку негативные проявления реализации заявленных положений на практике носят отрицательный характер и социально-экономические последствия [4]. Значимость данного аспекта подтверждается теоретическим предположением Ю.М. Головки, который, определяя когнитивные особенности государственной молодежной политики, заостряет внимание на том, что деятельность институциональных форм молодежных лидеров

должна носить познавательный характер. «Познавательный» характер деятельности позволяет выработать у индивида определенные способы реакции на «вызовы», с которым ему придется столкнуться при принятии решения о самореализации в сфере политико-управленческих отношений. Организация когнитивной функции определяется и осуществляется всеми взаимодействующими акторами политической действительности, которые заинтересованы в привлечении молодежной элиты к политической деятельности [3. С. 82].

Рассматривая особенности профессионального развития современной молодежной общности в рамках национальной инновационной политики и разработки инновационных основ кадровой молодежной политики, следует выделить ряд проблем, с которыми сталкиваются органы государственного и муниципального управления.

1. *Потребность в квалифицированных работниках муниципальной службы.* Данная потребность может удовлетворяться посредством рекрутирования молодежных лидеров из некоммерческих организаций, студенческих объединений, профсоюзных организаций. Однако следует отметить, что те вызовы, с которыми сталкивается молодежная аудитория в регионах (вакансии государственной гражданской и муниципальной службы заняты кадрами, средний возраст которых 45 лет [16], часто не имеющими профильного образования), сложно сконструировать идеальную модель организации принципиальных основ политических детерминант для эффективного рекрутирования молодежных политических элит.

2. *Проблемы подбора квалифицированного молодежного персонала.* Первоначальный риск заложен уже в выборе профессии молодого человека. Поэтому институт молодежных политических элит должен быть сформирован в соответствии с существующими сегодня требованиями по подбору кадрового персонала в органах государственной власти и местного самоуправления, политических партиях, некоммерческих организациях.

Важно, чтобы осознание того, что сегодняшние стажеры и практиканты через 5—10 лет могут управлять отраслевыми министерствами и департаментами в своих субъектах Федерации или стать ведущими политическими консультантами, имело место не только в государственных учреждениях, но и в сознании граждан, которые бы выразили готовность принимать молодых лидеров как правопреемников. На примере молодежных лидеров можно говорить, что они имеют возможность изначально определять политический курс своего первичного объединения, что впоследствии может стать платформой реализации социализирующего фактора, ориентированного на карьерный рост в определенной политической структуре [7. С. 116].

Для того чтобы молодежный лидер мог с наименьшими потерями включиться в политико-управленческую деятельность, необходима разработка *ключевых форм и методов взаимодействия* государственных институтов властных отношений с молодыми «строителями» будущей России. В качестве таких форм и методов можно выделить следующие.

Политологически-ориентированные методы. Представлены идеями делиберативной демократии: взгляды одного из основателей Франкфуртской школы

Юргена Хабермаса, который внедрил в политическую и социологическую науки концепт «публичности» [13—15]. «Публичность», по нашему мнению, — это та сфера, реализуя свои компетенции в которой молодой лидер имеет возможность проявить себя в качестве потенциального политического лидера и быть замеченным работодателем. Последствиями «публичной» деятельности может стать как успешное прохождение конкурса на замещение должностей государственной гражданской и муниципальной службы, так и работа в различных политических или некоммерческих структурах.

Формы коммуникационного взаимодействия. Коммуникационный аспект деятельности молодежных лидеров может быть наиболее рационально использован как предмет развития общегражданских взаимоотношений социальной солидарности и совещательных принципов современной демократии. Коммуникационное развитие института политических элит, сформированных в молодежной среде, должно исходить из принципа построения проектов внутри некоммерческих организаций, политических партий, профсоюзных организаций и т. д. При этом проект может представлять собой решение проблемы местного значения, география реализации которого включает в себя микрорайон, муниципалитет, организацию, школу, вуз и др. Далее, при успешной его реализации он имеет возможность перерасти в социально-ориентированный проект, которым могут заинтересоваться акторы государственного управления и федеральные властные институты.

Реализация подобных действий возможна через внедрение в практику молодежного лидера социальных ролей «рассадников» [5] гражданского общества и его сопутствующих институтов. Их работоспособность определяется тем, насколько общество готово претворять в жизнь потенциал межсубъектной коммуникативной интеракции. Благодаря такой работе представители существующей молодежной элитарной группы могут включать в свои ряды новых заинтересованных лиц.

Подобная деятельность будет носить характер непрерывного рекрутирования элит из других социальных слоев (Г. Лассуэл отмечает, что действующая элита сама определяет те обстоятельства, которые дают определенные предпочтения о времени, месте, личных симпатиях для того чтобы понять, кто вступит в их ряды, а кто нет) [17. С. 39].

Данный подход является утилитарным и обеспечивает условия для образования института политических элит.

Структура политического поведения молодого лидера определяет его выбор провластных или оппозиционных общественно-политических движений, в рамках которых он и пытается проявить свою активность в политике. По нашему мнению, для образования института молодежных политических элит в России с учетом сложившейся ситуации необходимо выполнение ряда условий.

1. *Действующая административно-управленческая элита должна осознавать необходимость создания подобного элитарного института для молодежи.*

2. *Наличие нормативного и организационно-методического обеспечения деятельности молодежных лидеров, являющихся субъектами государственной молодежной политики, и программ поддержки молодежных инициатив.* В России

основополагающим документом, который формирует нормы взаимодействия акторов политико-управленческого действия в молодежной среде, является «Основы государственной молодежной политики до 2025 года» [10]. Данный документ закрепляет базисные ориентиры развития системы государственной поддержки молодежной инициативы и определяет организационное понятие «инфраструктура молодежной политики» как «систему государственных, муниципальных организаций и общественных объединений, а также иных организаций всех форм собственности, обеспечивающих возможность оказания услуг и проведения мероприятий, направленных на развитие молодежи» [10].

3. *Отражение действий молодежного лидера в совокупности коммуникативных интеракций (как способа мотивации и организации системной работы по принятию определенных политических решений)*. Для обеспечения роста и развития молодежных лидеров в сфере государственного управления и продвижения их проектов акторы политико-управленческого процесса должны обеспечить соответствующие условия мотивации [11. С. 149]. В качестве условий мотивации для потенциальных молодежных лидеров можно рассматривать:

— создание положительного психологического настроения внутри социальной группы, который может повлиять на итоговый результат, удовлетворенность от работы и сопутствующий ему «фидбэк» [1];

— достижение определенного уровня коммуникационного взаимодействия, который позволяет интегрировать усилия молодого лидера по созданию структурированной концепции, в соответствии с которой можно выявить наилучшие тенденции для достижения поставленной цели;

— обращение к проблемам молодежного сообщества со стороны институтов государственной власти (как элемент мотивации молодежных лидеров связать свою профессиональную, общественно-политическую жизнь с Российской Федерацией).

4. *Субъектно-объектная позиция индивида в текущем политическом процессе социализации*. С одной стороны, молодежные лидеры являются субъектами политических практик (что предполагает высокий уровень его вовлеченности в общественно-политические структуры), а с другой стороны, молодежь выступает в качестве объекта политической социализации со стороны различных акторов, испытывая на себе всю полноту воздействия политических институтов и политической системы в целом [9].

5. *Формирование гражданской политической культуры, «фундаментом» которой являются понятия гражданственности и патриотизма, а основным содержанием — процесс политической социализации и адаптации*. Сегодня деятельность по воспитанию политической грамотности и политической культуры молодого поколения развита недостаточно. Для предупреждения политической пассивности и конформизма, а также в целях формирования активного электропального поведения молодежи необходимо создание единой системы конвенционального политического участия, которая может включать в себя такие инструменты политической социализации как: дебаты, политический дискуссионный клуб,

школа молодого избирателя, совет политически активной молодежи, информационный политический портал и т.д.

В современном медиапространстве информационное обеспечение любого события является одним из ключевых факторов его позитивного или негативного восприятия обществом, и в том числе молодежью.

Таким образом, развитие системы политического воспитания и построение института молодежных элит в целом должно основываться на научных социологических исследованиях и актуальных данных, способных отразить динамику текущих умонастроений и предпочтений молодежи.

Особое внимание со стороны государственных акторов следует уделить актуальным задачам обеспечения включенности молодых людей в процессы формирования политики государства, которые должны осуществляться через организацию взаимодействия государственных и муниципальных структур с молодежными общественными объединениями и системную поддержку их инициатив.

Кроме того, не решенной в условиях «догоняющей» модернизации остается проблема развития современных молодежных политических движений. В российском обществе данный институт гражданского и политического участия должен стать важным субъектом молодежной политики, способным формировать политическую культуру молодежи, воспитывать компетентных и грамотных политических лидеров, создавать необходимые условия для конструктивного самовыражения личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Беспалов Д.В., Набасова Н.В.* Динамика лидерства в группах различной организованности // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 1 (25)
- [2] *Волокитина А.А.* Жизненные стратегии молодежи в условиях профессионального выбора // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4.
- [3] *Головки Ю.М.* Тренды, влияющие на рекрутирование политических молодежных элит в российской политической действительности // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 10.
- [4] *Иванов В.Г.* «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть II // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 1.
- [5] *Кимлика У.* Современная политическая философия: введение / Пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
- [6] *Латухина К.* Оппозиция в России сильно помолодела // Независимая газета. 2013. 13 авг.
- [7] *Москалев А.Г.* Молодежные общественные объединения как форма артикуляции интересов молодежи и субъект политической социализации // Грамота. 2011. № 4 (10).
- [8] *Оукиотт М.* Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002.
- [9] Политический потенциал и политическая активность молодежи: опрос населения Фонд «Общественное мнение». URL: http://bd.fom.ru/report/cat/polit/int_pol/dd052222.
- [10] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р г. Москва. URL: <http://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html?desktop=true>.

- [11] Рожков М.И. Лидерский и организаторский потенциал личности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. № 2.
- [12] Тихонов А.А. Идеологические ориентации современных молодежных организаций // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 3.
- [13] Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. М., 1995.
- [14] Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001.
- [15] Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Издательство «Весь Мир», 2003.
- [16] Шамарова Г.М. Формирование и развитие кадрового потенциала органов местного самоуправления: Дисс. ... д-ра эконом. наук. М., 2010.
- [17] Lasswell H.D. Power and Personality. N.Y., 1948.
- [18] McClelland D., Atkinson J., Clark R., Lowell E. The Achievement Motive. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1953.

FORMATION OF THE INSTITUTE OF YOUTH POLITICAL ELITE IN THE CONTEXT OF POLITICAL TRANSFORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

V.A. Myasoedova

Institute of Economics, Management and International Law
Kolpakova str., 2A, Mytitschi, Moscow region, Russia, 141002

The article discusses the features of the formation of the institute of youth political elite in the Russian Federation. The author proved that the formation of youth political elites directly dependent on the fulfillment of opportunities and professional development of representatives of the youth community and requires a systematic campaign in the formation of the young man and his political socialization. Revealed aspects in the context of which it is necessary to consider the formation of the institute of youth political elite: the socio-economic, political, cognitive. Proposed key methods and forms of interaction between state institutions with the younger generation. The conditions, the implementation of which is necessary for the formation of the institute of youth political elites in Russia: the current administrative and managerial elite has to be aware of the need to create such an elite institution for young people; the existence of regulatory and organizational methods of the activities of youth leaders; a reflection of the youth leader action together communicative interactions; subject-object position of the individual in the current political process of socialization; foster civic political culture, "foundation" which are the concepts of citizenship and patriotism. In conclusion, it is concluded that the development of the political system of education and the building of the Institute of Youth elites should be based on scientific and sociological studies of actual data, reflecting the dynamics of the youth mentality and preferences. A special attention on the part of government actors should be given new urgency to inclusion of young people in the processes of formation of state policy.

Key words: institute of youth political elite, youth, political elite, political behavior

REFERENCES

- [1] Bespalov D.V., Nabasova N.V. Dinamika liderstva v gruppah razlichnoj organizovannosti. *Uchenye zapiski: jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 1 (25).
- [2] Volokitina A.A. Zhiznennye strategii molodezhi v uslovijah professional'nogo vybora. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2010. № 4.
- [3] Golovko Ju.M. Trendy, vlijajushhie na rekrutirovanie politicheskikh molodezhnyh jelit v rossijskoj politicheskoy dejstvitel'nosti. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura*. 2014. № 10.
- [4] Ivanov V.G. «Estestvennyj uroven' obrazovanija» kak faktor stabil'nosti politicheskogo rezhima. Chast' II. *RUDN Journal of Political Sciences*. 2012. № 1.
- [5] Kimlika U. Sovremennaja politicheskaja filosofija: vvedenie. Per. s angl. S. Moiseeva; Gos. un-t — Vysshaja shkola jekonomiki. M.: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshej shkoly jekonomiki, 2010.
- [6] Latuhina K. Oppozicija v Rossii sil'no pomolodela. *Nezavisimaja gazeta*. 2013. 13 avg.
- [7] Moskalev A.G. Molodezhnye obshhestvennye ob'edinenija kak forma artikuljaccii interesov molodezhi i sub'ekt politicheskoy socializacii. *Gramota*. 2011. № 4 (10).
- [8] Oukshott M. Racionalizm v politike i drugie stat'i. M.: Ideja-Press, 2002.
- [9] Politicheskij potencial i politicheskaja aktivnost' molodezhi: opros naselenija Fond «Obshhestvennoe mnenie». URL: http://bd.fom.ru/report/cat/polit/int_pol/dd052222.
- [10] Rasporzazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 nojabrja 2014 g. № 2403-r g. Moskva. URL: <http://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html?desktop=true>.
- [11] Rozhkov M.I. Liderskij i organizatorskij potencial lichnosti. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2010. № 2.
- [12] Tihonov A.A. Ideologicheskie orientacii sovremennyh molodezhnyh organizacij. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2005. № 3.
- [13] Habermas Ju. *Demokratija, razum, npravstvennost'*. M., 1995.
- [14] Habermas Ju. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie*. Per. S nem. D.V. Skljadneva. SPb.: Nauka, 2001.
- [15] Habermas Ju. *Filosofskij diskurs o moderne*. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2003.
- [16] Shamarova G.M. *Formirovanie i razvitie kadrovogo potenciala organov mestnogo samoupravlenija*. Diss. ... d-ra jekonom. nauk. M., 2010.
- [17] Lasswell H.D. *Power and Personality*. N.Y., 1948.
- [18] McClelland D., Atkinson J., Clark R., Lowell E. *The Achievement Motive*. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1953.

@ В.А. Мясоедова

РЕГИОНЫ РФ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЖИТЕЛЕЙ СРЕДНИХ И БОЛЬШИХ ГОРОДОВ РОССИИ (на примере Башкирии)

Д.Г. Михайличенко, Е.В. Соболев

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
ул. Октябрьской революции, 55, Уфа, Россия, 450000

В статье рассматриваются особенности политической культуры жителей больших и средних городов Республики Башкортостан. Особенности экономического развития региона, его многонациональный и полирелигиозный состав позволяют экстраполировать основные выводы исследования на другие субъекты федерации.

На основе данных социологических исследований, проведенных авторами в ведущих городах Башкирии, выявляются особенности формирования подданнического типа политической культуры населения городов республики. Рассматриваются такие особенности политической культуры горожан, как низкий протестный потенциал, политическая индифферентность, отчуждающий тип политического поведения, отсутствие критического восприятия информации.

Анализируются основные проблемы, с которыми сталкиваются жители городов в условиях экономической и политической трансформации. Показывается, каким образом сформировавшийся тип политической культуры препятствует положительному разрешению этих и других проблем.

В статье сделаны выводы о перспективах развития городов, противоречивой государственной политике, инициирующей гражданскую активность, с одной стороны, и требующей политической лояльности, которая предполагает патерналистские установки на подданнический тип политической культуры, с другой.

Ключевые слова: политическая культура, подданнический тип, средние и большие города, полиэтничность, протестный потенциал, гражданская активность

Урбанистическая среда в Башкирии сформировались в основном на протяжении XX в., когда происходил стремительный, в определенной степени насильственный, переход от аграрной к индустриальной социальности. Дополнительный импульс росту городов в Башкирии и на Урале в целом придала эвакуация накануне и в начале Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.), когда сконцентрированные на Западе страны специалисты, производственные предприятия и научные центры были локализованы на территории современных Приволжского

и Уральского федеральных округов России. В итоге в регионе во второй половине XX в. произошел стремительный количественный и качественный рост городов разного типа, который продолжился до конца 90-х гг. XX в.

Несомненно, процесс урбанизации был гораздо сложнее и противоречивее — развивались старые города, преобразовывались города-заводы XVIII в., урбанизация шла «по-деревенски», однако использование старых городов, формирование молодых городов на основе доразвития «эмбрионов» не позволяло решить задачи модернизации страны, поэтому появление дополнительных городов являлось насущной необходимостью.

В условиях международной изоляции СССР не имел возможности широко использовать сырьевые ресурсы мира, что обусловило создание большого числа сырьевых городов, обеспечивших индустриальный рывок страны [3. С. 305]. Ускоренная урбанизация, наряду с авторитарной политической системой Советского Союза, способствовала формированию особого типа жителей новых городов, главными отличительными чертами которых стали полная зависимость от государства. Большая часть новых горожан — это бывшие сельские жители близлежащей округи, для которых переезд в город стал резким улучшением качества жизни. Получив от государства «блага» в виде водопровода, канализации, света, газа, новые горожане прочно усвоили подданнический тип взаимоотношений с властью.

Этот тип взаимоотношений в сознании граждан индоктринировался посредством этатистских идеологем, содержание которых сводилось к тому, что государство — это сверхценность. Кроме того, участвуя в советских стройках, к которым относилось в том числе и строительство самих городов, человек идентифицировал себя как часть мегамшины (Л. Мэмфорд), в результате чего у «новых горожан» свои личные стремления и интересы подменялись общегосударственными.

Проблемы экономического развития России конца 1990-х — начала 2000-х гг. негативно сказались на развитии российских городов, характерными чертами которых стали деиндустриализация, депопуляция, сокращение уровня жизни и старение населения. В постсоветский период, когда государство перестало транслировать четкие и приемлемые идеологические послы, это вылилось в политическую пассивность и индифферентность горожан, которые и послужили основой для формирования политической культуры. Бессознательная вера в созидательную и спасительную силу государства конвертировалась в подданнический тип культуры с низким протестным потенциалом.

Являясь особым типом политического поведения, отражающим специфику властно-управленческих конфигураций, политическая культура в значительной степени определяет отношение населения городов к тем новым социально-экономическим реалиям, которые артикулировались постсоветским этапом развития российской экономики. Политическая культура оказывает большое влияние на такие процессы в обществе, как деятельность общественных организаций и движений, участие граждан в политической жизни, формирование их политического сознания.

Рассматривая особенности политической культуры больших и средних городов Республики Башкортостан, основное внимание будет уделено следующим факторам:

- исторические характеристики, формирующие политический опыт и сознание населения (особенности исторического развития России и Башкирии);
- экономические характеристики города, закладывающие основы особой рабочей субкультуры, способствуя процессу политической социализации населения;
- социально-демографические характеристики, определяющие профиль городского социума, специфику социальной мобильности, способствуя формированию политических субкультур отдельных социальных групп и их взаимоотношений;
- этнические и религиозные характеристики;
- особенности взаимоотношения центра и регионов в условиях выстроенной в путинской России вертикали власти;
- география города, формирующая в самосознании горожан некое сообщество «мы» относительно сообществ «они» [5. С. 86].

Политическая культура средних и больших городов республики, как и России в целом, внутренне противоречива и гетерогенна. В ней одновременно представлено множество субкультур, которые не только сосуществуют, но и конфликтуют друг с другом. Причем ключевой проблемой является не столько многообразие субкультур, сколько их конфликтность, взаимная борьба, что свидетельствует об отсутствии взаимного согласия [5. С. 84]. В рамках политической социологии возможно изучение не только различных типов политической культуры жителей больших и средних городов (культурологический, коллективистский и психологический подходы), но и рассмотрение условий их возникновения, трансформации (сравнительно-исторический метод).

В настоящее время в Башкирии из более 4 млн человек населения в городах разного типа проживает 2,5 млн, т.е. 62,4% населения республики. Из 21 города 16 возникли в XX в., причем 4 из них — во второй половине XX в. Большинство «молодых» городов республики связаны с нефтехимической отраслью промышленности (Ишимбай, Салават, Нефтекамск, Октябрьский). Также есть сырьевые города, например, Белорецк, Учалы, Сибай. Наконец, есть небольшая группа «старых» городов, носивших статус уездных и имевших в свое время важное экономическое и отчасти политическое значение (Бирск, Стерлитамак, Белебей). Некоторые из них (Стерлитамак, Белебей) оказались востребованными в процессе индустриализации, другие же (Бирск) «выпали» из экономической инфраструктуры, сохранив за собой лишь культурно-историческое значение.

Согласно концепции развития регионов и населенных пунктов России, сформулированной Н.В. Зубаревич, от кризисных явлений в наибольшей степени может пострадать группа городов категории «Россия 2». В данную группу попадают 11 городов Башкирии (Белебей, Белорецк, Ишимбай, Мелеуз, Туймазы, Кумертау, Сибай, Нефтекамск, Октябрьский, Салават и Стерлитамак), в которых проживает 44,6% городского населения и 27,7% (1,13 млн человек) населения республики. Таким образом, как малые, так средние и большие города находятся в зоне риска,

однако если население малых городов длительное время существует в негативных условиях и в определенной степени приспособилось выживать в них, то жителям средних и больших городов, особенно индустриальных, еще предстоит это сделать.

Важной особенностью средних и больших городов Республики Башкортостан является их полиэтничность и поликонфессиональность. Несмотря на то, что большинство городского населения составляют русские, есть ряд городов с преобладающим башкирским (Баймак, Сибай, Учалы) и татарским населением (Агидель, Дюртюли). Исследования показывают, что этническая субкультура является важной составной частью политической культуры населения, которое в своем выборе помимо всех прочих соображений учитывает и национальность политических лидеров. Этнический состав, географическое положение города, социально-экономические изменения и политические процессы, происходящие в стране и регионе, детерминируют уровень развития города и населения.

Для изучения особенностей политической культуры больших и средних городов Башкирии использовались данные социологических исследований, проведенных в течение 2015—2016 гг. (1).

Согласно полученным данным, полиэтничность не является источником напряженности. Центр изучения национальных конфликтов отнес Башкортостан к регионам со средней межэтнической напряженностью. Данные, полученные нами, также не подтверждают высокого уровня межнациональной и межрелигиозной напряженности в исследуемых локациях [1]. Анализ результатов опросов показал, что 61,6% опрошенных считает, что межнациональные отношения основаны на взаимоуважении и толерантности, 58,8% респондентов подчеркнули, что проблема межнациональных отношений не является актуальной для их города. Характерно, что оставшаяся часть респондентов связывает межнациональные отношения не столько с противоречиями коренных этносов республики (русские, башкиры и татары) или господством этнократии (5—7% респондентов), но с фактором пришлых и мигрантов, под которыми понимаются жители центральноазиатских республик, украинские беженцы и, что характерно, выходцы из Кавказа (в том числе и те, кто формально не являются мигрантами и имеют российское гражданство).

Сокращение численности населения городов представляет серьезную угрозу. Из 20 городов (мы намеренно исключаем Уфу, т.к. в рамках Башкортостана столица всегда выступает в качестве реципиента) только 9 показывают положительную демографическую динамику.

Логика социального развития такова, что центр неизбежно концентрирует ресурсы с периферии, создавая тем самым возможности для инновационных изменений, чтобы со временем транслировать их на периферию [2. С. 9].

Таким образом, удержать численность населения и даже увеличить ее способны только города, находящиеся в непосредственной близости от региональных центров. Часто эти «младшие братья» в агломерации выполняют функции спальных районов для центров, что обеспечивает им приток как инвестиций в жилищ-

ное строительство, так и собственно населения [6]. Примером может служить г. Благовещенск, который постепенно превращается в город-спутник региональной столицы Уфы, подтягиваясь к средним городам.

Депопуляция вызвана многими факторами. Помимо проблемы трудоустройства сюда можно отнести недостаток инфраструктуры и невозможность получения высококачественных социальных услуг. Получается, что из всего вышеперечисленного складывается дополнительная проблема, решение которой позволит заняться остальными — это проблема образования, здравоохранения и городской инфраструктуры в целом. В качестве актуальных проблем жители Стерлитамака, Ишимбая, Кумертау, Нефтекамска и Салавата указывали завышение цен (41%), низкое качество медицинских услуг (40%), рост безработицы (30%).

Дальнейшее старение населения городов России и повышение пенсионного возраста будут способствовать лишь усугублению этой проблемы. Возможное повышение пенсионного возраста переложит финансирование населения на работодателей. Ограниченные бюджеты средних и больших городов в условиях сокращения производства и отсутствия инвестиций вряд ли будут способны справиться с такой задачей без поддержки из республиканского бюджета. В этих условиях жителей ждет лишь ухудшение качества социальных услуг и падение уровня жизни.

Таблица 1

Оценки горожанами больших и средних городов Башкирии социально-политической и социально-экономической ситуации (в %)

Факторы, влияющие на политическую культуру горожан	Стерлитамак	Салават	Нефтекамск	Ишимбай
Отсутствие перспектив экономического развития	49,6	48,2	73,6	55,2
Урегулированность межнациональных проблем	61,6	64,8	74,7	65,6
Уровень протестной активности	12	11	2,2	8,2
Отсутствие реальной оппозиции в политической системе страны	32	45,7	25,3	25,3
Уровень поддержки главы РБ	53,5	72,4	45	71,9
Поддержка главы администрации города	24,6	22	9,89	62,6
Наиболее актуальные проблемы с точки зрения жителей (на основе данных фокус-групп)	Повышение цен на продукты первой необходимости	Низкое качество медицинских услуг	Проблемы в сфере управления ЖКХ	Низкое качество медицинских услуг

Из таблицы 1 видно, что во всех городах, по мнению жителей, наблюдаются системные проблемы, мешающие полноценному развитию урбанистической среды. Среди них неблагоприятная экономическая ситуация, проблемы в сфере ЖКХ и особенно низкое качество медицинских услуг. Несмотря на невысокий уровень поддержки местной администрации, процент готовых активно протестовать против текущей политики администрации и главы Башкортостана крайне невелик и варьируется в лаге от 2,2 до 12%. Значительный сегмент респондентов вообще считает, что оппозиции в Башкирии не существует. Отчасти низкий уровень протеста вызван невысоким доверием существующей оппозиции. Однако определяю-

щим в данном случае выступает фактор политической культуры, предполагающий, что население не будет активно протестовать против политики государства.

Информационная замкнутость остается труднопреодолимым препятствием для формирования активного типа политической культуры горожан. Для большинства опрошенных телевизор по-прежнему является приоритетным источником информации, притом что имеется доступ к Интернету. Люди предпочитают закрытость поиску и критическому отбору информации. Отсутствие возможности развивать компетенции критического мышления не позволяет горожанам формировать собственную позицию по актуальным вопросам социально-экономической и политической жизни страны, а также по проблемам международных отношений. Более того, именно внешняя политика государства получает наибольшее одобрение населения.

Мозаичная и фрагментарная подача информации в СМИ зачастую не позволяет обществу сформировать целостный взгляд на важнейшие тренды политического и социально-экономического развития, а также составить мнение относительно перспективных и вероятностных векторов трансформации властно-управленческих коммуникаций. Также необходимо отметить не критичное отношение жителей к СМИ, которые воспринимаются скорее как своеобразный элемент социализации, позволяющий поддерживать у населения ощущение сопричастности с происходящим в регионе и России в целом. Этим объясняется достаточно высокий рейтинг президента и главы РБ, фиксируемый нами в ходе проведения социологических опросов.

Анализ результатов социологических исследований показывает, что в целом жители осознают связь между проблемами города и страны. Большинство респондентов отметило отрицательную динамику социально-экономического развития России, республики и города. В то же время в Стерлитамаке 38,3%, а в Нефтекамске 50,6% опрошенных полагают, что основная вина за проблемы в городе лежит на чиновниках и главе городской администрации, тогда как правительство региона и руководство страны остаются вне критики. В других городах уровень критики городской администрации составляет не более 15%. Это особенность жителей средних и даже крупных городов — они не выстраивают вертикальной связи от главы государства к главе региона и далее к главе администрации муниципального образования.

Замкнутость горожан дополняется ментальным противопоставлением «мы-стерлитамакцы» — «они — уфимцы, москвичи и т.п.». Более того, этот субъективно-психологический фактор с ярко выраженными конфронтационными коннотациями препятствует развитию общей инфраструктуры между городами. Так, в ходе проведения фокус-группы жители г. Салават заявили о том, что они не хотят ездить в гипермаркеты, расположенные на окраине соседнего Стерлитамака, так как это приносит пользу соседнему, а не их родному городу. Эти оценки тем более парадоксальны, что расстояние между двумя городами порядка 35 км.

Также фиксируется негативное отношение жителей к москвичам и тем ритейлерам федерального уровня, которые активно заходят в регионы. Наиболее ярким

подтверждением этого тезиса являются данные соцопроса, проведенного в г. Кумертау. Этот моногород, где градообразующим предприятием является «Кумертауское авиационное промышленное предприятие» («КумАПП»), Правительством РФ был отнесен к городам с наиболее сложным социально-экономическим положением. В ходе опроса большинство респондентов выразили надежду на улучшение ситуации в результате деятельности региональных властей, в первую очередь главы РБ Р. Хамитова, при том что «КумАПП» входит в состав холдинга «Вертолеты России», являющегося частью Государственной корпорации «Ростех».

Другой особенностью политической культуры больших и средних городов РБ является низкий протестный потенциал, который нигде, несмотря на трудную ситуацию, не превышает 12%. Отмечая ухудшение ситуации в стране, республике и городе, жители в большинстве своем не готовы участвовать в протестных движениях и акциях. Более того, 74% опрошенных не смогли назвать какие-либо оппозиционные движения или представителей оппозиции, а более четверти с уверенностью отметили отсутствие оппозиции в республике.

На региональном уровне не реализуется стремление различных альтернативных СМИ оказывать давление на органы власти и формировать общественное мнение, что приводит к отсутствию конкуренции как в информационной среде Башкирии, так и в реальной политике.

Отказ населения от протеста вызван как историей городов, которые в период своего образования являлись «большими стройками», так и сформировавшимся в них подданническим типом политической культуры. Участие в градостроительстве формировало в сознании горожан ощущение сопричастности крупным историческим событиям, что приводило к отрицанию своих интересов во имя общих — государственных. В то же время патерналистские надежды на правительство, маркирующие подданнический тип культуры, обусловлены общим с государством делом, которое в свое время выполняли горожане.

В итоге для жителей средних и больших городов с подданническим типом политической культуры характерна не протестная, а отчуждающая и аутистская стратегии поведения.

Тем не менее, даже в таких условиях есть вопросы, способные вызвать к жизни протестные настроения и гражданскую активность. Так, рост гражданской активности населения Уфы служит импульсом формированию нового поколения горожан средних и больших городов, ориентированных на самореализацию в формате гражданского участия. Получивших в мегаполисах высшее образование молодых специалистов уже не удовлетворяет патерналистский характер отношений власти и общества. Однако состояние партийной сферы [3], и прежде всего жесткие ограничители политической системы путинской России, пассивно пребывающей в условиях посткрымского консенсуса, не позволяет агрегировать эту массу в стратегии активного гражданского участия.

Несмотря на свое неблагоприятное положение, жители средних и больших городов являются верными сторонниками курса развития государства и преиму-

щественно электоратом «Единой России». В отличие от них жители российских мегаполисов настроены к действующее власти более оппозиционно, поэтому нынешняя власть на региональном и федеральном уровне нередко пользуется практикой «обвала» явки на выборах в мегаполисах.

На примере политического бытия жителей средних и больших городов, их политической культуры фиксируется важный парадокс взаимодействия общества и власти. Государство, с одной стороны, объективно нуждается в экономически активном, самостоятельном, креативном, предприимчивом населении, способного объединяться и самостоятельно решать муниципальные и даже региональные проблемы, способствовать росту инвестиций (прежде всего иностранных) и налоговых поступлений в федеральный бюджет, а с другой — требует от населения «политической лояльности» и согласия с доминированием действующих политических сил. В этих условиях для трансформации подданнического типа политической культуры в активный необходимо становится развитие эффективных и гармоничных практик экономического и политического взаимодействия центра и регионов, который в будущем позволит если не решить, то в значительной степени смягчить для провинциальных городов последствия происходящих в России сложных социально-экономических трансформаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

Опрос проводился по репрезентативной выборке городского населения среди 900 человек в возрасте 18 лет и старше в 5 городах Республики Башкортостан. Исследование проводилось методом личного интервью в городах Кумертау, Ишимбай (средние), Нефтекамск, Салават (большие), Стерлитамак (крупные). Несмотря на то, что по классификации Минрегионразвития РФ Стерлитамак считается крупным городом, по основным показателям и динамике развития его вполне можно отнести к большим.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России (весна-осень 2014). URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/files/public/rating/thegrapesofwrath02.pdf>.
- [2] *Зубаревич Н.В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.
- [3] *Иванов В.Г.* Агентное моделирование эволюции партийной системы РФ на основе распределений Парето и Хотеллинга. Часть I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 4.
- [4] *Ланно Г.М.* Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012.
- [5] *Лясина И.Ю., Лебедева С.О.* Детерминанты политической культуры населения среднего российского города в современных условиях // *Известия ВолгГТУ*. 2010. № 7.
- [6] *Мкртчян Н., Карачурина Л.* Региональные столицы и глубинка // *Демоскоп Weekly*. 2013. № 575—576. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0575/demoscope575.pdf>.

PECULIARITIES OF THE POLITICAL CULTURE OF CITIZENS IN THE MIDDLE AND BIG CITIES OF RUSSIA (Republic of Bashkortostan's case)

D.G. Mihailichenko, E.V. Sobolev

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
October Revolution str., 55, Ufa, Russia, 450000

The article focuses on peculiarities of the political culture of habitants of middle and big cities in the Republic of Bashkortostan. Economic distinctions of the region, its multyethnicity and religious diversity allows to apply conclusions on the state as a whole.

Based on sociological data and historical analysis the authors revealed the genesis of the subjective type of political culture in the middle and big cities of the Republic of Bashkortostan. The authors also examine such peculiarities of the culture of townsmen as low protest potential, political indifference, alienating type of behavior, absence of critical attitude to information.

The authors analyze the principal problems that city's habitants faced in the conditions of economic and political transformation and how the subjective type of culture impedes to resolve these problems in a positive way. Such problems of the cities are pointed out as deindustrialization, depopulation, the ageing of the population and decline in living standards.

Despite the worsening economic and social situation of residents of the big and average cities of Bashkortostan, growth of protest moods among them it is not observed, and most of citizens as show data of sociological polls, keep loyalty to the government at the regional and federal level. The authors' point of view is that the type of the political culture of the habitants causes the loyalty.

In the conclusion, the authors show the perspective of the cities, the contradiction in state policy that initiates the civic engagement on the one hand but demands on the political loyalty on the other hand.

Key words: political culture, subjective type, middle and big cities, polyethnicity, protest potential, civil activity

REFERENCES

- [1] Grozdja gneva. Reiting mezhetnicheskoi naprjazhonnosti v regionah Rossii (vesna-osen 2014) [The Grapes of Wrath. The Rating of Interethnic tension in Russia's regions (spring-autumn 2014)]. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/files/public/rating/thegrapesofwrath02.pdf>.
- [2] Zubarevich N.V. Regioni Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatciya [The Regions of Russia: inequality, crisis, modernization]. Moscow, Independent Institute of Social Policy Publ. 2010.
- [3] Lappo G.M. Goroda Rossii. Vzgljad georafa [The Cities of Russia. A view of the geographer]. Moscow, New Chronograph Publ., 2012.
- [4] Lyasina I.Y., Lebedeva S.O. Determinanti politicheskoi kulturi naselenija srednego rossiiskogo goroda v sovremennih uslovijah [Political Culture Determinants of the Population in an Average Modern Russian City]. *Izvestija VolgGTU*. 2010. No. 7.
- [5] Mkrтчjan N, Karachurina L. Regionalnie stolici I glubinka [The Capitals of regions and remote place]. *Demoskop Weekly*. 2013. No. 575-576. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0575/demoscope575.pdf>.

@ Д.Г. Михайличенко, Е.В. Соболев

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА «РЕПУТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ»*

Н.Н. Розанова

Смоленский государственный университет
ул. Пржевальского, 4, г. Смоленск, Россия, 214000

Ориентация на сближение органов власти и населения — одно из ключевых направлений современного реформирования российской системы государственного управления. Деятельность по формированию позитивной репутации органов власти, института государственной службы становится приоритетной при достижении целей построения эффективной системы управления обществом, успешной реализации государственной политики. Глубинное понимание процессов формирования доверия и недоверия к субъектам власти, политического выбора, оценки эффективности власти и ее надежности связано с изучением репутации. Особую актуальность проблема репутации власти приобретает на региональном уровне, где существует наиболее тесная взаимосвязь органов государственного управления с населением.

Предложен авторский подход к изучению репутации власти на уровне региона. Рассматриваются понятие и исследовательская модель идейно-смыслового концепта «репутация региональной власти», являющаяся важнейшим элементом исследовательского этапа построения системы управления репутацией. Определяются характерные черты концепта, раскрывается содержание его структурных компонентов: информационного, образного, интерпретационного. Представлены этапы исследовательской модели концепта «репутация региональной власти»: изучение репутации региональной власти с точки зрения двух основных субъектов ее формирования — населения и самой власти — в соответствии с тремя компонентами концепта; выявление степени единства в понимании субъектами концепта «репутация региональной власти».

Ключевые слова: исследовательская модель, концепт «репутация региональной власти», управление репутацией

Задачи целенаправленного управления репутацией российской власти связаны со стратегией построения демократического государства и развития гражданского общества, предполагающей партнерскую модель взаимодействия всех акторов в системе «власть — общество». Отсутствие же позитивного восприятия субъектов власти препятствует их общественному признанию и налаживанию отношений сотрудничества.

Практика современного управления общественными отношениями ориентирована в значительной степени на массовые коммуникации и манипулятивные технологии, происходит подмена репутации имиджем. В результате происходит создание позитивного, но довольно поверхностного и нестабильного пространства псевдосотрудничества, что усугубляется неустойчивостью новых институтов гражданского общества в силу наличия трансформационных процессов, происходящих в экономике на фоне революционных изменений в рыночной среде [7. С. 131].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Информационно-аналитическое продвижение реальной репутации региональной власти», № 16-03-00503 а.

Это может лишить развитие демократии реальной политической основы, предполагающей свободное и осознанное одобрение населением реальной государственной политики — «политики реальных дел», что сопряжено с процессом формирования репутации власти.

Репутационные ресурсы, их капитализацию исследователи связывают с отношениями доверия между субъектами, которые складываются благодаря единым ценностям [См., 2—5; 9; 11; 12]. И если высокий уровень доверия Президенту Российской Федерации, наблюдаемый на протяжении последних лет и иллюстрируемый опросами ВЦИОМа, в определенной степени сказывается на улучшении восприятия населением деятельности субъектов федеральной власти, то для регионального уровня проблема создания положительной репутации остается по-прежнему актуальной. Невнимание региональной власти к вопросам целенаправленного управления собственной репутацией в значительной степени препятствует эффективному взаимодействию властных структур и населения, не обеспечивает должной поддержки проводимой государственной политики, снижает активность населения и его деятельное участие в жизни региона.

Решение проблемы формирования позитивной репутации власти на всех ее уровнях является самостоятельной научно-исследовательской задачей, требует специального изучения ведущими научными и экспертными организациями нашей страны и должна быть в числе приоритетных направлений теоретических и прикладных исследований. В данной связи была предпринята попытка изучения репутации государственной власти региона на примере Смоленской области (1). В рамках статьи представим разработанную автором исследовательскую модель идейно-смыслового концепта «репутация региональной власти», являющуюся важнейшим элементом исследовательского этапа построения системы управления репутацией.

Исследовательский этап включает, с одной стороны, изучение общественного мнения о репутации власти (субъективной составляющей репутации), с другой, — анализ ключевых показателей результативности региональной власти, объективных показателей ее деятельности (объективной составляющей репутации).

Основными носителями общественного мнения являются: население региона (своего рода «взгляд извне») и представители самой власти («взгляд изнутри»). Происходит выявление степени единства идейно-смыслового концепта «репутация региональной власти» в его понимании властью и населением. Для этого необходимо определить принципиальное видение сущности и содержания репутации региональной власти, уровня ее оценки, проблемных зон и перспективных направлений улучшения со стороны каждого из субъектов. Максимальная эффективность (в идеале конечно) возможна при едином понимании идейно-смыслового концепта властью и населением. Зоны рассогласования, выявленные в их мнении, требуют особого внимания в процессе разработки комплекса мер по формированию позитивной репутации.

Слово «концепт» происходит от лат. *conceptus* — мысль, понятие.

Концепт — категория интердисциплинарная и подходы к ее пониманию существенно различаются в разных науках (в культурологии, литературоведении, языкознании, философии, социологии и др.). Вопросам концептологии посвящены работы отечественных исследователей: С.А. Аскольдов-Алексеева, Д.С. Лихачева, авторов одной из центральных работ концептологии — «Когнитивная лингвистика» — З.Д. Поповой и И.А. Стернина, А.А. Залевской, М.В. Пименова, В.В. Красных, Ю.С. Степанина, А.П. Бабушкина, Г.Г. Слышкина и других.

В российской науке впервые понятие «концепт» определено С.А. Аскольдовым-Алексеевым как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода (1928). В.И. Карасик приводит ряд подходов отечественных авторов: концепт — идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки (Ю.С. Степанов); концепт — личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения (Д.С. Лихачев) и др. По мнению А.А. Залевской, концепт — объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов) [1; 10. С. 16–18].

В процессе разработки модели концепта «репутация региональной власти» с учетом того, что представители разных научных школ определяют сходные базовые компоненты, мы опирались на подход З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые выделяют в структуре концепта чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле [10. С. 57–62].

В рамках исследования концепт «репутация региональной власти» определен как идейно-смысловое содержание понятия «репутация региональной власти», которое отражает и интерпретирует субъективное представление о данном феномене в многообразии его сущностных характеристик и ассоциативных связей. В качестве равнозначного употребляется термин «идейно-смысловой концепт».

Под региональной властью понимается областная государственная власть — исполнительная — в лице администрации, органов исполнительной власти Смоленской области, которые были определены нами в качестве основного изучаемого субъекта — носителя репутации. Несомненно, следует учитывать, что глава исполнительной власти — губернатор Смоленской области — влияет на репутацию органов исполнительной власти, но изучение его персональной репутации — самостоятельная исследовательская проблема, субъектами же, непосредственно реализующими региональную политику, являются все органы исполнительной власти.

Данный акцент именно на исполнительную власть в значительной степени связан с мнением самого населения, определившего свое преимущественное понимание собирательной категории «региональная власть» (2). Респондентам был задан специальный вопрос на выяснение того, какие органы власти смоляне подразумевают под понятием «региональная власть» (рис. 1).

Органы власти, отождествляемые с понятием «региональная власть», по мнению населения Смоленской области

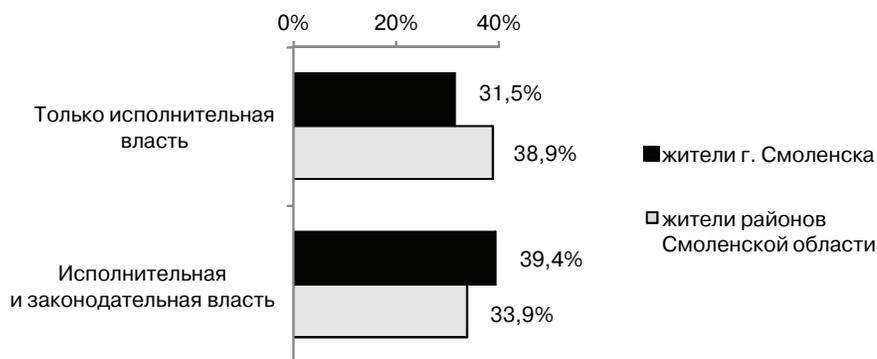

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос об органах власти, отождествляемых с понятием «региональная власть»

Остальные ответы, не представленные на диаграмме (исполнительная, законодательная и судебная; только законодательная власть; законодательная и судебная; исполнительная и судебная), набрали незначительный процент голосов.

Совокупные результаты ответов респондентов, представленные на диаграмме, свидетельствуют о том, что, говоря «региональная власть», жители Смоленской области, в первую очередь, имеют в виду исполнительную власть как главный субъект властных полномочий по отношению к населению региона; значительную роль играют также и органы законодательной власти.

Интерпретация понятийного содержания концепта очень разнородна. Выделим некоторые базовые характеристики концепта, значимые для нашего исследования [6].

Концепт — ментальная единица репрезентации как знания о мире в целом, так и о его фрагменте. Применительно к концепту «репутация региональной власти» это означает, что репутация отдельного субъекта власти входит в единое репутационное пространство, формируемое в результате коммуникативного взаимодействия репутаций разнообразных субъектов власти и общества и влияющих на них факторов.

Концепт — это условная единица, он не имеет четких границ («размытость» концепта); состоит из ядра, которое содержит наиболее значимые ассоциации, и периферии — с менее значимыми ассоциациями; количество ассоциаций безгранично. В концепте «репутация региональной власти» также можно выделить как ключевые сущностные и содержательные характеристики, значимые для большинства, так и те, которые зависят от особенностей индивидуального восприятия.

Концепт обладает ценностными характеристиками, которые, например, оцениваются как «хорошо», «плохо», «интересно», «страшно», «весело» и т.д. Ценностное восприятие репутации находит свое отражение в ее содержательных и образных характеристиках, качественной оценке (в соответствии с балльной шкалой: от очень плохой до очень хорошей, отличной репутации власти; при оценке содержания репутации в зависимости от ее характеристик, например, от абсолютного

недоверия до полного доверия власти) и степени причастности субъектов к процессу ее формирования.

Концепт отличается некоторой изменчивостью (непостоянством признака), в его содержании могут происходить изменения в семантике, оценке. Концепт «репутация региональной власти» также меняется в зависимости от преобразования его структурных компонентов; во временном пространстве, по мере изменения в оценке репутации того или иного субъекта власти и т.д.

Концепт ограничен сознанием носителя языка: существует в коллективном сознании носителей и индивидуальном. Из суммы индивидуальных концептов (общих совпадений содержательного значения) складывается его концентрированное содержание. Концепт «репутация региональной власти» также представлен в виде среза общественного мнения населения региона, как в целом, так и с возможностью выделения различных целевых групп. Особой целевой аудиторией является сама власть (самооценка репутации).

На основе подхода З.Д. Поповой и И.А. Стернина в структуре концепта «репутация региональной власти» было выделено три ключевых компонента: информационный, образный и интерпретационный. Рассмотрим их содержание.

1. Информационный компонент концепта «репутация региональной власти» включает в себя:

- понятие «репутация региональной власти» (1);
- содержание репутации (2);
- степень причастности субъектов к процессу формирования репутации (3);
- репутационное пространство (4).

2. Образный компонент концепта выражается в персонифицированном репутационном образе власти (своего рода портрете и автопортрете власти) (5). Поскольку речь идет об образном восприятии, то в данном случае, на наш взгляд, можно говорить о практическом совпадении образного компонента концепта с имиджевой составляющей репутации — имиджем власти.

3. Интерпретационный компонент концепта включает следующие элементы:

- оценка репутации (6);
- источники формирования и оценки репутации (7);
- проблемное поле репутации (8);
- репутационный потенциал региональной власти (9);
- перспективы улучшения репутации (10).

Исследовательская модель концепта «репутация региональной власти». Для изучения концепта была разработана исследовательская модель концепта «репутация региональной власти», представляющая собой теоретическую схему, определяющую логику исследования субъективного восприятия репутации региональной власти с точки зрения двух основных субъектов ее формирования: самой власти как базисного субъекта и населения — в соответствии с основными структурными элементами концепта в единстве их взаимосвязи.

Практическое внедрение модели концепта «репутация региональной власти» осуществляется методами социологического исследования в два этапа. Первый из них предполагает изучение репутации региональной власти с точки зрения двух

Прикладная цель исследования заключается в попытке по результатам изучения степени единства в понимании концепта «репутация региональной власти» населением и самой властью выявить принципиальные зоны рассогласования, смыслового разрыва, учет которых позволит сделать процесс формирования позитивной репутации региональной власти более целенаправленным. Данный процесс, на наш взгляд, должен строиться исходя из взаимного знания о видении различных аспектов проблемы каждой из сторон для выработки единого мнения и модели поведения. Можно сказать, что власть и население должны говорить «на одном языке», знать и понимать позицию друг друга для приложения совместных усилий по поиску перспективных направлений улучшения репутации.

В нашем исследовании апробация модели осуществлялась на примере органов исполнительной власти Смоленской области (концепт «репутация органов исполнительной власти Смоленской области»). Проводились анкетные опросы населения (жителей Смоленской области) и самой власти (в лице ее представителей — государственных гражданских служащих органов исполнительной власти Смоленской области) (2). Так, например, в рамках изучения информационного компонента концепта было выявлено принципиальное единство в понимании существенных черт репутации власти, как населением, так и представителями самой власти, с некоторой иной расстановкой акцентов и конкретизацией понятия со стороны госслужащих.

С точки зрения населения, репутация власти — это прежде всего ее оценка, соответствующее отношение населения к власти на основе выводов о ее деятельности. Также часть граждан определила репутацию как доверие к власти, можно сказать, что оно формируется в результате определенного оценочного мнения. По мнению госслужащих, репутация власти — это также прежде всего оценка населением результативности ее деятельности, мнение о власти. Но представители власти немного больше, чем граждане, связывают репутацию с категорией доверия. В отличие от населения госслужащие наполняют понятие репутации конкретным содержанием, выделяя самые значимые, на их взгляд, характеристики (ответственность, честность, открытость и др.).

Таким образом, практическое внедрение модели концепта «репутация региональной власти» позволяет изучить все существенные аспекты репутации региональной власти с точки зрения двух основных субъектов ее формирования. Максимальную эффективность начального этапа выстраивания системы управления репутацией региональной власти определяет высокая степень единства в понимании концепта властью и населением. Однако это не является обязательным условием, поскольку главным при дальнейшей разработке репутационных программ, придании им более целенаправленного характера становится учет выявленных во мнении населения и власти зон рассогласования. При этом, поскольку основным, в данном случае не столько субъектом формирования репутации, сколько объектом управленческого воздействия, носителем мнения о репутации является население, то и речь идет о своего рода «подстройке» мнения госслужащих под мнение населения и разработке перспективных направлений деятельности власти на основе его учета. Разработка репутационных мероприятий должна исходить из ориентации на партнерское взаимодействие власти и граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Изучение репутации региональной власти на примере Смоленской области осуществляется в рамках реализации научно-исследовательских проектов (гранты РГНФ: «Оценка репутации региональной власти», проект № 11-12-67007 а/Ц, 2011—2012 гг.; «Технология формирования позитивной репутации региональной власти» № 14-03-00549 а, 2014—2015 гг.; «Информационно-аналитическое продвижение реальной репутации региональной власти», № 16-03-00503 а, 2016—2017 гг.).
- (2) Анкетные опросы по изучению репутации региональной власти жителями г. Смоленска и районов Смоленской области (ноябрь 2011 г. — январь 2012 г., январь 2014 г., по 305 респондентов; выборка многоступенчатая, гнездовая, квотированная по полу, возрасту, территории проживания); государственными гражданскими служащими органов исполнительной власти Смоленской области (июнь 2014 г., 127 респондентов, что составляет 10% от общего числа служащих; выборка многоступенчатая, гнездовая, квотированная по категориям должностей государственной гражданской службы). Смотрите подробнее [8].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Акопов А.* К вопросу о понятии концепта и методах концептуального анализа в современном языкознании и культурологии. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=3898>.
- [2] *Гранкин Н.Е.* Политический имидж, репутационный капитал современной России: теоретико-концептуальные подходы // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 1 (6).
- [3] *Гришин О.Е., Соколова А.Э.* Формирование репутационного капитала государства: инновационные информационно-коммуникативные технологии // PolitBook. 2013. № 2.
- [4] *Коган Е.В.* Управление репутацией в региональном политическом процессе РФ: на примере Челябинской области: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2013.
- [5] *Кравчук А.Ю., Тихомирова Е.С.* Репутационный капитал региона: вопросы создания и оценки // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Том I (Гуманитарные науки). С. 112—115.
- [6] *Крюкова Г.А.* Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. Вып. 59. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-opredelenie-obema-soderzhaniya-ponyatiya#ixzz3q9iDDghr>.
- [7] *Мироненко Н.В.* Контрактные отношения как основной инструментарий построения межсекторного социального партнерства в контексте взаимодействий НКО и населения // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4 (34).
- [8] Официальный сайт научно-исследовательского проекта «Репутация региональной власти». URL: <http://www.smolvlast.ru>.
- [9] *Петелин О.А.* Ресурс доверия как способ политической капитализации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 4.
- [10] *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
- [11] *Рудакова А.Э.* Технологии формирования репутационного капитала субъектов Российской Федерации // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». 2015. № 1 (ч. 1). URL.: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17488>.
- [12] *Соколова А.Э.* Репутационный капитал государства: проблема интерпретации термина в современной политической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10 (24). Ч. I. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/43.html>.

RESEARCH MODEL OF THE CONCEPT “REPUTATION OF THE REGIONAL POWER”

N.N. Rozanova

Smolensk State University
Przhevalsky str., 4, Smolensk, Russia, 214000

Reforming of the Russian system of public administration is connected with orientation to rapprochement of authorities and the population. Activities for forming of positive reputation of authorities, institute of public service become priority for the goal of achievement of creation of an effective management system by society, successful implementation of a state policy. Studying of reputation allows deepening understanding of regularities of the political choice, forming of trust and mistrust to subjects of power, efficiency evaluation of the power and its reliability. The problem of reputation of the power acquires special relevance at the regional level where there is the closest interrelation of state bodies with the population.

The author's approach to studying of reputation of the power at the level of the region is introduced in the article. The author analyzes the concept and research model of the ideological and semantic concept “reputation of the regional power” which is the most important element of creation of reputation management system. Characteristic features of the concept are determined by its structural components: information, figurative, interpretative. The following stages of research model of the concept “reputation of the regional power” are divided in the article: studying of reputation of the regional power from the perspective of the two main subjects of its forming (the population and the power) according to the three components of the concept; identification of unity in understanding of the concept “reputation of the regional power”.

Key words: research model; concept “reputation of the regional power”; reputation management

REFERENCES

- [1] Akopov A. K voprosu o ponjatii koncepta i metodah konceptual'nogo analiza v sovremennom jazykoznanii i kul'turologii. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=3898>.
- [2] Grankin N.E. Politicheskij imidzh, reputacionnyj kapital sovremennoj Rossii: teoretiko-konceptual'nye podhody. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*. 2008. № 1 (6).
- [3] Grishin O.E., Sokolova A.Je. Formirovanie reputacionnogo kapitala gosudarstva: innovacionnye informacionno-kommunikativnye tehnologii. *PolitBook*. 2013. № 2.
- [4] Kogan E.V. Upravlenie reputaciej v regional'nom politicheskom processe RF: na primere Cheljabinskoj oblasti: Avtoref. dis. ... kand. polit nauk. M., 2013.
- [5] Kravchuk A.Ju., Tihomirova E.S. Reputacionnyj kapital regiona: voprosy sozdaniya i ocenki. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2010. № 4. Tom I (Gumanitarnye nauki). S. 112—115.
- [6] Krjukova G.A. Koncept. Opredelenie ob'ema sodержaniya ponjatija. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 2008. Vyp. 59. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-opredelenie-obema-soderzhaniya-ponyatiya#ixzz3q9iDDghr>.
- [7] Mironenko N.V. Kontraktnye otnosheniya kak osnovnoj instrumentarij postroeniya mezhsektornogo social'nogo partnerstva v kontekste vzaimodejstvij NKO i naselenija. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*. 2014. № 4 (34).
- [8] Oficial'nyj sajt nauchno-issledovatel'skogo proekta «Reputacija regional'noj vlasti». URL: <http://www.smolvlast.ru>.

- [9] Petelin O.A. Resurs doverija kak sposob politicheskoj kapitalizacii. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 2014. № 4.
- [10] Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaja lingvistika*. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007.
- [11] Rudakova A.Je. Tehnologii formirovanija reputacionnogo kapitala sub'ektov Rossijskoj Federacii. *Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «Sovremennye problemy nauki i obrazovanija»*. 2015. № 1 (ch. 1). URL.: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17488>.
- [12] Sokolova A.Je. Reputacionnyj kapital gosudarstva: problema interpretacii termina v sovremennoj politicheskoj nauke. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2012. № 10 (24). Ch. I. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/43.html>.

@ Н.Н. Розанова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ВОПРОСЫ МИРОТВОРЧЕСТВА И ОБОРОННАЯ ПОЛИТИКА НАТО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А.В. Корниленко

Министерство обороны Российской Федерации
ул. Знаменка, 19, Москва, Россия, 119160

В статье дается оценка оборонной политики Организации Североатлантического договора в целом и аспектам миротворческой деятельности в частности. Отличительной особенностью статьи можно считать анализ военных расходов государств — членов альянса, представленный автором. Особое внимание уделено нормативной правовой базе создания НАТО, целям, принципам ее деятельности, политики миротворчества и взаимодействия с Российской Федерацией. Показано, что осуществляемая Организацией Североатлантического договора миротворческая деятельность является важной составляющей общей системы целей оборонной политики блока НАТО.

Ключевые слова: миротворчество, миротворческая деятельность, международная безопасность, урегулирование вооруженных конфликтов, НАТО, ООН

Анализ вооруженных конфликтов начала XXI в. показывает, что они имеют ряд отличительных черт, охарактеризованных геополитическими, глобализационными, экономическими, религиозными факторами. Такими факторами будут являться:

- игнорирование интересов одного государства (групп государств) в пользу собственных национальных (коалиционных) интересов;
- увеличивающийся дефицит сырья, природных ресурсов в развитых странах;
- всевозрастающее социально-классовое расслоение общества;
- социокультурные и религиозные противоречия в обществе, возникающие на фоне глобализационных и интеграционных процессов;
- несовпадение этнических и административных границ государств;
- территориальные претензии государств друг к другу и др.

Отличительными чертами современных вооруженных конфликтов при этом можно считать:

- смещение потенциальной вероятности конфликта с глобального на региональный (Ближний Восток, Арктика) или локальный (Сирия, Украина) уровни;

- приобретение международными террористическими организациями роли полноценной военной структуры (ИГИЛ, «Талибан»);
- высокая мобильность всех видов группировок;
- подавляющее преобладание информационной составляющей в разрешении вооруженных конфликтов и т.д.

Организация Объединенных Наций (ООН), осознавая всю опасность потенциальных и «тлеющих» конфликтов, взяла на себя право привлекать к осуществлению миротворческих функций не только свои собственные контингенты.

Так, на основании гл. VIII своего Устава ООН «...ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности...» [14]. Одним из таких «органов» (надо признать, самым могущественным в военном плане на сегодняшний день), является Организация Североатлантического договора (НАТО), при этом региональным ее можно назвать только условно, ввиду своего глобального присутствия.

Сам альянс считает, что «Устав ООН, подписанный 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско пятьюдесятью государствами, является правовой основой создания НАТО... В преамбуле к Североатлантическому договору НАТО, подписанному 4 апреля 1949 года в Вашингтоне, четко обозначено, что Североатлантический союз действует в рамках Устава ООН» [7].

Современная практика применения своих воинских контингентов в различных миротворческих операциях (в том числе без мандата ООН) обосновывается неэффективностью Организации Объединенных Наций, что неоднократно озвучивалось руководством блока.

При этом НАТО придает сотрудничеству с ООН большое значение, так как оно позволяет легализовать собственные действия, направленные на достижение геополитических целей, «прикрываясь» миротворческим мандатом. Как официально заявил альянс: «В связи с увеличением вызовов международному миру и безопасности сотрудничество между НАТО и Организацией Объединенных Наций приобретает все большую важность. На состоявшейся в прошлом году встрече на высшем уровне по вопросам миротворчества НАТО обязалась усилить свою поддержку миротворческих операций ООН, в частности, в области борьбы с самодельными взрывными устройствами, учебной подготовки и готовности, повышения способности ООН к более быстрому проведению развертывания на местах, а также посредством сотрудничества в укреплении оборонного потенциала в странах, подвергающихся риску» [5].

В настоящее время Организация Североатлантического договора включает в себя 28 государств-членов. Помимо этого существуют государства, планирующие в будущем вступить в альянс — участники плана по членству (Македония, Черногория, Босния и Герцеговина) и участники ускоренного диалога (Грузия, Украина). Современная совокупная площадь стран-членов составляет 24 220 644 кв. км (17% от общей площади суши), население — 925 632 952 чел. (12% от мировой площади) [12].

Бюджет Организации официально не оглашается, однако, по оценкам различных экспертов, может составлять около 1,023 трлн долл. При этом военные расходы (в том числе и на проведение миротворческих операций) стран — членов НАТО в совокупности превышают 70% общемирового объема [10].

Следует отметить, что по существующей договоренности государства — члены НАТО должны ежегодно расходовать на оборону не менее 2% валового внутреннего продукта (ВВП). Однако в силу различных причин, в том числе наступившего финансового кризиса, далеко не все страны могут позволить себе такие взносы осуществлять (рис. 1).

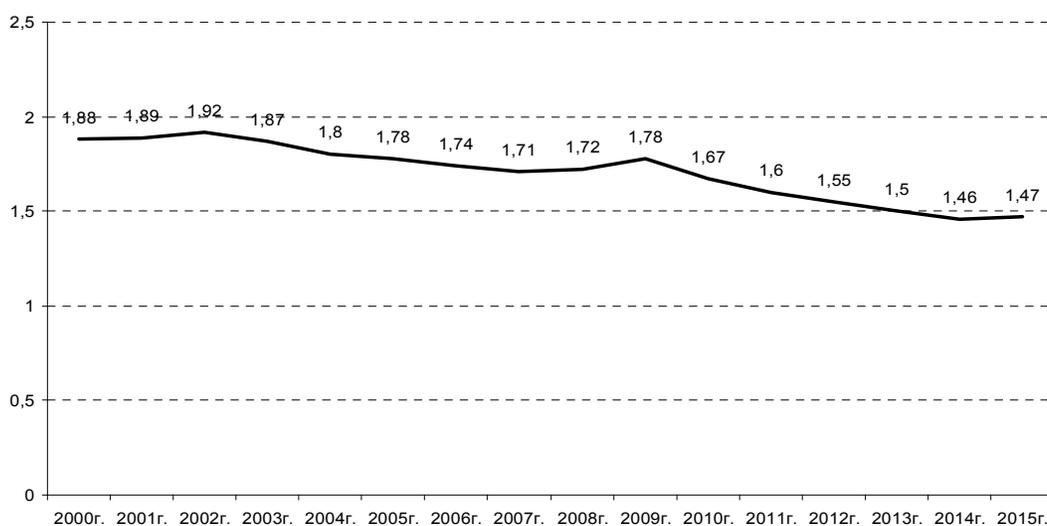

Рис. 1. Усредненные показания объема военных расходов государств — членов НАТО (% от ВВП)

Источник: [11]

По признанию бывшего Генерального секретаря Североатлантического альянса Андерса Фог Расмусена, «...В прошлом году из европейских стран НАТО только две выделили более 2% ВВП на оборону. Четыре выделили менее 1%. ... С 1991 года доля расходов НАТО на оборону, не приходящаяся на США, сократилась с 35 до 23% сегодня» [8].

Тем не менее, в последние годы наблюдается уверенный рост инвестиций государств-членов в бюджет Организации. Причиной тому явились новые вызовы и угрозы, под которыми, как правило, понимается усиление российского влияния в различных регионах мира и модернизация ее вооруженных сил. «Угрозы, порожаемые терроризмом и нестабильностью, реальны, и все страны НАТО совместно работают над обеспечением безопасности населения наших стран. Однако существует еще один вызов — вызов со стороны более напористой России, особенно после незаконной аннексии Крыма...», — продекларировал Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг в своей статье [6].

Впервые с 2009 г. произошло увеличение совокупных оборонных расходов государств — членов НАТО. На сегодняшний день пять стран блока соответству-

ют рекомендуемому показателю — расходовать, как минимум, 2% их ВВП на оборону, а десять стран тратят более 20% оборонных бюджетов на основные виды вооружения и техники, включая связанные с этим научно-исследовательские и конструкторские разработки [5].

Соединенные Штаты, являясь основным финансовым «донором» альянса (рис. 2), играют доминирующую роль при принятии тех или иных коллективных решений, расстановке своих граждан на руководящие должности, лоббировании и продвижении национальных интересов «под флагом» Организации. «Государственный департамент [США] ясно дает понять, что партнер, который оплачивает значительную долю бюджета [НАТО], и предоставляет наиболее подходящих кандидатов, должен сохранять некоторые права на должностные квоты», — отмечает сотрудник отдела политики и международных отношений Оксфордского университета Х. Дейкстра [17]. «Когда дело доходит до безопасности, интеллекта и оборонных инвестиций, США хотят удерживать контроль...» [17], считает английский исследователь.

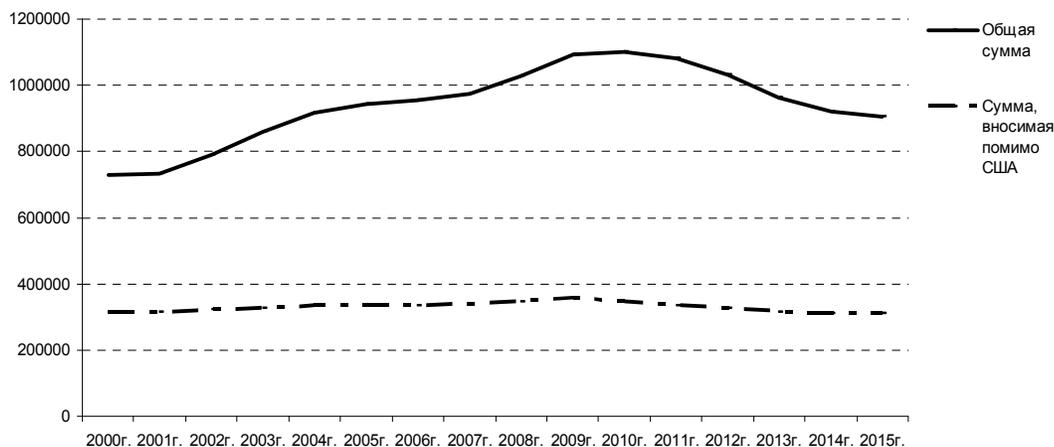

Рис. 2. Военные расходы государств-членов НАТО (млн долл. США)

Источник: [11]

При этом миротворческая деятельность в различных регионах планеты как нельзя лучше подходит на роль одновременно «ширмы» и инструмента для отстаивания своих геополитических интересов.

Как указывает доктор юридических наук, профессор В.П. Галицкий, «с начала 90-х годов XX в., особенно после развала СССР, под руководством США, страны ЕС и НАТО перевели понятие „внутренний вооруженный конфликт“ в „международный вооруженный конфликт“, поскольку это дает им право самочинно вмешиваться в дела любого государства. Так, как это произошло в Югославии, Афганистане, Ливии и других странах» [2].

Не прекращаются попытки США и их союзников по блоку, продолжая нарушать нормы международного права, применять военную силу без мандата ООН и разрешения главы государства, попытки свергнуть законное правительство (как это наблюдалось в Югославии и продолжается в Сирии).

Так, в апреле 1998 г. Соединенные Штаты, не получив поддержки своих союзников по коалиции (Франции, Италии, Германии) в проведении военной операции против Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), в одностороннем порядке объявили ультиматум ее Президенту С. Милошевичу, а в последствии (после отказа выполнить условия ультиматума) нанесли ракетно-бомбовые удары по территории суверенного государства [18].

Другой крайностью внешней и оборонной политики альянса является покровительство явно скомпрометировавшим себя режимам (на примере Турции, Украины).

Как отмечает доктор политических наук, профессор В.В. Штоль «НАТО, стремясь играть ключевую роль в системе европейской безопасности, пытается изменить суть миротворческой концепции ООН, узаконить самостоятельную роль в разрешении любых возникающих в мире конфликтов, осуществить переход к применению силы для наказания непослушной или несговорчивой стороны конфликта» [15].

Нормативную правовую основу деятельности альянса составляет Североатлантический договор (принят 4 апреля 1949 г.), а также Стратегическая концепция НАТО, которая обновляется в среднем раз в десять лет, начиная с 1950 г.

В связи с этим вызывает интерес Стратегическая концепция, которая была принята на саммите альянса в 1999 г. в Вашингтоне, имеющая все признаки военной доктрины, с ясно выраженными военными, политическими, организационными целями и задачами. В данном документе, в рамках урегулирования кризисных ситуаций различного характера, дается установка на проведение миротворческих операций без Резолюции ООН, как в зоне ответственности блока, так и за его пределами.

Действующая в настоящее время «Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического договора» была утверждена главами и правительствами государств-членов в Лиссабоне в ноябре 2010 г.

В данном документе альянс в очередной раз подтверждает возложение основной ответственности за поддержание международного мира и безопасности на ООН и определяет сотрудничество с ней посредством:

- расширенных контактов между обеими штаб-квартирами;
- более регулярных политических консультаций;
- расширенного практического сотрудничества в регулировании кризисов, в которых задействованы обе организации.

Отдельно устанавливается, что «мандат Совета Безопасности на поддержание международного мира и безопасности хорошо сочетается с обязательством стран — членов НАТО объединить усилия с целью создания коллективной обороны и сохранения мира и безопасности» [9].

Официальная точка зрения нашего государства на взаимоотношения с альянсом отражена в таких основополагающих документах, как «Военная доктрина Российской Федерации», «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» и «Концепция внешней политики Российской Федерации».

Так, «Российская Федерация готова к развитию отношений с НАТО на основе равноправия в целях укрепления всеобщей безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Глубина и содержание таких отношений будут определяться готовностью альянса учитывать законные интересы Российской Федерации при осуществлении военно-политического планирования и уважать нормы международного права» [13].

При этом одной из основных внешних военных опасностей признается «наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права» [1]. Российская Федерация «...сохраняет отрицательное отношение к расширению НАТО и к приближению военной инфраструктуры НАТО к российским границам в целом, как к действиям, нарушающим принцип равной безопасности и ведущим к появлению новых разъединительных линий в Европе» [3].

Следует отметить, что юридическую основу взаимоотношений между Североатлантическим альянсом и Российской Федерацией составляет «Основопологающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора», в котором зафиксировано такое положение, как: «Россия и НАТО не рассматривают друг друга как противников» и «...будут совместно строить прочный и всеобъемлющий мир в евроатлантическом регионе на принципах демократии и безопасности, основывающейся на сотрудничестве».

Однако события последних лет показывают, что Североатлантический альянс не настроен на долгосрочные стабильные отношения с Россией в сфере миротворческой деятельности и очередное сворачивание двусторонних контактов в марте 2014 г. (второе после Грузино-Югоосетинского конфликта 2008 г.) явилось тому подтверждением. НАТО отводит Российской Федерации роль агрессора, если наше государство открыто начинает отстаивать свои геополитические интересы, при этом позиция применения санкций различного рода выходит на первый план, подменяя двусторонний диалог. Мнение отдельных европейских политологов о том, что «...деэскалация украинского кризиса, которая принесет пользу ЕС, США и Украине, может быть достигнута, только если учтены жизненно важные интересы безопасности России» [16], тонет в море антироссийской риторики.

Продолжается наращивание (под надуманными предлогами) военной инфраструктуры НАТО, элементов американской системы противоракетной обороны (ПРО) вблизи российских границ, что коренным образом меняет баланс стратегических сил в мире.

Российская сторона неоднократно выражала озабоченность относительно сложившейся ситуации, при этом оставаясь готовой к восстановлению двустороннего взаимовыгодного диалога в оборонной сфере, включая и миротворческую политику.

На сегодняшний день сложилась в мире парадоксальная ситуация, при которой политические акторы международных отношений (НАТО, Россия, ООН) де-юре привержены нормам международного права и нацелены на поддержание международного мира и безопасности, а де-факто миротворческий процесс находится в ступоре из-за различия во взглядах на те или иные события.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что Организация Североатлантического договора в настоящее время стремится нарастить свой силовой потенциал для решения дальнейших геополитических задач. Особое внимание при этом уделяется информационной, финансовой и политической составляющим, позволяя выглядеть в глазах мирового сообщества как сугубо «оборонный военно-политический союз, приверженный принципам демократии». Военные расходы государств-членов не достигнут в полном объеме рекомендуемого значения в 2% от ВВП, однако текущие вложения в оборону будут существенно оптимизироваться для достижения максимального результата.

При этом миротворческая деятельность, являясь частью общей оборонной политики НАТО, будет направлена на достижение стратегических целей по удержанию мирового лидерства государствами-членами (прежде всего США), входящими в альянс. Решение непосредственно миротворческих задач будет актуально при условии, что они не противоречат общим задачам, стоящим перед военно-политическим руководством блока и имеют существенную медийную поддержку.

Что касается дальнейших отношений России и НАТО в сфере миротворчества, то они омрачены разногласиями по наиболее чувствительным внешнеполитическим вопросам (в первую очередь территориальной целостности Украины) и малоперспективны в ближайшем будущем, несмотря на все призывы нашего государства к конструктивному диалогу. Наиболее вероятным представляется вариант, при котором Организация Североатлантического договора будет поддерживать контакты с российской стороной на уровне послов или отдельных представителей по вопросам, затрагивающим только интересы самой Организации или отдельных ее членов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Военная доктрина Российской Федерации № Пр-2976 от 25 декабря 2014 г. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf>.
- [2] *Галицкий В.П.* Международное право по-натовски // *Обозреватель* — Observer. 2011. № 11.
- [3] Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F.
- [4] Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора (Париж, 27 мая 1997 г.) // *Российская газета*. 1997. 28 мая. № 103.
- [5] Официальный сайт НАТО. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве. 9.07.2016. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru.
- [6] Официальный сайт НАТО. НАТО и Россия: баланс между обороной и диалогом. Редакционная статья Генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга. 19.07.2016. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_134210.htm.
- [7] Официальный сайт НАТО. Отношения НАТО и ООН. 27.10.2010. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_50321.htm?sele.
- [8] Официальный сайт НАТО. Почему нам необходимо инвестировать в оборону. 13.11.2012. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_91256.htm?selectedLocale=ru.
- [9] Официальный сайт НАТО. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического договора. Активное участие, современная оборона. 19.11.2010. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm.

- [10] Официальный сайт СИПРИ. The SIPRI Military Expenditure Database. Milexdata. URL: <https://www.sipri.org>.
- [11] Официальный сайт СИПРИ. SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex>.
- [12] Официальный сайт Geo. URL: http://geo.koltyrin.ru/kakie_strany.php?v=НАТО.
- [13] Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. 4 января. № 1 (часть II).
- [14] Устав Организации Объединенных Наций от 26 июля 1945 г. / Действующее международное право. Т. 1. М.: Изд-во Московский независимый институт международного права, 1996.
- [15] *Штоль В.В.* НАТО в миротворческом процессе // *Обозреватель-Observer*. 2008. № 2.
- [16] *Bock A.M, Henneberg I, Plank F.* «If You Compress the Spring, It Will Snap Back Hard»: The Ukrainian Crisis and the Balance of Threat Theory // *International Journal*. 2015. Vol. 70(1).
- [17] *Dijkstra H.* Functionalism, Multiple Principals and the Reform of the NATO Secretariat after the Cold War // *Cooperation and Conflict*. 2015. Vol. 50 (1).
- [18] *Recchia S.* Why Seek International Organisation Approval Under Unipolarity? Averting Issue Linkage vs. Appeasing Congress // *International Relations*. 2016. Vol. 30(1).

PEACE-BUILDING AND NATO DEFENCE POLICY ISSUES AT THE PRESENT STAGE

A.V. Kornilenko

The Ministry of Defense of the Russian Federation
Znamenska str., 19, Moscow, Russia, 119160

The article assesses the defence policy of the North Atlantic Treaty Organization in general and peace building actions aspects in particular. Distinctive feature of article can be considered the analysis of military expenses of state members of alliance submitted by the author. A special focus is made on NATO normative legal framework formation, its aims, principles of its actions, peace building policy and interaction with the Russian Federation. It is shown that the peacekeeping activity which is carried out by the North Atlantic Treaty Organization is an important component of the general system of the purposes of defensive policy of the NATO alliance.

Key words: peace building, peace building actions, international security, armed conflicts regulation, NATO, UN

REFERENCES

- [1] The Military Doctrine of the Russian Federation № Pr-2976 from December 25, 2014. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf>.
- [2] Galitsky, VP International law in the NATO. *Obozrevatel-Observer*. 2011. № 11.
- [3] The concept of the Russian Federation's foreign policy on February 12, 2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F.
- [4] Founding Act on Mutual Relations, Cooperation and Security between the Russian Federation and the North Atlantic Treaty Organization (Paris, 27 May 1997). *Rossiyskays newspaper*. 1997. 28 of May. № 103.

- [5] The official NATO website. Statement on the results of the summit Warsaw. 09/07/2016. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru.
- [6] The official NATO website. NATO and Russia: the balance between defense and dialogue. Editorial Jens Stoltenberg, NATO Secretary-General. 07/19/2016. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_134210.htm.
- [7] The official NATO website. Relationship of NATO and the UN. 27.10.2010. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_50321.htm?sele.
- [8] The official NATO website. Why do we need to invest in defense. 13.11.2012. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_91256.htm?selectedLocale=ru.
- [9] The official NATO website. The Strategic Concept for the Defence and Security of the Organization of the North Atlantic Treaty. Active participation and modern defense. 19.11.2010. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm.
- [10] The official website SIPRI. The SIPRI Military Expenditure Database. Milexdata. URL: <https://www.sipri.org>.
- [11] The official website SIPRI. SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex>.
- [12] Official site Geo. URL: http://geo.koltyrin.ru/kakie_strany.php?v=NATO.
- [13] Presidential Decree «On the Russian Federation National Security Strategy» № 683 of December 31, 2015. *Meeting of the legislation of the Russian Federation*. 2016. 4 January. № 1 (Part II).
- [14] The United Nations Charter on July 26, 1945. *Current International Law*. V. 1. M.: Publishing house of the Moscow Independent Institute of International Law, 1996.
- [15] Stoll V. NATO in the peacekeeping process. *Obozrevatel-Observers*. 2008. № 2.
- [16] Bock A.M, Henneberg I., Plank F. «If you compress the spring, it will snap back hard»: The Ukrainian crisis and the balance of threat theory. *International Journal*. 2015. Vol. 70(1).
- [17] Dijkstra H. Functionalism, multiple principals and the reform of the NATO secretariat after the Cold War. *Cooperation and Conflict*. 2015. Vol. 50(1).
- [18] Recchia S. Why seek international organisation approval under unipolarity? Averting issue linkage vs. appeasing Congress. *International Relations*. 2016. Vol. 30 (1).

@ А.В. Корниленко

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ, ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ, ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ АСЕАН

Деджтхонпонг Сатхита

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается влияние политических систем, политических режимов, партийных систем на политическое участие населения стран АСЕАН. У 10 стран АСЕАН уникальные политические культуры. Для понимания того, как политические системы, политические режимы и партийные системы влияют на политическое участие, в данной статье выделяются три группы политических режимов в странах АСЕАН: демократия, авторитаризм и коммунизм. Несмотря на то, что у всех этих стран разные политические режимы, они смогли объединяться как ассоциация, призванная сформировать механизм регионального сотрудничества для реализации трех основных целей: стимулирование экономического развития, социального прогресса и культурного развития региона на основе совместных действий; укрепление мира и безопасности в Юго-Восточной Азии; развитие сотрудничества и взаимопомощи по вопросам, представляющим общий интерес в экономической, социальной, культурной, технической, научной и административной областях. В данной работе применяется метод сравнительного анализа для сравнения разных политических систем, политических режимов и партийных систем стран АСЕАН, для анализа политического участия населения.

Ключевые слова: АСЕАН, политические системы, политические режимы, партийные системы, политическое участие

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии — это политическая, экономическая и культурная региональная межправительственная организация стран, расположенных в Юго-Восточной Азии. Сегодня членами АСЕАН являются страны: Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Бруней-Даруссалам, Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа. Восточный Тимор пока не является членом данной организации [8]. В разных типах политических систем экономическими возможностями, этносами и конфессиями успешно выстраивается взаимовыгодное сотрудничество на основе принципов равенства, уважения суверенитета и особенностей друг друга [4. С. 10]. Разные характеристики стран АСЕАН, а также влияние колониального прошлого привело к становлению различных политических систем, политических режимов, обществ, развитию экономической системы на разных уровнях в каждой стране.

Политический режим считается системой приемов, методов, форм, способов осуществления политической (включая государственную) власти, отражающая уровень политической свободы в обществе. В современной политологии выделяют три основных типа политических режимов: демократический, авторитарный и тоталитарный.

Демократия — это политический режим, при котором единственным источником власти признается народ, власть осуществляется по воле и в интересах на-

рода. Демократические режимы складываются в правовых государствах. Они характеризуются свободой политического выбора, хорошо развитым механизмом обратных связей, а также наличием политического, экономического и идейного плюрализма.

Авторитарный режим устанавливает существенное ограничение свободы политического выбора, политического и идейного плюрализма при сохранении значительных свобод в неполитических сферах жизни общества, прежде всего в экономике.

Тоталитарный режим отличается отсутствием политического выбора, тотальным контролем государства над всеми сферами жизни общества и, следовательно, установлением политической, идейной и, как правило, экономической монополии [6].

В данной статье выделяются три группы политических режимов; демократия, авторитаризм и коммунизм. Коммунизм — это общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства. Идеи коммунизма были популярны в начале и середине XX в. В 1917 г. социалистическая революция победила в России. В 1922 г. был образован СССР, в который вошли в том числе и республики Средней Азии. В Юго-Восточной Азии Вьетнам и Лаос являются коммунистическими странами.

Под партийной системой обычно понимают конфигурацию политического пространства, составленного из независимых элементов (партий) и определяемого их количеством, параметрами (численность избирателей, тип структуры и др.) и коалиционными возможностями.

М. Дюверже считал, как и многие исследователи партий, что их главной целью является завоевание и использование политической власти. В борьбе за власть важны не столько доктрины или программы, сколько организационная структура и дисциплина, умение извлекать из окружающей среды разнообразные ресурсы. М. Дюверже делит партийные системы на однопартийные, двухпартийные и многопартийные.

Однопартийная система наиболее характерна для тоталитарных и авторитарных политических режимов. Такие режимы исключают плюрализм мнений и открытую конкуренцию различных политических сил. Например, большевики, придя к власти в результате революции 1917 г., уничтожили все оппозиционные политические партии и движения. В результате в СССР на долгие годы установилось господство одной единственной партии — КПСС.

Двухпартийные системы характерны для устоявшихся демократических режимов власти (США, Англия, Австралия). В таких политических системах каждая из партий способна одна самостоятельно, без коалиции с другими политическими силами сформировать правительство и осуществлять власть. Двухпартийная (бипартийная) система имеет свои сильные и слабые стороны. К сильным относятся: стабильность политической системы; высокая степень управляемости государством; предсказуемость политической деятельности и др. К недостаткам двухпартийной системы можно отнести то, что такая система достаточно консервативна, неспособна адекватно выражать все многообразие социальных интересов различ-

ных общественных групп и классов, закрыта для вхождения в политику «свежих» альтернативных сил; правящая партия сращивается с государственным аппаратом.

Многопартийная система состоит из трех и более однопартийных по своему влиянию политических партий. Ни одна из этих партий не располагает достаточной поддержкой со стороны избирателей и не в состоянии без вступления в коалицию победить на выборах и сформировать правительство. Многопартийная система более дифференцированно отражает разнообразные интересы различных социальных групп. Кроме того, многопартийная система является более открытой для различного рода инноваций [3].

Таким образом, в данной статье выделяются три типа партийных систем; однопартийные, с доминирующей партией и многопартийные. Доминирующая партия — это, прежде всего, партия более крупная, чем другие; она главенствует над всеми и достаточно явно дистанцируется от своих соперников на протяжении всего времени. Доминирование одной партии обладает стабилизирующим действием. Доминирующая партия занимает положение, аналогичное положению партий парламентского большинства. Однако продолжительный срок правительственных полномочий уменьшает число обсуждений и склонность к инновациям.

Политическое участие — это различные формы политической деятельности, такие как голосование, назначение политиков на должность, работа добровольцев в избирательной кампании или участие в протесте. То есть все те формы активности, целью которых является воздействие на правительство [2]. Степень его организованности во многом зависит от политического режима. При авторитарном и тоталитарном режимах оно чаще всего вынужденное или принудительное, при демократическом — свободное и сознательное.

Формы политического участия делятся на 5 видов. Во-первых, это осуществление власти или противодействие ее осуществлению. Во-вторых, это деятельность формальных общественных организаций, например: партий, молодежных политических организаций и т.д. Третьим видом политического участия являются неформальные организации и движения, например народные фронты. Четвертый вид — это выборы и проведение избирательных кампаний и референдумов, публичные манифестации политических взглядов с целью воздействия на общественное мнение, политические институты или руководящие политические группы, влияние на других людей с целью изменения их взглядов и действий и навязывание им своих является пятым видом. Манифестация взглядов может осуществляться на политических собраниях, митингах, демонстрациях, через печать, радио, телевидение, в политических беседах, дискуссиях, посредством различных обращений к государственным органам, политическим организациям, через просьбы избирателей.

Говоря про политическое участие, необходимо сказать о выборах. Политическая деятельность в демократическом режиме характеризуется наличием выборов, особенно в представительной демократии. Это политический режим, при котором основным источником власти является народ, поэтому граждане имеют право избирать депутатов, призванных выражать их интересы, принимать законы и отдавать распоряжения.

Политические режимы стран АСЕАН

Политический режим	Односторонняя демократия	Авторитаризм	Коммунизм
Парламентская республика	Таиланд	Мьянма Малайзия Камбоджа	Вьетнам
Президентская республика	Индонезия Филиппины	—	—
Смешанная республика (президентско-парламентская республика, парламентско-президентская республика)	—	Сингапур	Лаос
Абсолютная монархия	—	Бруней	—

В соответствии с подходами и теориями выше отражены политические режимы десяти стран АСЕАН, которые подразделяются на три группы; демократия, авторитаризм и коммунизм (см. табл. 1).

1. Странами с демократическим режимом являются Индонезия, Филиппины и Таиланд. Эти три страны развивались постепенно от военной диктатуры и авторитаризма, а в настоящее время стали демократиями. В международном сообществе отмечается, что процесс демократического развития на Филиппинах и в Индонезии проходит очень медленно, особенно в последней. В то же время Индонезия считается образцом демократии в Юго-Восточной Азии [5]. Демократия в Индонезии провозглашает политические права и свободы человека, что расширило сферу политического участия населения. Кроме того, появилось большое число новых политических партий.

Наиболее значимым фактом становления демократии в Индонезии стало ослабление роли армии в настоящее время. Сусила Бамбанг Юдойоно (широко известный как SBY) победил на президентских выборах, однако его пост командующего армией не сыграл определяющую роль в этом. Более того, он больше не был задействован в качестве военного.

Филиппины считаются самой старой страной с демократией среди стран АСЕАН. Хотя на Филиппинах был авторитарный режим во время президентства Фердинанда Маркоса, после становления этого государства на демократический путь демократизация развивается постепенно. Политические партии конкурируют на равных, а население свободно участвует в выборах. Кроме того, выборы становятся прозрачными и честными. Однако главной проблемой на Филиппинах остается коррупция при проведении выборов, что способно ослабить демократию.

В Таиланде после Сиамской революции 1932 г. (а также государственного переворота 1932 г.) демократия развивается медленно. Население получило право волеизъявления, появилось большое число партий. В то же время выборы проходили нечасто, а из-за частых переворотов политические партии прекращали свою деятельность или вовсе исчезали. В ходе выборов в условиях конкуренции политических партий население также наделено правом выражать поддержку любым понравившимся кандидатам, что противоположно принципам авторитарного и коммунистического режимов.

2. Странами с авторитарным режимом являются Мьянма, Малайзия, Камбоджа, Сингапур и Бруней. Страны с авторитарным режимом представляют военное правительство или абсолютную монархию. Установлена однопартийная система управления государством. Политические свободы населения ограничиваются, даже создание политических партий и проведение выборов не основано на свободе и транспарентности. Несмотря на большое количество политических партий, маленькие партии не имеют шансов победить на выборах, поскольку выборы не являются честными, прозрачными и справедливыми. Кроме того, законы и правила часто помогают крупным партиям победить на выборах.

Таким образом, в странах с авторитарным режимом избирательная система подвергается трансформациям с целью помочь лидеру или правящей партии победить. Коррупция остается главной проблемой в этих странах. Население некоторых из них выражает недовольство в виде различных протестов, например в 2013 г. происходили гражданские протестные акции в Камбодже и в Малайзии из-за нечестных выборов [1].

3. Странами с коммунистическим режимом являются Вьетнам и Лаос. Вся власть в них принадлежит правительству. Политическое участие, публичные манифестации и политические взгляды народа строго контролируются правительством. В выборах принимает участие малое число политических партий, порой это только одна партия или партии большинства, которые поддерживают положительный диалог друг с другом, что позволяет, несмотря на победу одной из них, иметь представительство каждой в новом правительстве.

Хотя выборы будут проходить по истечении каждого срока полномочий правительства, реальной конкуренции между политическими партиями нет. Можно заранее предположить, какая политическая партия победит. По сравнению со странами, в которых установлен демократический режим, в авторитарных государствах отмечается значительно меньший уровень коррупции, однако реальная конкуренция политических партий на выборах отсутствует именно при коммунизме.

Таблица 2

Данная таблица отражает партийные системы стран АСЕАН

Многопартийные	Доминирующая партия	Однопартийные
Индонезия Филиппины Таиланд	Камбоджа Сингапур Малайзия Бруней Мьянма	Лаос Вьетнам

Благодаря различиям политических режимов отличаются и партийные системы стран. Партийные системы стран АСЕАН можно подразделить на три группы: многопартийные, опирающиеся на партии большинства, и однопартийные (см. табл. 2).

1. Многопартийными системами обладают Индонезия, Филиппины и Таиланд. Даже в Таиланде и на Филиппинах есть две основные партии, которые друг за другом сменяются в роли правящей, однако малые партии также обладают шансами

победить на выборах и сформировать правительство. В Индонезии значительно влияние многих партий, поэтому они сменяют друг друга по итогам каждый выборов. Выборы проходят без нарушений и являются честными, их результаты основаны на решении населения. Сложность заключается в том, что из-за наличия большого числа партий ни одна из них не обладает большинством поддержки у населения.

2. Системы, опирающиеся на доминирующую партию, установлены в Камбодже, Сингапуре, Малайзии, Брунее и Мьянме. Во всех этих страна существует большое число малых партий, но их шансы победить на выборах крайне малы. В связи с этим представители малых партий проводят протестные акции, заявляя, что выборы нечестные.

3. В странах с коммунистическим режимом, таких как Лаос и Вьетнам, установлена однопартийная система. Правительство формирует только одна партия. Не существует никакой конкуренции между партиями, а маленькие партии не играют никакой роли.

Таблица 3

Проценты участия граждан в выборах [7]

Страна	Проценты участие граждан в выборах
Таиланд	67,37
Индонезия	80,55
Филиппины	66,56
Малайзия	60,01
Мьянма	75,3
Камбоджа	81,48
Сингапур	35,6
Вьетнам	99,55
Лаос	99,33
Бруней	—

В соответствии с вышеприведенной таблицей (см. табл. 3), можно отметить следующее.

1. В странах с демократическом режимом, а именно: в Индонезии, Таиланде и на Филиппинах, граждане принимают активное участие в выборах (приблизительно 71%). Можно сделать вывод о том, что население интересуется политической жизнью своих стран. Они имеют право голосовать за кандидатов и за партии, которые им нравятся. Среди политических партий существует конкуренция.

2. Странами с авторитарным режимом являются Мьянма, Малайзия, Камбоджа, Сингапур и Бруней. Несмотря на проведение выборов в этих странах, они зачастую являются фикцией, так как там доминирует одна партия. В связи с этим граждане не проявляют большого интереса к выборам. Они и так знают, что правящая партия постоянно побеждает. Таким образом согласно данным, что в среднем 63% населения принимают участие в выборах.

3. В странах, где политическим режимом является коммунизм (Вьетнам и Лаос), процент граждан, принимающих участие в выборах очень высок — 99%. Граждане демонстрируют активное политическое участие и затем получают того

кандидата, которого хотят видеть. Более того, государство проводит предвыборную кампанию и советует гражданам принимать участие в выборах, так как от их голосов зависит положение дел в стране.

Заключение. В статье показано, что разные политические режимы оказывают разное влияние на партийные системы и на политическое участие. Так как в странах АСЕАН разные политические системы и политические режимы, поэтому в них наблюдается разное политическое участие. По проценту участия граждан в выборах выявлены разные группы уровня политического участия.

Во-первых, страны с демократическими режимами: Таиланд, Филиппины и Индонезия, где уровень политического участия граждан находится на уровне в среднем 70%. Это можно считать высоким уровнем политического участия населения. Граждане этих стран проявляют интерес к выборам в связи с возникновением реальной конкуренции между партиями, что приводит к более правильным итогам выборов. В связи с этим у граждан есть реальный выбор между партиями и больше шансов выбирать тех, кого они хотят.

Во-вторых, в странах с авторитарным режимом (Малайзия, Мьянма, Камбоджа, Сингапур и Бруней) выборы присутствуют, но показатели участия в них очень низкие, что делают их нечестными. При наличии многих партий все-таки присутствует доминирующая партия, которая одерживает победу на протяжении длительного периода, что не дает конкурировать партиям и осуществлять реальный выбор граждан. Согласно этим данным формируется низкий уровень политического участия граждан, так как они уже знают результат и не проявляют интерес к процессу выборов.

В таких странах с коммунистическим режимом, как Вьетнам и Лаос, степень участия граждан в выборах очень высока, 99%, так как граждане относятся очень серьезно к своей гражданской ответственности и сознают значение политического участия. Помимо этого государство поддерживает участие граждан в выборах, тем самым создавая условия для правильных выборов с полной информацией о правилах. Также во Вьетнаме и Лаосе есть закон, который гласит, что выборы — это долг каждого гражданина. В заключение, стоит отметить что, несмотря на разные политические режимы у всех 10 стран АСЕАН, данный факт абсолютно не влияет на их сотрудничество и успешное взаимодействие друг с другом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Бектимирова Н.Н. Гражданская протестная активность в Камбодже в 2013—2014 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 22.
- [2] Гинсберг Б., Лоуи Т., Уизр М. Мы, Народ. Введение в американскую политику. М., 2002.
- [3] Дюверже М. Политические партии. М., 2007.
- [4] Канаев Е.А. Сообщество АСЕАН как фактор формирования российско-асеановских отношений. Материалы Научной межинститутской конференции «Интересы России в АТР и перспективы отношений Россия-АСЕАН», посвященной предстоящему в мае 2016 г. III саммиту Россия—АСЕАН в Сочи. М., 2016.
- [5] Ма Тхи Тхью, Деранжулина Е.Г. Особенности статуса избирательных комиссий при выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации и депутатов Национального Собрания Вьетнама: сравнительно-правовой анализ // Общество и выборы: пути

развития избирательной системы России. Сборник материалов третьей межрегиональной научно-практической конференции. Иркутск, 11 апреля 2014 года.

- [6] *Цыганков А.П.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995.
- [7] Freedom House. 2015. Freedom of the world. URL: <http://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2015>.
- [8] History. The Founding of ASEAN. URL: <http://www.asean.org/asean/about-asean/history>.
- [9] *Mietzner M.* Indonesia: Democratic consolidation and stagnation under Yudhoyono, 2004—2014 // William Case (ed.), *Routledge Handbook of Southeast Asian Democratization*. Routledge, Taylor & Francis Group, Abingdon and New York. 2015.

THE INFLUENCE OF POLITICAL SYSTEM, POLITICAL REGIME, PARTY SYSTEM ON POLITICAL PARTICIPATION OF ASEAN MEMBER STATES' PEOPLE

Sathita Dejthongpong

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article examines the influence of political system, political regime, party system on political participation of ASEAN member states. The ten ASEAN member states have unique political background. To understand how the political systems, political regimes and party systems influence the political participation, this article divides the ten ASEAN member states into 3 groups of political regime; democracy, authoritarianism, and communism. Although each ten ASEAN member states have different political regimes, they could unite as an association intended to form a framework for regional cooperation with the implementation of three main objectives: to promote economic development, social progress and cultural development in the region through collaboration; to strengthen peace and security in Southeast Asia; the development of cooperation and mutual assistance on matters of common interest in the economic, social, cultural, technical, scientific and administrative fields. The article applies the comparative analysis methodology by comparing political system, political regime, party system which have influences on political participation of ASEAN member states' people.

Key words: ASEAN, political systems, political regimes, party systems, political participation

REFERENCES

- [1] Bektimirova N.N. Civil protest activity in Cambodia in 2013—2014. *South-East Asia: Actual Problems of Development*. 2014. No. 22.
- [2] Ginsberg B., Lowe T., Wier M. *We, The People*. An introduction to American politics. M., 2002.
- [3] Duverger M. *Political Parties*. M., 2007.
- [4] Kanaev E.A. ASEAN Community as a Factor of Formation of the Russian-ASEAN Relations. The Materials of Intercollegiate Scientific Conference “Russia's Interests in the Asia Pacific

Region and Prospects of Relations ASEAN-Russia” dedicated to the forthcoming in May 2016 the third summit of ASEAN-Russia in Sochi. M., 2016.

- [5] MA thi Thuy, Deregula E.G. The status of election commissions for elections of deputies of the State Duma of the Russian Federation and deputies of the National Assembly of Vietnam: comparative legal analysis. *Society and Elections: Ways of Development of the Electoral System of Russia. Collection of materials of III interregional scientific-practical conference, Irkutsk, April 11, 2014.*
- [6] Tsygankov A.P. Modern political regimes: structure, typology, dynamics. M., 1995.
- [7] Freedom House. 2015. Freedom in the world. URL: <http://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2015>.
- [8] History. The Foundation of ASEAN. URL: <http://www.asean.org/asean/about-asean/history>.
- [9] Mietzner M. Indonesia: Democratic Consolidation and Stagnation under Yudhoyono, 2004—2014. William case (approx. ed.), Routledge Handbook of Southeast Asian Democratization. Routledge, Taylor and Francis group, Abingdon and New York, 2015.

@ Деджтхонпонг Сатхита

ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ

ВСЕ ЛИ СОЦИАЛИСТЫ АНТИРЕЛИГИОЗНЫ? АНТИРЕЛИГИОЗНОСТЬ И «ЛЕВЫЕ» В 21 СТРАНЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (1990—2008 ГГ.)*

Э. Рибберинк¹, П. Ахтерберг², Д. Хаутман¹

¹Лёвенский университет, Бельгия

²Университет Тилбурга, Нидерланды

Политическая ситуация в Советском Союзе в течение двадцатого века привела некоторых исследователей к мнению, что социализм является своего рода «секулярной религией» как противоположной «нормальной» религии. Однако в современной Европе были яркие христианские социалистические движения. Данная статья рассматривает разные подходы социалистов к религии и отвечает на вопрос, что является причиной, по которой социалисты противостоят религии: давление религиозной активности или давление религиозной идентичности. Результаты многоуровневого анализа трех волн Исследования европейских ценностей (1990—2008) в 21 стране Западной Европы, в частности, указывают на увеличение антирелигиозных настроений со стороны социалистов в странах, отмеченных католической и православной религиозной идентичностью.

Ключевые слова: социализм, религия, Европа, идентичность

ВВЕДЕНИЕ: СОЦИАЛИЗМ И АНТИРЕЛИГИОЗНОСТЬ

«Социализм есть положительное, уже не опосредствуемое отрицанием религии самосознание человека» (К. Маркс) (1)

Для К. Маркса социализм был чем-то вроде реализации идеального общества, которое преодолело проблемы, связанные с капитализмом и религией. Это не обязательно предполагало борьбу с религией любой ценой. Он предполагал не антирелигиозное общество, но общество, в котором более нет религиозной нужды.

* **Перевод статьи:** *Ribberink E., Achterberg P., Houtman D. Are all Socialists Anti-religious? Anti-religiosity and the Socialist Left in 21 Western European Countries (1990—2008) // Journal of Contemporary Religion. 2015. Vol. 30. № 3. P. 435—452.* Перевод выполнен Д.В. Журавлевым.

Последователи Маркса, однако, сами озаботились религией. Большая часть истории XX в. отмечена попыткой России стать мировой державой на основе социалистической «научно-атеистической» идеологии.

Пол Фрёзе отмечает, что «постреволюционная Россия стала идеальным местом для распространения доктрины научного атеизма. Подходя к идеям Русской революции, многие русские были полностью разочарованы в своих политических и культурных традициях, и после свержения царского режима многие поверили обещаниям новой социалистической утопии.

Действительно, российское православие, будучи государственной религией, имело завидный уровень приверженности последователей: не менее чем 76% в 1900 г., 0% нерелигиозных, в то время как при советской власти эти цифры снизились до 28% и возросли до 52% соответственно к 1970 г. [5. Р. 1356].

Тем не менее, союз между советским социализмом и антирелигиозной повесткой советских правителей не был единственным направлением, в котором социалисты были связаны с религией. Современные социалистические движения охватывают широкий спектр различных подходов к религии, начиная от жестких антирелигиозных, заканчивая мягкими и толерантными. В Западной Европе, например, французский социализм, с одной стороны, традиционно продвигал неверие и секуляризм с целью удалить все ссылки на Бога из сферы образования и государственного управления [26. Р. 98; 46. Р. 47]. С другой стороны, в таких странах, как Нидерланды и Великобритания, социалисты традиционно показывали индифферентное или даже толерантное отношение к религии [46. Р. 158; 10. Р. 28].

По-видимому, нет ничего по своей сути «антирелигиозного» в социализме. Он может быть как терпимым, так и нетерпимым по отношению к религии. В этой связи возникает вопрос, что подталкивает социалистов к антирелигиозным настроениям в одних странах и почему они терпимы к религии в других.

Данная статья рассматривает этот вопрос и ставит своей целью развитие и проверку теории о вариациях антирелигиозных настроений социалистов через призму национальных контекстов в Западной Европе. Во-первых, на основе обзора литературы мы развиваем тезис, обозначаемый нами как «религиозное давление». Из него мы получаем две гипотезы о том, как религиозный контекст влияет на степень, до которой социалисты склонны к антирелигиозным настроениям. Затем мы проверяем данные гипотезы с помощью многоуровневого анализа данных, взятых из European Values Study для 21 страны Западной Европы (1990—2008 гг). В заключительном разделе мы суммируем наши выводы.

СОЦИАЛИЗМ И АНТИРЕЛИГИОЗНОСТЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В течение долгого времени социализм ассоциировался с оппозицией религии, церкви и вере во многих европейских странах. Это был не только частный случай коммунистической Восточной Европы; антирелигиозные настроения также всплыли в таких странах Западной Европы, как Франция, Италия и Германия. Историк Хью Маклеод описывает, как в Германии становление социализма являлось частью

более общей тенденции дехристианизации во время имперского периода, особенно для представителей рабочего класса [34. Р. 327]. Он представляет немецкий социализм как столь необходимую идеологическую альтернативу лютеранской церкви. Социалисты «пытались укрыться от влияния государства и его идеологических союзников, создав широкий спектр контринститутов, в которых их отличная идентичность могла быть сохранена, а их отличные идеи распространяться» [34. Р. 335]. К концу девятнадцатого и в двадцатом веке эта картина была видна во многих странах Западной Европы. Во Франции необходимость альтернативы религиозному мировоззрению стала столь остра, что были группы левого политического спектра, которые не только отвергали религию, но разработали альтернативные обряды и ритуалы, смоделированные на основе религиозного поведения, например, «Общество взаимной аутопсии» [24].

Тем не менее, антирелигиозность этих социалистов отражает лишь часть истории. Популярность и распространение социализма не только вдохновляли веротступников и нерелигиозных людей, но также влияли на теологов и религиозных философов того времени. Для многих христиан эгалитарная и социальная программа социализма была очень привлекательной. В результате христианское социалистическое движение развивалось с начала XX в. и получило широкое признание, в частности, благодаря хорошо известному немецкому теологу Карлу Барту. Ему приписываются слова о том, что «истинный христианин должен быть социалистом (если он серьезно относится к реформации христианства). Истинный социалист должен быть христианином (если он связан с реформацией социализма)» [14. Р. 83].

Другими известными сторонниками этой точки зрения были Пауль Тиллих в США и Густаво Гутьеррес в Латинской Америке [22; 41].

Популярность социализма среди христиан привела к формированию христианских социалистических партий в некоторых странах Западной Европы, многие из которых впоследствии слились с социал-демократами или партиями «зеленых»; это, например, произошло в Великобритании и Нидерландах [18. Р. 138; 6. Р. 176].

От антирелигиозного «Общества взаимной аутопсии» (Hecht) к прогрессивной христианской *Evangelische volkspartij* или «Евангелической народной партии» [6], социалисты разработали многообразие форм отношения к религии. Указание на возможное объяснение подобной вариации приводит Стив Брюс, отмечая, что на ценности и практики британских левых сильное влияние оказали протестантские секты [12. Р. 8]: «Британское рабочее движение всегда было больше обязано методистам и баптистам, чем Карлу Марксу». Это говорит о том, что разнообразие отношения к религии можно объяснить локальным религиозным контекстом [10. Р. 28]. Эту идею также можно обнаружить в работах Дэвида Мартина по секуляризации [29; 30]. Он утверждает, что политика и религия «изоморфны» в том смысле, что «исторические религиозные формы европейских обществ зеркально отображаются в характерных секулярных мутациях и перестановках» [30. Р. 80], как будто «вы одно вычитали из другого» [30. Р. 47]. Это означает, что различия в отношении социалистов к религии можно объяснить различиями,

которые обнаруживаются в различных религиозных контекстах. Особенности *давления* в конкретном религиозном контексте определяют отношение социалистов к религии. Данный тезис мы обозначаем как «*религиозное давление*». Наша цель состоит в том, чтобы далее развить этот тезис и проверить гипотезы, которые могут быть из него получены.

ТЕЗИС О РЕЛИГИОЗНОМ ДАВЛЕНИИ НА АНТИРЕЛИГИОЗНОСТЬ И СОЦИАЛИЗМ

Тезис о религиозном давлении фокусируется на роли религиозного контекста в объяснении антирелигиозности. Этот подход основывается, прежде всего, на работе Дэвида Мартина о секуляризации. Центральным в его теории секуляризации является путь, по которому различные религиозные культуры формируют траектории секуляризации в их странах [31. Р. 139].

По Мартину, религия делает больше, чем просто обеспечивает религиозные потребности отдельных индивидов. Она проникает в культурный слой страны и продолжает делать это даже тогда, когда люди перестали ходить в церковь.

Говоря о национализме и религиозной идентичности, он утверждает, что «религия ставит национальную идентичность под угрозу: в конце концов, религия почти всегда выполняет иные функции, чем те, которые мы сегодня обозначаем чисто религиозными» [32. Р. 13]. Это важное замечание для теоретического понимания того, что религия дает культуре. Мартин говорит о «религиозных культурах», изучая путь, через который религия влияет на элементы более широкой культуры, такие, как язык, архитектура, искусство и литература.

Таким образом, когда мы говорим о тех, кто более не связан к каким-либо религиозным институтом (нерелигиозным или светским), или тех, кто выступает против каких-либо религиозных институтов (антирелигиозных или секуляристах), и когда мы говорим о процессе, который пытается описать смены ролей и отношений к религии (траектории или нарративы секуляризации), мы должны смотреть на конкретную религиозную культуру, в которой эти процессы происходят [29; 30], см. также [9; 15; 17; 27; 38].

Аргумент Мартина о «религиозных культурах» противопоставлен аргументам тех, кто до сих пор видит преодоление религии секулярным в качестве следующего этапа в развитии современности или, по его словам, «временное образование, предшествующее секулярному исходу» [30. Р. 8]. Он продолжает: «есть, например, многочисленные свидетельства христианского социализма, рассматривающие его как „лишь“ временное ожидание полноценного секулярного социализма» (Там же, см. также [42. Р. 556]). Вместо этого Мартин предлагает рассматривать религиозные и политические феномены как тесно связанные между собой. Это подразумевает, что антирелигиозные движения связаны с религиозной культурой таким образом, что их можно рассматривать как зеркальное отражение презируемых ими религиозных движений (ср. [3. Р. 596; 12. Р. 8; 47. Р. 111]).

В литературе по этой теме католицизм и социализм почти всегда выходят на первый план, когда авторы говорят об отражении религиозной культуры. На-

пример, Мартин дифференцирует различные типы национальных религиозных культур среди прочего на основе присутствия католической или православной религиозной монополии. «Этот тип религиозной культуры, — объясняет он, — особенно восприимчив к проявлениям секулярного — не столько просто нерелигиозного в благосклонном и толерантном ключе, сколько в качестве особого вида светской религии самой по себе, возвращенной антирелигиозным устремлением» [29. Р. 24].

Католическая или православная монополия создает воинствующий прообраз самой себя. Ряд учений французских просветителей напоминает инверсию католицизма, а светские религии, возникшие во Франции, иногда являются некой формой католицизма без христианства.

Согласно Мартину религиозные культуры, в которых доминируют католическая или православная религии, более склонны к тому, чтобы провоцировать откровенно антирелигиозные реакции, чем более плюралистические протестантские религиозные культуры. Кроме того, как утверждают некоторые авторы, в контексте католической и православной культур эта реакция часто имеет социалистическую политическую повестку [11. Р. 10; 29. Р. 24; 30. Р. 50; 34. Р. 214; 44. Р. 524; 16. Р. 224; 43. Р. 226].

Однако вопрос, который эти авторы не проясняют, состоит в том, что именно в католических или православных религиозных культурах, в отличие от протестантских культур, развивает антирелигиозные настроения социалистов. Связано ли это с тем утверждением, что католики более религиозно активны и что эта активность воспринимается как более довлеющая по отношению к не-католикам? Или же их коллективная идентичность рассматривается как большая угроза для социалистических идеалов, чем протестантская идентичность? Иными словами, какого рода религиозное давление реально провоцирует антирелигиозные настроения социалистов? Является ли это давлением религиозной активности или давлением религиозной идентичности, которая вынуждает социалистов противостоять религии (2)?

Основываясь на дискуссиях в доступной литературе, мы развиваем две гипотезы для того, чтобы ответить на этот вопрос.

ГИПОТЕЗЫ

Наша первая гипотеза рассматривает религиозное давление, сформированное религиозной активностью в конкретном контексте. После культурной революции 1960-х и 1970-х гг. всеобъемлющая власть христианских церквей значительно снизилась, хотя этот процесс был более явным в протестантских странах, чем в преимущественно католических и православных [7. Р. 15; 12. Р. 21; 30. Р. 47; 43. Р. 227]. В изменяющемся религиозном климате, который затронул все эти церкви, те, которые были сильными, еще более активизировались, в то время как другие, особенно те, которые имели более формальных и номинальных последователей, значительно снизили свое присутствие и влияние [1. Р. 696]. В общем, можно сказать, что католическая и православная церкви относились к первой группе, а протес-

тантские церкви — ко второй. Это означает, что в католических или православных странах религия сегодня выступает скорее в качестве культурной силы, с которой необходимо считаться, в отличие от протестантских стран, поскольку она более активна, социально представлена и видима.

Мы предполагаем, что личное противостояние между активными религиозными индивидами и социалистами усилит негативное отношение социалистов к религии и религиозности и сделает их позицию более антирелигиозной (напр., [45]). Первая гипотеза, которая может быть сформулирована, заключается в том, что чем выше национальный уровень активного религиозного участия, тем более социалисты склонны к антирелигиозным настроениям (Гипотеза 1).

Помимо Мартина, такие авторы, как Питер Бергер [7] и Чарльз Тейлор [43], также указывали на коллективную национальную идентичность, которую католицизм и православие могли создать. В странах, в которых католическая или православная церкви оказали сильное влияние на понимание людьми национальной идентичности, социалисты, которые хотят реформировать общество в соответствии с их политическими идеями, находят свое основное препятствие в том, чтобы быть доминирующей культурной силой, коей является католическая или православная церковь.

Тейлор утверждает, что, когда коллективная религия пересекается с политической идентичностью и когда эта религия претендует на полную власть и контроль, это провоцирует антиклерикальную реакцию как ответ на тотальный контроль со стороны государства [43. Р. 226].

Мартин утверждает, что страны с монополией католицизма или православия (3) имеют преимущественно коллективные ценности, такие как солидарность, национализм и уважение к власти, являющиеся социальной и культурной основой в монокультурах [29. Р. 24].

Мы предполагаем, что социалисты отразят эти коллективные религиозные структуры путем создания политических контрструктур, которые в этом контексте неизбежно будут антирелигиозными. Мартин называет эти структуры «соперничающими секулярными универсализмами» [30. Р. 76].

Данный аргумент сконцентрирован на давлении, формируемом коллективным, а не активным типом религиозности. Это подводит нас к формулированию следующей гипотезы: в странах с высоким уровнем католической или православной аффилиации люди с высокой склонностью к социалистическим идеалам также будут иметь высокий уровень антирелигиозных настроений (Гипотеза 2).

ДАнные И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Для того, чтобы проверить две гипотезы, мы использовали следующие данные Европейского исследования ценностей (EVS): EVS 1990 (вторая волна), EVS 1999 (третья волна), EVS 2008 (четвертая волна) (4). Эти данные используются наиболее часто и являются данными, отражающими экономические, политические и религиозные ценности в Западной Европе. Мы исключили набор данных 1981 г., поскольку в нем содержится слишком мало переменных, которые были включены

в последующие три волны. Только в последних трех волнах мы обнаружили достаточное количество совпадений в заданных вопросах, чтобы иметь возможность использовать их в качестве единого комбинированного набора данных.

Причина, по которой мы хотели использовать данные более чем одной волны, заключается в том, что это обеспечивает большее число стран для исследования, так как каждая страна, которая была частью более чем одной волны, EVS учитывается дважды (или более) в анализе данных на страновом уровне. Это важно для проектирования многоуровневого анализа, так как обеспечивает больший размер выборки на страновом уровне (5).

В дискуссиях об упадке религии в одних регионах и возрождении религии в других Западная Европа обычно рассматривается как «белая ворона» (6) [30. Р. 47], см. также [8. Р. 9; 23; 12. Р. 4]. В отличие от других западных стран, таких как США, церковь потеряла большую часть своей прежней силы, приверженцев и влияния в большинстве стран Западной Европы. Ее разнообразие религиозных культур и большое число нерелигиозных людей создают очень интересный фон для нашего исследования нерелигиозности, социализма и антирелигиозности. Исследуемые нами страны Западной Европы (год, соответствующий волне EVS, в скобках): Австрия (1990, 1999, 2008), Бельгия (1990, 1999, 2008), Кипр (2008) (7), Дания (1990, 1999, 2008), Финляндия (1990, 1999, 2009), Франция (1990, 1999, 2008), Германия (1990, 1999, 2008), Греция (2008) (8), Великобритания (1990, 1999, 2009), Исландия (1990, 1999, 2008), Ирландия (1990, 1999, 2008), Италия (1990, 1999, 2009), Люксембург (1999, 2008), Мальта (1990, 1999, 2008), Нидерланды (1990, 1999, 2008), Норвегия (1990, 2008), Португалия (1990, 1999, 2008), Испания (1991, 1999, 2008), Швеция (1990, 1999, 2008), Швейцария (2008) и Северная Ирландия (1990, 1999, 2008), N = 68 918 в 58 странах/волнах.

Приверженность *социалистической идеологии* измеряется через голосование респондентов за политическую партию, основывающуюся на социалистической идеологии, в сочетании с созданием шкалы ранжирования приверженности респондентов к социалистическим политико-экономическим взглядам.

Мы заинтересованы в том, чтобы увидеть, при каких обстоятельствах множество людей, придерживающихся социалистической идеологии, опирается на антирелигиозные идеалы. Поэтому для измерения электоральных предпочтений мы включили не только ультралевых, но и основные социал-демократические партии, которые продвигают экономическое равенство и большую роль государства в обеспечении своих граждан. Основываясь на классификации, выполненной исследовательской группой Manifesto Research Group/Comparative Manifestos Project (MRG/СМР) (9), мы кодировали все политические партии Западной Европы либо как «социалистические» (включая коммунистов и социал-демократов), либо как «иные» (включая «зеленых», либералов, консерваторов и националистов). Люди, выражающие предпочтение к социалистическим партиям, были кодированы — 1, все остальные были кодированы — 0.

Для измерения политико-экономических взглядов, которые относятся к шкале социалистической идеологии, мы были вынуждены ограничиться теми вопросами, которые были включены во все три волны Исследования европейских ценностей.

Один из вопросов заключался в том, предпочитает ли респондент, чтобы бизнесом владели частные лица или правительство, а ответы распределялись по шкале от 1 до 10, где наиболее высокий балл (10) указывает на предпочтение последнего. Аналогичный вопрос был задан для того, чтобы определить, рассматривает ли респондент конкуренцию как нечто хорошее (1) или вредное (10) для трудовой этики и креативности. Другой подобный вопрос заключался в том, считает ли респондент индивидов или государство ответственным за обеспечение народного благосостояния с наиболее высокой оценкой (10), указывающей на предпочтение последнего.

Все пункты были стандартизированы и линейно объединены для того, чтобы создать шкалу «социализм» (табл. 1 (10)).

Таблица 1

Факторный анализ и анализ надежности по шкале экономических ценностей

Item	Factor Loading
Предпочтительность государственной собственности?	0,75
Восприятие конкуренции как чего-то «вредного»?	0,73
Восприятие государства как ответственного за обеспечение?	0,71
Eigen value	1,59
R ²	0,53
Cronbach's α	0,56
N	55,010

Источник: EVS 1990—2008.

Антирелигиозность измерялась на основании двух вопросов, которые выражают враждебность респондентов по отношению к религии. Один из них состоит в том, является ли респондент религиозным человеком. Ответы на данный вопрос дифференцированы между религиозным, нерелигиозным и «убежденным атеистом». Хотя термин «атеист» сильно оспаривается и может означать множество различных вещей, в данном случае очевидно, что люди должны были в нем увидеть нечто отличное от религиозного и нерелигиозного. Мы предполагаем, что большинство респондентов прочитывают понятие «убежденный атеист» как означающее «антирелигиозное», так как другие варианты включают религиозную и нерелигиозную категории. Прочитав таким образом, люди отреагировали на этот вопрос положительно (религиозные), нейтрально (нерелигиозные) или отрицательно (убежденные атеисты). Поэтому мы кодировали людей с религиозными предпочтениями как 1, с нерелигиозными предпочтениями как 2, и убежденных атеистов как 3 (категория ответа «не знаю» была кодирована как отсутствующая).

Вопрос, проясняющий доверие людей к церкви как институту, также можно рассматривать в качестве выражения религиозной терпимости (или, наоборот, — нетерпимости). Категории ответов представлены в 4-х-балльной шкале, ранжируемой от «огромного» до «совершенно никакого». Мы использовали среднее значение стандартизованных результатов этого измерения (которое уже был кодировано таким образом, что высокие баллы указывают на недоверие к церкви), вместе со стандартизованным значением для «убежденных атеистов», чтобы создать индекс антирелигиозности. Факторный анализ и анализ надежности этой шкалы представлены в табл. 2.

Таблица 2

Факторный анализ и анализ надежности по шкале антирелигиозности

Item	Factor Loading
Убежденный атеист?	0,75
Низкий уровень доверия к Церкви?	0,75
Eigen value	1,50
R ²	0,75
Cronbach's α	0,67
N	64,280

Источник: EVS 1990—2008.

Центральным местом в наших гипотезах являются различные пути, по которым религиозное давление может привести к развитию антирелигиозных настроений социалистов. Первое измерение религиозного давления основано на *активной религиозности в стране*. Индикаторы частотности посещения богослужений указывают на актуальное присутствие и активность религии в определенной культуре. Мы могли бы посмотреть на все способы измерения активной религиозности, но самый простой способ — это посмотреть на то, как много людей в стране действительно ходят в церковь и насколько регулярно они это делают. Таким образом, измерение, которое мы используем, основано на частотности посещения на национальном уровне. Мы используем отдельный вопрос, цель которого — выяснить о каких-либо посещениях церкви помимо случаев свадебных или похоронных церемоний, иных подобных случаев, и кодируем тех, кто посещал церковь не менее одного раза через положительное значение (ответы 1—3 = 1), а тех, кто посещал только по случаю религиозных праздников, только один раз в год или не посещал как нейтральное значение (ответы 4—8 = 0). Мы подсчитали средний балл для каждой страны по данному индикатору, который является процентным выражением от общей численности населения тех, кто активно посещает церковные службы. Обзор данного измерения дается в табл. 3.

Таблица 3

Процент активных религиозных людей по странам

Страна	1990	1999	2008
Австрия	0,45	0,43	0,28
Бельгия	0,35	0,28	0,18
Кипр			0,56
Дания	0,11	0,12	0,10
Финляндия	0,11		0,10
Франция	0,17	0,12	0,12
Германия	0,33	0,35	0,23
Греция			0,43
Исландия	0,09	0,12	0,12
Ирландия	0,88	0,75	0,57
Италия	0,51	0,53	0,48
Люксембург		0,30	0,19
Мальта	0,90	0,87	0,84
Нидерланды	0,31	0,25	0,26
Норвегия	0,13		0,12
Португалия	0,48	0,53	0,48
Испания	0,41	0,36	0,26
Швеция	0,10	0,09	0,08
Швейцария			0,20
Великобритания	0,25	0,19	0,20
Северная Ирландия	0,69	0,60	0,54

Источник: EVS 1990—2008.

Второе измерение религиозного давления связано с коллективной идентичностью религиозной культуры. Самый простой способ измерения — это уровень аффилиации с католической или православной церковью в конкретной стране (11).

Мы обозначим данную переменную как *католическая/православная религиозность*. Всем респондентам был задан вопрос о том, являются ли они членами какой-либо религиозной деноминации (да = 1, нет = 0), и если да, то какая их религиозная деноминация.

Мы отобрали респондентов, которые обозначили свою аффилированность с католической или православной деноминацией. Эти значения были объединены с той целью, чтобы мы могли создать общее значение для каждой страны, которое указывает на долю населения, аффилированную либо с католической, либо с православной деноминацией. Мы использовали подобный способ вычисления для создания переменной по протестантской религиозности (включая Свободную церковь) в качестве контрольной на национальном уровне. Обзор данного измерения представлен в табл. 4.

Таблица 4

Католическая/православная и протестантская религиозность по странам

Страна	Католическая/ Православная			Протестантская		
	1990	1999	2008	1990	1999	2008
Австрия	0,78	0,81	0,74	0,07	0,06	0,06
Бельгия	0,68	0,56	0,51	0,01	0,03	0,01
Кипр			0,98			0,00
Дания	0,01	0,01	0,01	0,89	0,88	0,86
Финляндия	0,01		0,01	0,86		0,74
Франция	0,58	0,54	0,45	0,01	0,02	0,01
Германия	0,45	0,40	0,43	0,43	0,43	0,38
Греция			0,95			0,00
Исландия	0,01	0,00	0,02	0,94	0,91	0,88
Ирландия	0,93	0,89	0,84	0,02	0,02	0,04
Италия	0,83	0,82	0,80	0,01	0,00	0,00
Люксембург		0,66	0,63		0,03	0,03
Мальта	0,97	0,98	0,96	0,00	0,01	0,01
Нидерланды	0,29	0,22	0,27	0,17	0,18	0,22
Норвегия	0,01		0,03	0,88		0,73
Португалия	0,77	0,86	0,83	0,00	0,00	0,01
Испания	0,85	0,81	0,59	0,00	0,01	0,00
Швеция	0,01	0,02	0,03	0,76	0,71	0,64
Швейцария			0,35			0,31
Великобритания	0,10	0,14	0,11	0,46	0,63	0,39
Северная Ирландия	0,29	0,34	0,34	0,61	0,45	0,41

Источник: EVS 1990—2008.

В качестве контрольных переменных на индивидуальном уровне мы использовали гендер, возраст и образование (12). Возраст варьируется от 15 до 108 лет и учитывается в соответствующих ответах. Уровень образования измеряется с помощью переменной, указывающей на возраст, в котором респонденты закончили получение образования (13). Для того чтобы получить общее представление о переменных, которые были, таким образом, введены, описательная статистика для каждой из переменных представлена в табл. 5.

**Описательная статистика переменных,
использованных для многоуровневого анализа**

Variables	N	Minimum	Maximum	Mean	Std. Deviation
Возраст респондента	68,638	15	108	46,25	17,655
Гендер	68,882	1	2	1,53	0,499
Годы образования	66,408	0	94	18,38	5,913
Антирелигиозность	68,625	1,53	4,11	0,01	0,812
Активная религиозность	68,918	0,08	0,90	0,34	0,205
Социализм	47,803	1,11	1,84	0,01	0,674
Католическая/Православная религиозность	68,918	0,00	0,98	0,51	0,332
Протестантская религиозность	68,918	0,00	0,94	0,25	0,320
Valid N (listwise)	46,141				

Источник: EVS 1990—2008.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С помощью анализа объединенных данных по политико-экономическим и религиозным ценностям мы проверяем обоснованность наших двух гипотез. Цель этой проверки — определить, является ли обоснованным тезис о религиозном давлении, который описывает, как в одних религиозных культурах социалисты склонны к более острой реакции на религиозное давление, чем в других. Мы предполагаем, что социалисты имеют высокую степень антирелигиозности в качестве реакции как на активную, так и на коллективную религиозность католической/православных церквей.

В многоуровневом анализе мы используем метод наименьших квадратов с оценкой максимального правдоподобия для проверки гипотез по двум причинам. В первую очередь, многоуровневый анализ позволяет одновременно оценить влияние переменных как на индивидуальном уровне, так и на уровне стран.

Поскольку наши данные структурированы таким образом, что существует два уровня — 68,918 индивидов с определенными характеристиками (напр., возраст, образование, электоральное поведение и т.д.) расположены в 58 странах/волнах с определенными характеристиками (активная религиозность на основе национальных показателей частотности посещения богослужений и степени католической/православной религиозности) — многоуровневый анализ представляется наиболее подходящим.

Во-вторых, так как наши гипотезы направлены на исследование того, как индивиды по-разному реагируют на различия в религиозности по странам, многоуровневый анализ хорошо отвечает поставленной цели, поскольку позволяет исследовать кросс-уровневые взаимодействия.

Мы оцениваем разные модели с разным числом эффектов. Это эффекты переменных на индивидуальном или национальном уровне, и мы оцениваем взаимодействие между этими переменными. Каждая из моделей также содержит так называемые случайные эффекты. Эти эффекты, обозначенные как дисперсии, оценивают изменчивость среднего уровня антирелигиозности в стране и изменчивость уровня антирелигиозности на индивидуальном уровне. Каждая модель, которая показывает более низкие уровни этих двух типов изменчивости, несколько лучше объясняет антирелигиозность. В таблице 6 приведены результаты нашего анализа.

**Объяснение антирелигиозности (OLS multilevel analysis,
Maximum Likelihood, N = 46,141 in 58 country/waves)**

	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4	Model 5
Constant	1,94*** (0,03)	2,82*** (0,10)	2,81*** (0,09)	2,81*** (0,09)	2,81*** (0,09)
Возраст	—	0,01*** (0,00)	0,01*** (0,00)	0,01*** (0,00)	0,01*** (0,00)
Гендер (муж.)	—	0,19*** (0,01)	0,19*** (0,01)	0,19*** (0,01)	0,19*** (0,01)
Гендер (жен.)	—	—	—	—	—
Годы образования	—	0,01*** (0,00)	0,01*** (0,00)	0,01*** (0,00)	0,01*** (0,00)
Католическая/православная религиозность по стране	—	0,53** (0,17)	0,50** (0,16)	0,50** (0,16)	0,50** (0,16)
Протестантская религиозность по стране	—	0,66*** (0,13)	0,64*** (0,13)	0,64*** (0,13)	0,65*** (0,13)
Активная религиозность по стране	—	0,65*** (0,14)	0,65*** (0,13)	0,66*** (0,13)	0,66*** (0,13)
Социализм	—	0,12*** (0,00)	0,11*** (0,01)	0,13*** (0,02)	0,12*** (0,02)
Активная религиозность по стране X социализм	—	—	—	0,07 (0,06)	-0,27** (0,09)
Католическая/православная религиозность по стране X социализм	—	—	—	—	0,17** (0,06)
-2log likelihood	94 490,69	89 895,66	89 667,43	89 669,97	89 665,07
Akaike's Information Criterion (AIC)	94 494,69	89 899,66	89 673,43	89 675,97	89 671,07
N (в 58 странах/волнах)	68,918	46,141	46,141	46,141	46,141
Variance individual level	0,45	0,41	0,41	0,41	0,41
Variance country level	0,052	0,017	0,015	0,015	0,015
Variance socialism	—	—	0,008	0,008	0,006

Примечания: *p < 0,05; **p < 0,01; ***p < 0,001 (two-tailed test for significance).

Источник: EVS 1990—2008.

Во-первых, объясним, что различные модели табл. 6 означают. Первая модель в основном показывает, что антирелигиозность можно объяснить как на индивидуальном уровне, так и на контекстуальном. Дисперсия в приблизительно 10% $(0,052 / (0,45 + 0,052) \cdot 100)$ может быть объяснена факторами на страновом уровне. Остаток может быть потенциально объяснен индивидуальными факторами.

Поскольку первая модель не включает в себя каких-либо переменных, любое включение переменных как на индивидуальном, так и на контекстуальном уровне почти автоматически приводит к более низким уровням необъясненной дисперсии. Это действительно имеет место во второй модели. Она показывает значимость независимых переменных: возраста, гендера, образования, приверженности социа-

лизму, а также различных измерений религиозности. Доля необъясненной дисперсии на индивидуальном уровне снизилась (с 0,45 до 0,41). Необъясненная дисперсия на контекстуальном уровне значительно снизилась (с 0,052 до 0,017).

Как предполагают наши гипотезы, положительный эффект от социализма по отношению к антирелигиозности, который мы обнаружили во второй модели, в действительности сильно варьируется между контекстами. Иными словами, необходимым условием является то, что в одних контекстах социалисты, вероятно, будут более антирелигиозны, чем в других. В модели 3 мы проверили и верифицировали именно это предположение. Эта модель, идентичная предыдущей по отношению к числу эффектов оцененных переменных, показывает, что особенности социализма варьируются между контекстами (0,008).

Модель 4 включает эффект взаимодействия активной религиозности и социализма, который мы используем для проверки нашей первой гипотезы. Эта модель не представляет собой значительного улучшения третьей модели. Мы обсудим ниже, как это приводит нас к опровержению этой гипотезы. Пятая модель также включает эффект взаимодействия для католической/православной религиозности; эта модель представляется значительным улучшением для третьей и четвертой моделей (14). В этой модели мы обнаруживаем два значительных эффекта. Кроме положительного и значимого взаимодействия между католической/православной религиозностью в стране и социализмом мы также обнаруживаем отрицательный эффект взаимодействия между активной религиозностью в стране и социализмом. Это можно объяснить двумя фактами: есть высокая корреляция (0,78***) между двумя индикаторами для религиозности на страновом уровне и кросс-уровневые взаимодействия этих переменных с социализмом компенсируют друг друга. Мы обсудим ниже, что это означает для наших гипотез.

Таблица 6 показывает, как социализм и антирелигиозность, как правило, положительно коррелируют.

Таким образом, можно сказать, что, в среднем, люди с социалистическими политическими взглядами более склонны к негативным представлениям о религии, чем люди с другими политическими взглядами. То же самое можно сказать и о мужчинах, которые имеют более высокий уровень антирелигиозных настроений, чем женщины (напр., [4. P. 11; 40. P. 452]).

То, что этот гендерный эффект еще сильнее, чем эффект социализма, указывает на то, что существует большее разнообразие в антирелигиозных настроениях между социалистами и не-социалистами, чем между мужчинами и женщинами (15). Мы также можем увидеть, что люди, которые живут в странах с высоким уровнем религиозности, независимо от ее типа — протестантская, католическая/православная, активная религиозность — наименее склонны к тому, чтобы иметь антирелигиозные настроения. Это не удивительно, так как данная переменная является средним значением по каждой стране.

Религиозные люди будут, естественно, более терпимы к проявлениям религии, чем нерелигиозные. Однако то, что нас интересует больше всего — какой

эффект оказывает взаимодействие этих типов религиозности и социализма на антирелигиозные настроения. Иными словами, мы хотим узнать, влияет ли существенным образом контекст на антирелигиозные настроения социалистов, так как это предполагают наши гипотезы.

Следуя первой гипотезе, мы предполагали, что уровень активной религиозности в стране, измеряемый через частотность посещения богослужений, положительно повлияет на рост антирелигиозных настроений среди людей с социалистическими взглядами. Однако в странах с высоким уровнем активной религиозности влияние социалистических взглядов на антирелигиозность незначительно, что следует из четвертой модели, и отрицательно, что следует из пятой модели. Это удивительно, так как мы уже обнаружили, что в целом, социалисты склонны к большей антирелигиозности. Очевидно, она меньше, когда они живут в странах, в которых окружены активными религиозными людьми. Это противоречит ожиданиям, изложенным в первой гипотезе, поэтому необходимо отказаться от нее. Результаты пятой модели указывают на возможное продолжение влияния социализма на христианскую мысль, упомянутое ранее, и на различные христианские социалистические движения, которые получили широкое распространение в таких странах, как Великобритания и Нидерланды. Рисунок 1 наглядно показывает данный эффект (основанный на пятой модели из табл. 6).

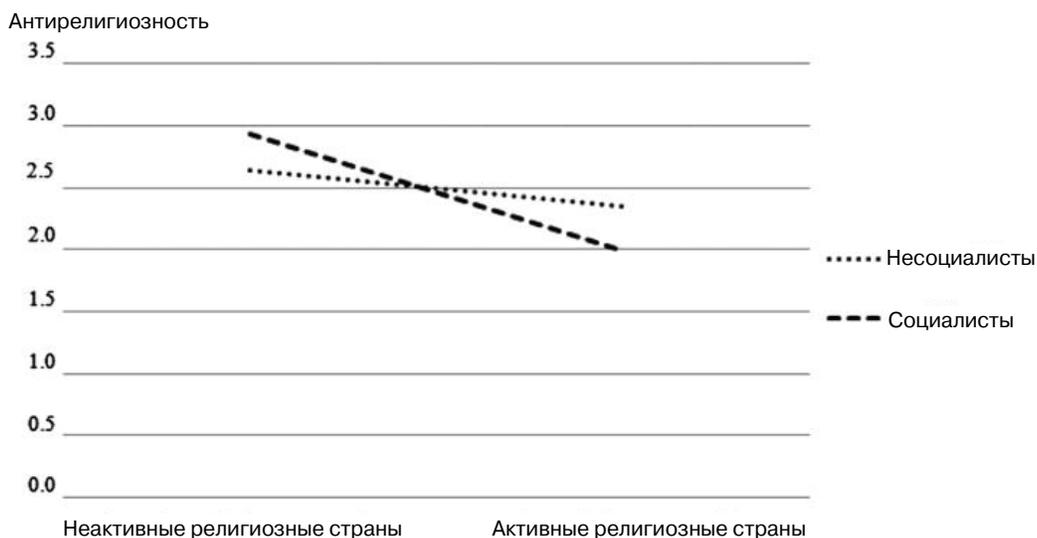

Рис. 1. Влияние социализма на антирелигиозность в странах с низким или высоким показателем уровня активной религиозности по выборке 58 стран/волн

Наша вторая гипотеза связана с религиозной аффилиацией в конкретной стране. Она предполагает, что в странах с высоким уровнем католической/православной аффилиации люди с социалистическим взглядами имеют более высокий уровень антирелигиозных настроений. Рисунок 2 наглядно показывает результаты из табл. 6 (модель 5), касающиеся этой гипотезы.

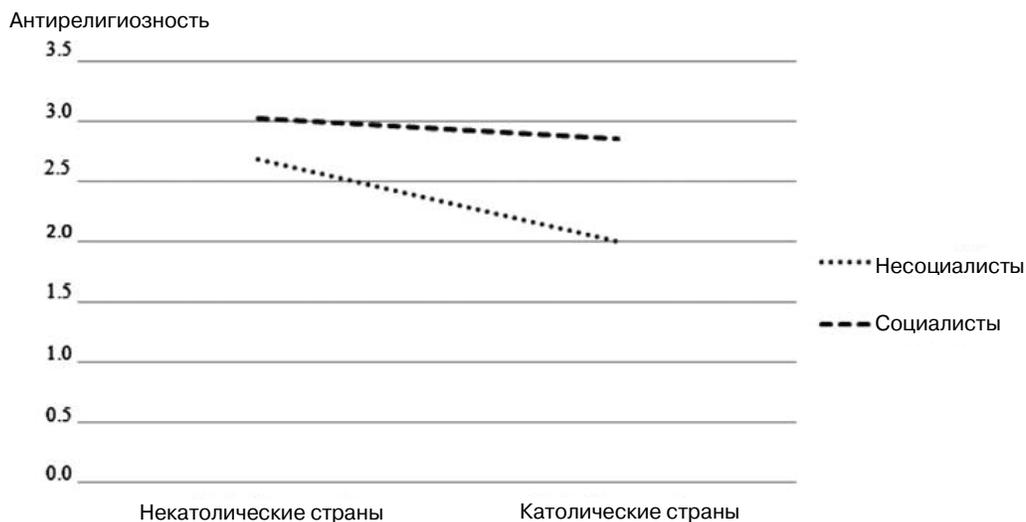

Рис. 2. Влияние социализма на антирелигиозность в странах с низким или высоким показателем уровня католической/православной религиозности по выборке 58 стран/волн

На этом рисунке показано, как социализм, католицизм/православие и антирелигиозность связаны между собой. Как в католических/православных странах, так и в некатолических/неправославных люди с высоким уровнем социалистических идеалов, как правило, склонны к более высокому уровню антирелигиозных настроений. Однако интересно отметить, что этот эффект сильнее проявляется в католических странах, чем в некатолических.

Как показано в табл. 3 и 4, страны с высоким уровнем католической/православной аффилиации, как правило, также имеют более высокий уровень активной религиозности. Что является причиной этого? В нашем анализе оба типа религиозности были приняты во внимание в их связи с социализмом. Пятая модель в табл. 6 показывает, что для социалистов окружение католической/православной религиозности выступает в качестве этой причины не потому, что контексты с большим числом католиков/православных равнозначны контекстам с большой долей активных религиозных людей, но лишь потому, что они живут в странах с большим числом людей, аффилированных с католической и/или православной церковью. Это подтверждает предположения, сформулированные во второй гипотезе.

Подведем итог рассмотрением того, какое отношение эти результаты имеют к нынешним дискуссиям в социологии политики и религии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Центральный вопрос этой статьи заключается в том, что именно вынуждает социалистов сопротивляться религии: давление религиозной активности или давление на основе религиозной идентичности. Наши результаты затрагивают страны с характерной коллективной идентичностью католической и православной религий, основываясь на аффилиации, а не на уровне реального участия. Это показы-

вает, как в случае антирелигиозности социалистов религиозная и культурная идентичность оказывают более сильное влияние, чем религиозные и культурные практики (см. также [7; 36. Р. 6; 37. Р. 17]). За рамками нашего анализа остается оценка индивидуальных мотиваций социалистов к более острой реакции на религиозную идентичность, чем на религиозную активность в католических/православных контекстах.

При обсуждении второй гипотезы мы упоминали об историко-политическом аспекте католических/православных культур, а именно то, как церковь и государство переплетены друг с другом, а также монокультурный аспект, включающий в себя коллективные культурные ценности, такие как солидарность и уважение к власти, и создающий культуру с высоким уровнем гомогенности. Дальнейшие исследования могли бы рассмотреть, какой из двух аспектов является более актуальным для социалистов, а также, возможно, какие индивидуальные характеристики имеют социалисты.

Мы склонны полагать, что историко-политическая гипотеза, предполагающая, что эти церкви были основополагающими для распределения власти в государстве и, соответственно, вызывают сопротивление, будет применима преимущественно к социалистам с более высоким уровнем образования. В то же время мы полагаем, что гипотеза о культурной солидарности, предполагающая, что в связи с относительно высоким уровнем солидарности и гомогенности в католических/православных контекстах социалисты чувствуют себя отстраненными аут-группами в политическом и религиозном плане, будет преимущественно применима к низкообразованным рабочим классам [25. Р. 98].

Что мы не можем поддержать, так это предполагаемую положительную корреляцию между антирелигиозностью социалистов и контекстом активной религиозности. Четвертая модель не показала никакого существенного эффекта взаимодействия, а пятая модель показала значимую отрицательную корреляцию эффекта взаимодействия. Это означает, что когда есть активная религиозная община, это само по себе не приводит социалистов к противостоянию религиозности. Этот результат совпадает с выводом Эгберта Рибберинка, Петера Ахтерберга и Дика Хаутмана (114), которые указывают на более сильный эффект антирелигиозности среди менее образованных, но только в контексте низкого уровня активной религиозности, и наоборот (менее образованные люди имеют более слабые антирелигиозные настроения в контексте высокого уровня активной религиозности). Это могло бы объяснить отрицательную связь между антирелигиозными настроениями социалистов и уровнем активной религиозности, так как это предполагает, что есть некое сходство в восприятии религии менее образованными людьми и социалистами. Это требует дополнительных исследований, так как нам необходимо расширить наше понимание этих процессов и их взаимосвязанности.

Зеркальное отражение религиозных и политических идентичностей и оппонирующих идеологий, которое мы обсудили и проанализировали, также подчеркивает важность дискуссий на тему религиозных, пострелигиозных и секулярных идентичностей. Эта дискуссия о месте религии в современных обществах заняла центральное место в недавней полемике в рамках Европейского Союза, напри-

мер, при обсуждении вопроса о возможном присоединении Турции [17. Р 71]; см. также [9; 13].

Наши результаты могут помочь более точно указать на то, чем являются (пост)религиозные культурные идентичности и как они функционируют, а также почему религиозные идентичности имеют различное влияние на эти противоречия по сравнению с религиозной активностью.

В рамках каких религиозных культур социалист станет антирелигиозным и почему?

Мы подчеркнули центральное место религиозных культур в нашем анализе. Хотя наш тезис о «религиозном давлении» не может быть полностью поддержан, наш анализ открывает новые направления для исследований, которые могут исходить из логики этого тезиса. Так как во многом мы посмотрели на социализм как на зеркальное отражение католицизма и православия, одно из направлений исследований заключается в том, какие виды зеркальных отражений могут быть обнаружены для протестантских монокультур Скандинавии, смешанных религиозных культур Нидерландов, Германии и Великобритании и что станет зеркальным отражением роста ислама в Европе.

В продолжение защиты эмпирической ценности нашего тезиса о религиозном давлении будущие исследования могли бы использовать этот тезис в изучении возникновения антиисламских настроений в таких странах, как Норвегия, Швейцария и Нидерланды (но не в таких странах, как Испания и Португалия) и популярности «нового атеизма» в Великобритании и США (см. [2]).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) «Так как существенная реальность человека и природы приобрела практический характер... то стал практически невозможным вопрос о каком-то чуждом существе, о существе, стоящем над природой и человеком, — вопрос, заключающий в себе признание несущественности природы и человека. Атеизм, как отрицание этой несущественности природы и человека. Атеизм, как отрицание этой несущественности, не имеет больше никакого смысла, потому что атеизм является отрицанием бога и утверждает бытие человека именно посредством этого отрицания; но социализм... уже не нуждается в таком опосредствовании... Социализм есть положительное, уже не опосредствуемое отрицанием религии самосознание человека» (перев. по: К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви / ред. А.Ф. Окулов [и др.]; сост.: Г.С. Лялина, М.М. Персиц, Ю.Б. Пищик. М., 1986).
- (2) Мы следуем Расселу Дальтону, делая данное различие в типах религиозности.
- (3) Мартин [29. Р. 23] утверждает, что монополии протестантизма также существуют, главным образом, в Скандинавии, но они имеют индивидуалистические ценности. Это создает иную культурную динамику, в которой нет никаких коллективных антирелигиозных реакций, как это происходит в католических странах. Напротив, имеет место атмосфера религиозной индифферентности.
- (4) Мы использовали интегрированные данные, доступные через веб-сайт Gesis.org.
- (5) См. Coen Maas и Joop Nox, которые утверждают, что для подобного вида анализа выборка, включающая по меньшей мере 50 стран, является предпочтительной. Это не означает, что некоторые респонденты считаются дважды, поскольку эти данные не состоят из панельных данных.

- (6) Иной скажет, что это не Западная Европа, а США являются «белой вороной» (напр., [12. Р. 157]) Для наших рассуждений это не важно, и мы следуем взгляду Мартина на секуляризацию в Западной Европе.
- (7) Мы исключили Северный Кипр как часть Турции.
- (8) Мы исключили Грецию (1999), поскольку лишь один из четырех индикаторов, касающихся экономических ценностей, тогда использовался.
- (9) См.: URL: <https://manifestoproject.wzb.eu>.
- (10) Скромный показатель коэффициента альфы Кронбаха отчасти связан с тем фактом, что лишь три индикатора были измерены. Однако увеличение этого измерения за счет других индикаторов социалистических ценностей, доступных в наборе данных EVS, не повышает существенно надежность и не влияет на исход многоуровневого анализа, проделанного нами. Фактически он уменьшает число действительных респондентов, поскольку некоторые из вопросов, которые были бы включены, содержат значительное число пропущенных значений, т.к. они не задавались на постоянной основе во всех странах и/или в каждой волне исследования. По этой причине мы работали с этим измерением и изменением электорального поведения.
- (11) Хотя существует множество различий между двумя деноминациями, в литературе их рассматривают как культурные аналоги, создающие коллективные национальные идентичности. Это приводит нас к тому, чтобы рассматривать их как одну переменную в данной операционализации.
- (12) Мы также проверяли на уровень дохода. Включение этой переменной не повлияло существенно на наши результаты. Однако это переменная с множеством пропущенных значений (23%); по этой причине мы не включили ее в нашу модель. Мы также проверили нашу модель при помощи различных волн EVS в качестве фиктивных переменных, что также не повлияло на наши результаты. Ради ясности, мы исключили фиктивные переменные из представленной модели.
- (13) Альтернативный вопрос о полученном уровне образования людей не задавался на постоянной основе во всех странах или в каждой из трех волн исследования.
- (14) Пятая модель лучше отвечает показателю вероятностной шкалы. Объясненная дисперсия по социализму (0.006) имеет стандартную ошибку коэффициента 0.0015 и, таким образом, отражает значимый показатель.
- (15) Эффекты в нашей модели не стандартизированы, но стандартизированная модель дала бы схожий результат более сильного (на 50%) влияния гендера, чем социализма. Так как это согласуется с другими результатами и не имеет прямого отношения к нашим гипотезам, мы далее не касались развития данного различия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Achterberg P., Houtman D., Aupers S., De Koster W., Mascini P., Van der Waal J.* A Christian Cancellation of the Secularist Truce? Waning Christian Religiosity and Waxing Religious Privatization in the West // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2009. 48.
- [2] *Amarasingam A.* ed. *Religion and the New Atheism: A Critical Appraisal*. Leiden: Brill, 2010.
- [3] *Asad T.* *Reflections on Blasphemy and Secular Criticism* / Ed. Hent de Vries. *Religion: Beyond a Concept*. New York: Fordham UP, 2008.
- [4] *Bainbridge W.* *Atheism* // *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*. 2005. 1.
- [5] *Barro R.J., McCleary R.M.* Which Countries have State Religions? // *The Quarterly Journal of Economics*. 2005. 120.
- [6] *De Bas J.* *De muis die even brulde: De Evangelische Volkspartij 1981—1991 (proefschrift)*. Kampen: Kok, 1999.
- [7] *Berger P.* *A Rumor of Angels: Modern Society and the Rediscovery of the Supernatural*. New York: Allen Books, 1970.

- [8] *Berger P.* ed. *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Eerdmans: Grand Rapids, MI, 1999.
- [9] *Berlinerblau J.* *How to be Secular: A Call to Arms for Religious Freedom*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2012.
- [10] *Brown C.* *The Death of Christian Britain*. London: Routledge, 2001.
- [11] *Bruce S.* *God is Dead: Secularization in the West*. Oxford: Blackwell, 2002.
- [12] *Bruce S.* *Secularization: In Defense of an Unfashionable Theory*. New York: Oxford UP, 2011.
- [13] *Bruce S.* *Post-Secularity and Religion in Britain: An Empirical Assessment // Journal of Contemporary Religion*. 2013. 28.
- [14] *Busch E.* *Karl Barth: His Life from Letters and Autobiographical Texts*. Philadelphia: Fortress P., 1976.
- [15] *Calhoun C., Juergensmeyer M., Van Antwerpen J. eds.* *Rethinking Secularism*. Oxford: Oxford UP, 2011.
- [16] *Campbell C.* *Easternization of the West: A Thematic Account of Cultural Change in the Modern Era*. Boulder: Paradigm, 2008.
- [17] *Casanova J.* *The Problem of Religion and the Anxieties of European Secular Democracy*. Eds. Gabriel Motzkin, Yochi Fischer. *Religion and Democracy in Contemporary Europe*. London: Alliance Publishing Trust, 2008.
- [18] *Cort J.C.* *Christian Socialism: An Informal History*. Maryknoll, NY: Orbis, 1988.
- [19] *Dalton R.J.* *Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Western Democracies*. London: Chatham House, 1996.
- [20] *Froese P.* *Forced Secularization in Soviet Russia: Why an Atheistic Monopoly Failed // Journal for the Scientific Study of Religion*. 2004. 43.
- [21] *Geoghegan V.* *Religion and Communism: Feuerbach, Marx and Bloch // The European Legacy*. 2004. 9.
- [22] *Gill A.* *Rendering unto Caesar: The Catholic Church and the State in Latin America*. Chicago, IL: Chicago UP, 1998.
- [23] *Greeley A.* *Religion in Europe at the End of the Second Millennium*. New Brunswick, NJ: Transaction, 2003.
- [24] *Hecht J.M.* *French Scientific Materialism and the Liturgy of Death: The Invention of a Secular Version of Catholic Last Rites (1876–1914) // French Historical Studies*. 1997. 20.
- [25] *Houtman D., Achterberg P., Derks A.* *Farewell to the Leftist Working Class*. New Brunswick, NJ: Transaction, 2012.
- [26] *Knutsen O.* *Religious Denomination and Party Choice in Western Europe: A Comparative Longitudinal Study from Eight Countries, 1970—97 // International Political Science Review*. 2004. 25.
- [27] *Lee L.* *Research Note: Talking about a Revolution: Terminology for the New Field of Non-religion Studies // Journal of Contemporary Religion*. 2012. 27.
- [28] *Maas C., Hox J.* *Sufficient Sample Sizes for Multilevel Modeling // Methodology*. 2005.
- [29] *Martin D.* *A General Theory of Secularization*. Oxford: Blackwell, 1978.
- [30] *Martin D.* *On Secularization: Towards a Revised General Theory*. Aldershot: Ashgate, 2005.
- [31] *Martin D.* *What I Really Said about Secularization // Dialog*. 2007. 46.
- [32] *Martin D.* *Nationalism and Religion: Collective Identity and Choice. The 1989 Revolutions, Evangelical Revolution in the Global South, Revolution in the Arab World // Nations and Nationalism*. 2014. 20.
- [33] *Marx K.* *Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. Vol. 3*. London: Lawrence & Wishart, 1975.
- [34] *McLeod H.* *Religion and the People of Western Europe 1789–1989*. Oxford: Oxford UP, 1997.
- [35] *Martin D.* *Protestantism and the Working Class in Imperial Germany // European History Quarterly*. 1982. 12.
- [36] *Noomen I., Houtman D., Aupers S.* *In their own Image? Catholic, Protestant and Holistic Spiritual Appropriations of the Internet // Information, Communication and Society*. 2011. 14.

- [37] *Norris P., Inglehart R.* Sacred and Secular: Reexamining the Secularization Thesis. New York: Cambridge UP, 2004.
- [38] *Ribberink E., Achterberg P., Houtman D.* Deprivatization of Disbelief: Non-Religiosity and Anti-religiosity in 14 Western European Countries // *Politics and Religion*. 2013. 6.
- [39] *Egbert R., Houtman D.* Te ongelovig om atheïst te zijn: Over de Deprivatisering van Ongeloof (Too Much of a Disbeliever to be an Atheist': On the Deprivatization of Disbelief) // *Religie & Samenleving*. 2010. 5.
- [40] *Sherkat D.E.* Beyond Belief: Atheism, Agnosticism, and Theistic Certainty in the United States // *Sociological Spectrum*. 2008. 28.
- [41] *Stenger M.A., Stone R.H.* Dialogues of Paul Tillich. Macon, GA: Mercer UP, 2002.
- [42] *Taylor Ch.* A Secular Age. Harvard: Harvard UP, 2007.
- [43] *Taylor Ch.* The Future of the Religious Past / Ed. Hent de Vries. Religion: Beyond a Concept. New York, NY: Fordham UP, 2008.
- [44] *Van Rooden P.* Oral history en het vreemde sterven van het Nederlandse christendom (Oral History and the Strange Demise of Dutch Christianity) // *Bijdragen en Mededelingen betreffende de Geschiedenis der Nederlanden*. 2004. 119.
- [45] *Visser H.* Leven zonder God: elf interviews over ongelooft (Life without God: Eleven Interviews on Disbelief). Amsterdam: L.J. Veen, 2003.
- [46] *Waller M., Fennema M.* eds. Communist Parties in Western Europa: Decline or Adaptation. Oxford: Blackwell. 1988.
- [47] *Williamson D., Yancey G.* There is no God: Atheists in America. Lanham: Rowman and Littlefield, 2013.

ARE ALL SOCIALISTS ANTI-RELIGIOUS? ANTI-RELIGIOSITY AND THE SOCIALIST LEFT IN 21 WESTERN EUROPEAN COUNTRIES (1990—2008)

Ribberink¹ E., Achterberg² P., Houtman¹ D.

¹University of Leuven
Parkstraat 45, box 3601, 3000 Leuven, Belgium

Tilburg University
²*90153, 5000 LE, Tilburg, The Netherlands*

The political situation in the Soviet Union during the twentieth century has led some to suggest that socialism is some kind of secular religion as opposed to 'normal' religion. In modern Europe, however, there have been vibrant Christian socialist movements. This article looks into the different attitudes of socialists towards religion and answers the question whether it is pressure of religious activity or pressure of religious identity that makes socialists resist religion. The results from a multi-level analysis of three waves of the European Values Study (1990—2008) in 21 Western European countries specifically point to an increase in anti-religiosity by socialists in countries marked by Catholic and Orthodox religious identities.

Key words: socialism, religion, Europe, identity

@ Э. Рибберинк, П. Ахтерберг, Д. Хаутман

МАКСИМАЛИСТСКИЙ И МИНИМАЛИСТСКИЙ ПОДХОД К ИСЛАМУ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ИРАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Ю.И. Ильина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11-1, Москва, Россия, 125009

В данной статье автор рассматривает эволюцию иранской религиозно-политической мысли второй половины XX-го столетия. Автор использует философские термины «максимализм» и «минимализм» для описания двух основных направлений в иранском политическом исламе.

Ключевые слова: ислам, исламское правление, исламская революция, максимализм, минимализм, религия, религиозная философия, шиизм

Как известно, термины «максимализм» и «минимализм» по отношению к роли религии в общественной жизни впервые появились в среде европейских философов в XVIII—XIX вв. В дальнейшем они шаг за шагом начали применяться и в отношении незападных обществ, став частью их местной религиозно-политической терминологии. Поэтому, учитывая специфику восточных общественных структур, следует соблюдать определенную условность при использовании данных терминов, так как некоторые концепции, сформированные на Западе, сложно однозначно и в целом причислять к той или иной местной конкретной политической или идеологической группе [7. С. 229—230].

В XX-м столетии дискуссии о месте религии в иранском обществе и культуре проходили на фоне реформ, проводившихся шахской династией Пехлеви по модернизации страны. Последние, в свою очередь, сопровождались активной вестернизацией иранского общества, особенно интеллигенции. Эти реформы несколько преобразили облик иранского городского населения, внедрив ряд важных европейских атрибутов в общественную жизнь страны. Однако политика европеизации практически не затронула сельское население, которое было настроено консервативно к правительственным новшествам, а также шиитское духовенство и часть интеллигенции, активно выступавших против модернистской политики шаха. Ввиду того, что подавляющее большинство населения Ирана составляли мусульмане-шииты (93%), то дискуссии о месте ислама в обществе были весьма принципиальными и актуальными как для сторонников шаха, так и для его противников. Кроме научного и религиозного аспектов, их противоборство всегда имело и политическое измерение.

Исламская революция 1979 г. стала, по сути, торжеством религиозных максималистов, которые установили «исламское» государственное правление согласно с принципами Корана и Сунны, а также в интерпретации Р. Хомейни и его сторонников.

В настоящее время максималисты продолжают держать под своим контролем государственный аппарат Исламской республики, а минималисты находятся на полуправильном положении, так как публичное отрицание ими принципа «веляят-е-факих» и критика духовного лидера нации (рахбара) квалифицируются даже как уголовное преступление [8. Art. 498—500, 514, 640, 698].

К минималистам относится значительная часть ультраконсервативного шиитского духовенства, а также представители т.н. «либерального» ислама.

Согласно традиционному шиитскому подходу полномочия по установлению в обществе справедливости и морали принадлежат исключительно сокрытому имаму Махди (двенадцатому из праведных имамов). Вплоть до его пришествия деятельность людей должна быть сконцентрирована на собственном духовном самосовершенствовании. В масштабах страны минималисты выступали за создание религиозной демократии или даже конституционной монархии (1).

Среди сторонников религиозного минимализма можно упомянуть: Абдулкарима Суруша, Мехди Базаргана (1907—1995), аятоллу Сейида Махмуда Талегани (1910—1979), Мохаммада Казема Шариятмадари (1905—1986).

Минималисты считают, что религия ниспослана, чтобы наставить человека на истинный путь и добиться лучшей доли в загробном мире. Однако в мирской жизни успех человека связан не столько с религией, сколько с прагматизмом.

Среди минималистов Исламской революции 1979 г. важную роль сыграл М. Базарган, который был представителем религиозной иранской интеллигенции. На начальном этапе Исламской Республики Иран он занимал пост премьер-министра, но пробыл на этой должности непродолжительное время из-за оппозиции политике имама Хомейни [11].

М. Базарган утверждал, что основным компонентом религиозного знания является тема пророчества загробной жизни, поскольку постижение знания человеком ограничено материальным миром и ведать тем, что происходит после смерти, можно только исходя из откровения. Ежедневные же земные потребности людей далеки от темы Бога, пророчества, поскольку область их жизнедеятельности — это область их опыта, интеллекта. Целями Бога и Пророков М. Базарган считал следующие: 1) борьба с человеческим эгоизмом путем его устремления к Всевышнему; 2) загробный мир более важен, чем жизнь в этом мире, поскольку пребывание там вечное, а здесь — временное [1. С. 23—111].

А. Суруш также является представителем интеллигенции. Он, как и М. Базарган, активно участвовал в Исламской революции, а после ее победы был назначен членом Комитета культурной революции Ирана. Из-за своих взглядов он подвергался жесткой критике как со стороны оппозиции, так и радикальных фундаменталистов из окружения аятоллы Р. Хомейни.

А. Суруш утверждает, что место религии в жизни — минимально, не является первичным, а скорее дополняющим. Это значит, что Бог даровал религию человечеству не для преобразования данного мира, а скорее для познания и подготовки к жизни вечной в будущем.

По его мнению, если бы человек не попадал после смерти в потусторонний мир, то у человека не было бы и нужды в существовании религии. Если религия

и дает наставления относительно этой жизни, то не в качестве приказа, а скорее увещевания, совета, которые помогают спасти человека от неизбежного наказания в будущей жизни. Если бы религия властвовала надо всеми жизненными процессами, то все проблемы в этом мире можно было бы решить с ее помощью.

По мнению А. Суруша, религия не может раз и навсегда установить правила поведения людей, так как только их разум способен выбирать наиболее правильное решение с учетом реалий земной жизни [15. Р. 6].

Аятолла С.М. Талегани тоже выступал активным участником Исламской революции 1979 г. По вопросу о роли ислама в политике и культуре он придерживался традиционной для шиитского духовенства позиции о том, что по-настоящему «исламское» государство может быть создано только после пришествия Имама Махди.

После утверждения конституции Исламской республики Талегани открыто встал в оппозицию к Хомейни, защищая силы, отстаивавшие свое право на ведение самостоятельной политической деятельности и открытое выражение собственной позиции. В своих выступлениях он утверждал, что желает «защитить свободу и независимость Ирана и не дать шанса на восстановление диктатуры», а также что «правительство не должно назначаться насильно, как это было ранее» (имелся ввиду шахский режим) [5. Р. 77; 16. Р. 3].

Следующим по влиятельности богословом-минималистом считался М.К. Шариатмадари. До революции 1979-го г. он был сторонником восстановления в Иране конституционной монархии по модели, закрепленной в Конституции 1906 г. После революции его точка зрения о роли ислама в обществе была аналогична взглядам С.М. Талегани. Ислам, по его мнению, должен наставлять людей на правильный путь, но не принуждать насильственно следовать ему. По мнению Шариатмадари, любое демократическое правительство, которое позволяет людям успешно решать их насущные нужды, соответствует нормам ислама.

Стоит отметить, что Шариатмадари выступал принципиальным противником любого политического насилия и, в частности, не поддержал захват американского посольства в Тегеране в ноябре 1979 г. [6. Р. 154, 194—202].

Максималисты, в отличие от минималистов, считают, что Божественное Откровение лежит в основе всех знаний о земной и загробной жизни и, что оно содержит принципы построения гармоничного и справедливого общества и государства. Среди наиболее известных представителей этого направления представляется целесообразным упомянуть Сейида Рухоллу Мусави Хомейни (1902—1989), аятоллу Мухаммада Хусейни Бехешти (1929—1981), великого аятоллу Мухаммада аль-Хосейни аш-Ширази (1928—2001), Али Шариати (1933—1977).

Философ и социолог Али Шариати стремился стоять за радикальное обновление социальной и политической программы ислама. Основными политическими тезисами А. Шариати были свержение тирании и установление социальной справедливости. Он считал, что в период отсутствия Сокрытого имама его миссия падает на самих людей [14]. Народ может избрать руководящую группу, чтобы вести их, и они могут также избирать из своего состава кого-то вместо имама.

Ответственность за руководство обществом лежит на тех, кто родом из народа и избираются народными массами. Формирование общественной власти строится на принципах изучения, назначения, избрания и согласия. Причем руководящими лидерами ему видятся не муджахиды или улемы, а общественные деятели, интеллектуальная элита [14].

Важное место в религиозно-политической концепции А. Шариати уделялось правам женщины. В своей работе «Ожидания от мусульманской женщины» он призывает мусульман отделить религию от обычая и обратиться к примерам женщин эпохи Пророка Мухаммада и первых халифов, таких, как Фатима и Зейнаб.

«Лицо Фатимы, — писал он, — это лицо женщины, которая жила, говорила, участвовала в религиозной жизни, в обучении своих детей, в общественной жизни..., и которая должна восприниматься как лучшая и наиболее эффективная модель для будущих поколений» [13].

Для А. Шариати «восстановление» справедливого положения женщины в обществе — важная часть борьбы за социальную справедливость, и без решения этого вопроса, по его мнению, ислам рискует проиграть борьбу за умы иранской молодежи: «Если религиозная община не может отличить религию от традиции, вы полагаете, что молодые интеллектуалы, желающие низвергнуть древние обычаи, будут это делать?».

Особо чувствительным для А. Шариати был вопрос восстановления социальной справедливости, который являлся краеугольным камнем его взглядов. В статье «Размышления обеспокоенного мусульманина о долге угнетенных» он писал, что «сидя на могилах (он имел ввиду рабов, умерших при строительстве египетских пирамид — прим. Ю.И.), я почувствовал себя очень близким к этим людям... Я не испытывал ничего, кроме теплых чувств по отношению к этим угнетенным душам... Я почувствовал ненависть к великим памятникам человеческой цивилизации, возведенных на костях моих предков», а также «ненависть к тысячелетнему угнетению моих предков...».

Политические взгляды А. Шариати были близки к социалистам. Так, в статье «Свободный человек и свобода человека» он писал, что «благородство связано со знаниями и интеллектом, а не с расовым превосходством». Далее он указывал, что Бог сотворил человека «как друга, партнера... Господь обучил человека (имел ввиду имена вещей — прим. Ю.И.) и ангелы преклонились перед ним».

Таким образом, человек в исламе, согласно А. Шариати, не является простым инструментом божественной воли, но нуждается в религии, которая должна помочь ему удержаться от чрезмерной аскезы или, наоборот, от увлечения мирскими благами [12].

Далеко не все даже считавшиеся «прогрессивными» представители духовенства и религиозной иранской интеллигенции соглашались с его идеями, в особенности в части устройства государственного и общественного порядка. В связи с принципиальными разногласиями по данным вопросам взгляды А. Шариати были подвергнуты критике со стороны М. Мотахари и М. Бозаргана.

Основным аргументом критиков было использование А. Шариати «иностранных идей под флагом ислама».

Конфликт сторонников «исламской республики», возглавляемых Р. Хомейни, с «исламскими социалистами», представленных «Моджахедами иранского народа» (Муджахеддин-е-хальк-е-Иран), уже после смерти А. Шариати в 1977 г. привел к кровопролитной борьбе за власть, в ходе которой погибло немало видных представителей обеих враждующих лагерей.

Позиция аятоллы Р.М. Хомейни относительно роли ислама в общественной жизни, культуре и политике достаточно последовательно изложена в его лекциях «Исламское правление». Для него ислам не может полноценно исповедоваться без «исламского правления», так как оно является частью веры. Так как Пророк Мухаммад и имамы в свое время обладали и духовной, и светской властью, то и сегодня лидер исламской общины должен обладать аналогичными полномочиями, действуя согласно Корану и Сунне Пророка и Имамов. Все необходимые знания для построения справедливого общества также содержатся в этих источниках [4. С. 18—22, 94].

Принцип «веляята», который является одним столпов веры в шиизме, может быть реализован не только обычными безгрешными имамами, но и богословами (факихами). Таким образом, власть избранного «Богослова-наместника» (Вали факиха) для Р. Хомейни являлся столь же священной, что и власть безгрешных имамов.

Концепция «исламского правления» после Исламской революции 1979 г. стала государственной идеологией. Однако далеко не все авторитетные богословы восприняли идеи Р. Хомейни положительно. В частности, активную оппозицию его политике заняли аятола С.М. Талегани и М.К. Шариатмадари. Одной из основных причин их несогласия с Р. Хомейни являлось наделение духовного лидера Ирана (рахбара) огромными властными полномочиями, что было воспринято ими как попытка возрождения диктатуры.

В работе «Хукумат-е-ислами» концепция «вилаята» изложена очень общо, без конкретной концепции построения государственного механизма «исламского» государства. Поэтому среди ближайших сторонников Р. Хомейни существовало и продолжает существовать два диаметрально противоположных подхода к концепции «вилаят-е-факих».

Так, «консерваторы» во главе с аятоллой Джаннати и аятоллой Месбахом Язди придерживаются позиции, что власть «вали-факиха», как и власть «Пречистых Имамов», которых он замещает, должна быть абсолютной, и Шура (совет), состоящий только из улемов, обладает лишь консультативными полномочиями.

Аятолла А. Хашеми-Рафсанджани, бывший Президент Ирана М. Хатами, а также нынешний президент Х. Роухани относятся к так называемым «реформаторам» (Ислах талабан), или «умеренным». Реформаторы являются сторонниками республиканской формы правления и совершенствования демократических механизмов управления страной. Р. Хомейни поддержал сторонников «Исламской республики», и именно эта форма правления была закреплена в послереволюционной конституции Ирана.

Концепция «вилаят-е-факих» задумывалась Р. Хомейни не только как модель построения исламского правления в отдельно взятом государстве, но и как проект

воссоздания единой исламской уммы. Для достижения этой цели он предполагал использовать как идеологические, так и политические рычаги. Так, в начале 1980-х гг. иранское правительство приступило к созданию сети организаций, основной задачей которых являлся бы «экспорт» Исламской революции в другие страны, в особенности в те, где имелись значительные по численности шиитские общины. Значительную помощь в этой связи, оказало иракское духовенство.

Некоторые авторитетные представители иракского шиитского духовенства, имевшие иранские корни, также обладали своими взглядами на концепцию «вилаят-е-факих». Среди них был и аятолла Мохаммад аш-Ширази. Из интервью аятоллы аш-Ширази стало известно, что его отец имел иранское подданство и до конца своей жизни не отказывался от него. Его родственники в большинстве своем живут в настоящее время в Иране, хотя и называют Кербелу своей родиной (ватан) [4].

Мохаммад аш-Ширази подверг иранское правительство жесткой критике, указав на «диктаторские замашки» Хомейни. Последователи Ширази с тех выработали свою модель исламского правления [9].

В частности, аш-Ширази выступил против концепции единоличного наместника «Пречистых Имамов» на Земле, «вали-факиха», и считал, что в качестве духовного лидера мусульман должен выступать совет ученых (вилаят уль-фукаха), включающий представителей различных религиозно-правовых школ ислама — мазхабов. С другой стороны, аш-Ширази крайне негативно относился к концепции национального государства и считал ее греховным новшеством (бид'а), создающим препятствия для объединения исламской уммы. Проживая в Ираке, он демонстративно не имел паспорта и не приобретал никаких разрешений на проживание [10. Р. 100—101].

Отчасти по причине своей утопичности, отчасти по причине противоречия политическим амбициям Р. Хомейни модель аш-Ширази не была реализована ни в Иране, ни в других государствах. Причем его сторонники начиная с 1982 г. начали подвергаться гонениям, а многие из них были арестованы.

Аятолла Бехешти являлся ближайшим соратником Р. Хомейни в политической борьбе. После провозглашения Исламской республики ему прочили место преемника Р. Хомейни на посту духовного лидера (рахбара). Взгляды Бехешти на место ислама были во многом идентичны взглядам Хомейни. Он считал, что если большинство населения страны проголосует за исламскую республику, то установление исламского правления в стране будет справедливым. Ведущую роль в руководстве государства он, вслед за Хомейни, отдавал богословам (факихам). Однако он настаивал на том, что нравственность и религиозность важнее компетентности, что было критически воспринято представителями религиозной интеллигенции, в частности М. Базарганом.

Ряд богословов заняли среднюю позицию между максимализмом и минимализмом. Наиболее выдающимися из них были аятоллы Мухаммад Хусейн Табатабаи (1903—1981) и Муртаза Мотаххари (1919—1979).

В многотомном комментарии к Корану «Аль-Мизан», получившему широкую международную известность, М.Х. Табатабаи писал, что «Коран — Книга настав-

лений для народа». Так, аят (6:59) гласит: «У Него ключи к Сокровенному, и знает о них только Он. Ему известно то, что на суше и в море. Даже лист падает только с Его ведома. Нет ни зернышка во мраке толщи земли, ни чего-либо свежего или сухого, чего-бы не было в ясном Писании» (2). Это означает всего лишь наставление, связанное со знанием о загробном мире, нравственности, означает метафорические и исторические наставления, т.е. то, в чем реально нуждаются люди. Таким образом, М.Х. Табатабаи подвергал критике тезис максималистов о том, что священные тексты являются источником любого знания [3].

В то же время он критиковал и позиции минималистов. Сфера влияния религии на жизнь общества, по Табатабаи, зависит от конкретных исторических обстоятельств, культурных особенностей и т.д., которые должны учитываться при толковании священных текстов.

М. Моттахари писал книги и выступал с лекциями по самым актуальным и дискуссионным вопросам. Его работы посвящены истории распространения ислама в Иране и его особенностям, роли женщины в исламе, основам исламского вероучения, роли образования и т.д.

Одной из главных идей, присутствующих в его произведениях, является идея свободы воли и убеждений. Его преподавательская деятельность осуществлялась в медресе «Хосейние эршад» в Тегеране, где в то же время преподавали А. Шариа-ти, а также будущий политик, кандидат в президенты Мир Хосейн Мусави и его супруга З. Рахнавард. Благодаря этим лекциям Моттархари стал пользоваться популярностью среди молодежи.

С точки зрения Мутаххари, нормы религиозной этики также не должны регулировать все аспекты жизни людей. Достоинство ислама, по его мнению, в том, что в большинстве случаев люди свободны в своем выборе. Причем религиозных обязанностей в отношении жизни в этом мире они не несут.

Он также считал, что муджтахиды при толковании норм религиозной этики и права обязаны учитывать конкретные исторические и культурные обстоятельства, без чего невозможно вынесение верного и справедливого решения. Исходя из этого богослов, в соответствии с требованиями современности, получает новые инструменты для интерпретации Корана и Сунны [2. С. 28—35].

Моттахари с осторожностью относился к идеям интеграции западных политико-философских доктрин с исламским вероучением. В первую очередь это касалось марксизма, пользовавшегося популярностью в студенческой среде. Достаточно острая критика движений, построенных на идеологии, сочетавшей социализм и ислам, возможно, и послужила причиной его гибели в ходе покушения, совершенного сторонниками радикальной группы «Фуркан».

Дискуссии между минималистами и максималистами не потеряли своей актуальности и сегодня, проявляясь в противостоянии политических групп «консерваторов» (усуль-гараян) и «реформаторов» (ислах-талабан).

Эпоха правления президента Ахмадинежада отличалась ярко выраженным доминированием консервативных сил, зачастую насаждавших свою точку зрения при помощи полицейских методов. Сменивший Ахмадинежада на посту Прези-

дента Исламской республики Иран Хасан Роухани считается реформатором в области прав человека и внешней политики. Однако и при нем позиции консерваторов в руководстве страны и среди духовенства остались весьма сильными. В целом, его политика пока положительно воспринимается значительной частью иранского населения (3).

Он активно участвовал в Исламской революции 1979 г. и был назначен на должность премьер-министра, но пробыл на этой должности непродолжительное время из-за оппозиции политике имама Хомейни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) А. Суруш оперирует понятием «Религиозная демократия», М. Базарган выступал за «Исламскую демократическую республику, М.К. Шариатмадари и С.М. Талегани считали, что «исламской» может быть по сути любая форма правления, при которой народ может свободно реализовывать свои политические права.
- (2) Текст Корана дается в переводе Э. Кулиева.
- (3) Принадлежность тех или иных политических деятелей к реформаторам и консерваторам условна, так как тот же Роухани в начале 1980-х критиковал политику М. Базаргана с консервативных позиций. Эта оценка касается и А. Рафсанджани.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Базарган М.* Маджмуат-е асар-е мухандис Махди Базарган. Тегеран, 1979—1982. Т. 1. URL: http://www.bazargan.info/la_persian/entesharat.htm.
- [2] *Мотаххари М.* Эслам ва моктазият-е заман. Тегеран, 1994.
- [3] *Табатабаи М.Х.* Тафсир Аль-Мизан. Бейрут, 1954. URL: <http://www.holyquran.net/cgi-bin/almizan.pl>.
- [4] *Хомейни П.М.* Велаят-е-факих. Тегеран, 1980. URL: http://www.iranchamber.com/history/rkhomeini/books/velayat_faqaeh.pdf.
- [5] *Beeman W.O.* The Great Satan Vs. the Mad Mullahs: How the United States and Iran Demonize each other. Chicago, 2005.
- [6] *Fischer M.* Iran: From Religious Dispute to Revolution. Wisconsin, 2003.
- [7] *Hughes A.* Muslim Identities: An Introduction to Islam. New York, 2013.
- [8] Islamic penal code. 1996. Book five. URL: <http://iranhrdc.org/english/human-rights-documents/iranian-codes/1000000351-islamic-penal-code-of-the-islamic-republic-of-iran-book-five.html>.
- [9] *Louer L.* The Limits of Iranian Influence among Gulf Shi'a. 15 may 2015. URL: <https://www.ctc.usma.edu/posts/the-limits-of-iranian-influence-among-gulf-shia>.
- [10] *Louer L.* Transnational Shia Politics. Religious and Political Networks in the Gulf. London, 2008.
- [11] *Mojtaba M.* Islamic Forces of the Iranian Revolution: A Critique of Cultural Essentialism // Iran Analysis Quarterly. 2004. Vol. 2. № 2.
- [12] *Shariati A.* The Free Man and Freedom of the Man. URL: <http://www.shariati.com/english/human.html>.
- [13] *Shariati A.* Expectation from Muslim woman. URL: <http://www.shariati.com/english/woman/woman2.html>.
- [14] *Shariati A.* Selection or Election, Red Shieism vs. Black Shieism. <http://www.shariati.com/kotob.html>.
- [15] *Sorouh A.* Reason, Freedom and Democracy in Islam: Essential Writings of Sorouh A. New York, 2000.
- [16] *Yossef I.M.* Taleghani: Ayatollah and “fixer” of Iran’s new Order. The Dispatch. N.C. Lexington, 20.04.1979.

MAXIMALIST AND MINIMALIST APPROACH TO ISLAM IN IRANIAN RELIGIOUS-POLITICAL THOUGHT OF SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Yu.I. Ilyina

Lomonosov Moscow State University
Mohovaya str., 11/1, Moscow, Russia, 125009

This article focuses on evolution of Iranian religious political thought of the second half of the 20th century. The author uses philosophic notions of “minimalist” and “maximalist” approach to the role of religion in social and political processes with the aim to classify different ideological conceptions that were born at that time and exist nowadays.

Key words: Islam, Islamic rule, Islamic revolution, maximalism, minimalism, religion, religious philosophy, Shia Islam

REFERENCES

- [1] Bazargan M. *Madzhmuat-e asar-e muhandis Mahdi Bazargan*. Tegeran, 1979—1982. T. 1. URL: http://www.bazargan.info/la_persian/entesharat.htm.
- [2] Motahhari M. *Jeslam va moktazijat-e zaman*. Tegeran, 1994.
- [3] Tabatabai M.H. *Tafsir Al'-Mizan*. Bejrut, 1954. URL: <http://www.holyquran.net/cgi-bin/almizan.pl>.
- [4] Homejni R.M. *Velajat-e-fakih*. Tegeran, 1980. URL: http://www.iranchamber.com/history/rkhomeini/books/velayat_faqaeh.pdf.
- [5] Beeman W.O. *The Great Satan Vs. the Mad Mullahs: How the United States and Iran Demonize each other*. Chicago, 2005.
- [6] Fischer M. *Iran: From Religious Dispute to Revolution*. Wisconsin, 2003.
- [7] Hughes A. *Muslim Identities: An Introduction to Islam*. New York, 2013.
- [8] Islamic penal code. 1996. Book five. URL: <http://iranhrdc.org/english/human-rights-documents/iranian-codes/100000351-islamic-penal-code-of-the-islamic-republic-of-iran-book-five.html>.
- [9] Louer L. *The Limits of Iranian Influence among Gulf Shi'a*. 15 may 2015. URL: <https://www.ctc.usma.edu/posts/the-limits-of-iranian-influence-among-gulf-shia>.
- [10] Louer L. *Transnational Shia Politics. Religious and Political Networks in the Gulf*. London, 2008.
- [11] Mojtaba M. *Islamic Forces of the Iranian Revolution: A Critique of Cultural Essentialism*. *Iran Analysis Quarterly*. 2004. Vol. 2. № 2.
- [12] Shariati A. *The Free Man and Freedom of the Man*. URL: <http://www.shariati.com/english/human.html>.
- [13] Shariati A. *Expectation from Muslim woman*. URL: <http://www.shariati.com/english/woman/woman2.html>.
- [14] Shariati A. *Selection or Election, Red Shieism vs. Black Shieism*. <http://www.shariati.com/kotob.html>.
- [15] Soroush A. *Reason, Freedom and Democracy in Islam: Essential Writings of Soroush A*. New York, 2000.
- [16] Yossef I.M. *Taleghani: Ayatollah and “fixer” of Iran’s new Order*. *The Dispatch*. N.C. Lexington, 20.04.1979.

@ Ю.И. Ильина

РЕЛИГИЯ КАК ОСНОВНОЙ КАНАЛ ПРОЕЦИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ВЛАСТИ НА ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В США В ПЕРИОД ВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

О.А. Фролова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается взаимосвязь политических и религиозных интересов США в период текущей президентской кампании. В частности, автор рассматривает такие аспекты, как ментальность и культура американского общества. В материале представлены религиозные предпочтения населения США, основанные на последних социологических исследованиях. В статье автор приходит к выводу, что приверженность американского общества к массовому спросу потребления товаров и услуг — неотъемлемая часть менталитета и культуры, в том числе и религиозной. Данная характеристика общества легла в основу «рыночного характера» духовности, к которой зачастую апеллируют кандидаты в президенты.

Ключевые слова: США, выборы президента США, культура США, религия США, выборы и вопросы религии, политика и религия в США

Ввиду очень высокой степени религиозности населения США вопросы духовности и вероисповедания всегда занимали значимую нишу в жизни американского общества, согласно данным международных опросов в Соединенных Штатах процент религиозного населения значительно выше, чем в развитых странах Европы [13].

Взаимосвязь политики и религии в США — устойчивая характеристика американского общества, которая сформировывалась исторически. В конце XIX в. Алексис де Токвиль писал о ней следующим образом: «...религию, которая в Соединенных Штатах никогда не вмешивалась непосредственно в управление обществом, следует считать первым политическим институтом этой страны. Я не могу сказать, все ли американцы действительно веруют, но я убежден, что, по их мнению, религия необходима для укрепления республиканских институтов. И это мнение принадлежит не какому-либо одному классу или партии, его придерживаются все слои населения» [7. С. 223—224]. Роль религиозного фактора в политической жизни США очень важна для американского общества, так как религия традиционно занимает центральную роль в политической культуре США.

Приверженность американского общества к массовому спросу потребления товаров и услуг — неотъемлемая часть менталитета и культуры, в том числе и религиозной. Данная характеристика общества легла в основу «рыночного характера» духовности, которая стала предметом массового спроса — целой индустрии, обслуживающей потребности людей к духовной адаптации. Массовые продукты культурной индустрии, понятные каждому, приучают к пассивному восприятию информации, благодаря чему идеология культуры потребления позволяет оказывать серьезное воздействие на стереотипы поведения индивида [5. С. 69].

Рассматривая религиозные предпочтения населения США, необходимо обозначить роль общественных объединений религиозной направленности, сформировавших так называемую «приходскую» культуру в обществе. Принадлежность к той или иной религиозной организации выступает «показателем» определенного статуса человека в обществе. Исторически сложилась традиция, когда в обществе (данное утверждение в большей степени относится к представителям среднего класса) принято быть прихожанином церкви и ассоциировать себя (и свою семью) с определенной религией, церковью и приходом.

Данная особенность объясняется специфической ролью религиозных объединений, так как, например, в отличие от приходов других стран, в США подобного рода организации являются не только «духовными» центрами, они также выполняют коммуникационную функцию, где население собирается для решения самых разных вопросов. В журнале «Смена», опубликованного в 1948 г., довольно точно, хотя и в несколько утрированной форме передана суть специфики религиозных объединений: *«На вас будут смотреть, как на пропащего человека, если вы не будете посещать по воскресеньям церковь. Но вы глубоко ошибетесь, если подумаете, что американцы ходят в церковь молиться. В американской церкви не тратят время попусту: здесь на ходу заключают сделки, смотрят кино, танцуют, а что касается вымаливания прощения у всевышнего, на то есть священнослужители; они замолят все грехи, было бы им уплачено. Это церковный бизнес»* [2. С. 16].

В контексте проецирования интересов представителей религиозных конфессий в политической жизни США общественные настроения отражены в данных, представленных в исследовании 2006 г., согласно которому 51% американцев считают, что все религиозные общины — христианские, мусульманские, иудейские или буддийские — обязаны выражать политические взгляды своих членов [3]. Таким образом, правомерно утверждать, что религиозные организации США обладают не только авторитетом, но и значительным инструментарием по распространению среди населения определенных идеологем, которые могут затрагивать не только ценностные, но политические и даже экономические ориентиры.

С другой стороны, использование религиозной риторики в политике также вошло в американскую традицию, возможно это связано с другой специфической функцией американской религии — «поддержкой» или «оправданием» государственной политики. В данном контексте важно обозначить, что религия и ее институты помимо прочего традиционно являются важнейшим каналом рекрутирования элит в США, в том числе и политических.

Рассмотрение религии через призму политической культуры позволяет осмыслить более глубинно и саму мотивацию политического поведения не только институтов, но и самих граждан, так как религия затрагивает «эмоциональные» и «оценочные» аспекты, которые также важны во всех сферах политической жизни США, в частности вопросах морали и этики при принятии важных решений на властном уровне, а также многих социально-значимых реформ, например, во-

просы легализации однополых браков, запрет использования стволовых клеток, отношение к разрешению аборт и многих других тем, которые становятся камнем преткновения в США.

Сложно найти другую нацию и государство, которое так «эмоционально» реагировало бы на подобного рода вопросы, при этом не только политические элиты втянуты в дискуссию, но и все американское общество. Данный феномен объясняется спецификой менталитета и поляризацией американского общества по ряду вопросов (в том числе морально-этических): историческая религиозность народа сформировала приверженность к традиционным ценностям широких слоев населения, которые как правило относят себя к консервативному или умеренному крылу электората — с одной стороны, а также сторонников прогрессивных взглядов (в данную группу относится молодежь, которая относит себя к атеистам, а также жители мегаполисов) — с другой.

Начиная с конца XX столетия рост взаимовлияния политики и религии возрастал, а уже в конце первого десятилетия XXI в. превратился в один из первостепенных пунктов политической повестки: вопросы морали и этики вошли в повседневную жизнь демократов и республиканцев [8. С. 113—121]. Для республиканской партии религия стала одним из основных инструментов влияния и нахождения поддержки среди американского населения. Эта тенденция стала отчетливо просматриваться начиная с 90-х гг. XX в. [6. С. 47—58]. Наибольшего пика она достигла при администрациях Джорджа Буша-младшего, при которых религиозная повестка стала неотъемлемой частью политической жизни: заседания Кабинета начинались с совместной молитвы, публичные речи президента зачастую включали обращения к Богу, а проблемные пункты мировой политики, в частности терроризм, отождествлялись со злом [4]. Тем не менее Джордж Буш был не первым американским президентом, апеллировавшим к религии в политике, до него этим активно пользовался Ричард Никсон, который не редко использовал теологическую риторику в публичных выступлениях.

В первой половине XXI в., согласно исследованию, опубликованному в журнале SAGE Open в марте 2016 г., отмечается спад религиозности в США до рекордно низких значений, в большей степени данная тенденция актуальна для молодежи (от 25 до 35 лет, так называемого поколения «миллениум»): наблюдается двукратное увеличение тех, кто считает себя атеистами и агностиками. Также в экспертном докладе отмечается тенденция к росту секуляризации Соединенных Штатов [11].

Очевидно, что данные процессы в американском обществе обусловлены глобализацией, интенсивным развитием медиа-технологий, популяризацией и распространением таких общественных движений, как «чайлд фри» и ЛГБТ, — данные факторы в своей совокупности спровоцировали снижение традиционных ценностных ориентиров и обозначили тенденцию разрушения в США института брака как такого, а легализация Верховным Судом США 26 июня 2015 г. однополых браков по всем штатам страны стала своего рода символическим апогеем. В дан-

ной связи также интересно мнение профессора Райана Андерсона, старшего научного сотрудника «Фонда наследия» (неправительственная организация по изучению политических проблем), согласно которому спад религиозности искусственно спровоцирован в интересах политической элиты США [9].

Действительно, демократам, традиционно оппонирующим нравственно-религиозным принципам республиканцев, в преддверии президентских выборов легализация однополых браков по всей стране стала шагом стратегически важным, так как он позволил обеспечить основательную поддержку со стороны бизнес-сообщества (поддерживающего нетрадиционные отношение) для дальнейшего финансирования кампаний кандидатов демократов в период выборной гонки.

Традиционно религиозные аспекты актуализируются в период предвыборных кампаний, и нынешняя гонка не стала исключением. Прежде всего стоит обозначить, что человек, который не придерживается религиозных убеждений, не имеет шансов участвовать в кампании, — об этом факте свидетельствуют данные опросов Pew Research [10]. Лишь 6% опрошенных готовы отдать свой голос за кандидата-атеиста, тогда как более 50% не отдадут свой голос за такового. Религиозная принадлежность кандидата к определенной конфессии и его «моральный облик» всегда являлись важной частью биографии политического деятеля, выдвигающегося на выборную должность национального и штатного уровней. Считается, что наибольшим влиянием в период выборов обладает конфессия протестантов-евангелистов.

В нынешней кампании кандидат от Республиканской партии Дональд Трамп, активно апеллирующий в своей предвыборной платформе к «исламской угрозе», получил поддержку протестантских конфессий на праймериз в Нью-Гемпшире как кандидата, «способного встать на защиту христианского мира» [1].

Институт Гэллага провел исследование, которое сфокусировано на роли религии в президентской кампании 2016 г. Согласно полученным данным среди религиозных групп около 50% белых евангельских протестантов считают Дональда Трампа «хорошим» претендентом на должность президента. Аналогичную степень уверенности выражают евангелисты, которые являются одними из наиболее надежных сторонников республиканцев, насчет Карсона и Круза. Лишь около 15% евангельских избирателей отдали бы свой голос за Берни Сандерса или Хиллари Клинтон. Около 42% считают, что Республиканская партия является дружественной по отношению к религии, в то время как 30% придерживаются мнения, что партия нейтральна, и 21% считают, что партия недружественна к религии [12]. Тематика опроса и полученные данные лишний раз подчеркивают важность религиозного аспекта в политической культуре и электоральном процессе.

Взаимосвязь религии и политики в случае с США предстает как своего рода балансир, который учитывая интересы религиозных групп и политиков, оказывает значительное влияние на общество. Основные американские партии и представители власти строят свое поведение в соответствии с императивами американской политической культуры, где религиозный аспект является преобладающим, учи-

тывая идеологические различия в совокупности с группами интересов, чьи позиции подкреплены общественным мнением.

Несмотря на трансформации, произошедшие в американском истеблишменте и обществе в XXI в., исторически сформировавшаяся роль религиозных объединений в политической культуре сохраняет свое значение. Республиканская партия по-прежнему пользуется большей поддержкой среди религиозного населения США и церковных объединений, сохраняя традицию апеллировать в политической программе к вопросам морали и ценностям, что безусловно обусловлено запросом самого электората. Данная конъюнктура — взаимосвязь политики и религии — без сомнений сохранит свое положение в США, так как являет собой стабильную и достаточно эффективную систему коммуникационных каналов между властью и обществом, а также выполняет столь важную для государства функцию по инкорпорированию среди населения идеологем, которые затрагивают ценностные, политические и экономические ориентиры, что помогает менее болезненно моделировать и претворять в жизнь значимые для общества политические реформы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Галстян А.* Религиозный фактор на выборах в США. 9 марта, 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Religiozniy-faktor-na-vyborakh-v-SShA-18037>.
- [2] *Жуков Ю.* Американские нравы // Смена. Издательство «Правда». № 509. Август 1948.
- [3] *Иванов В.* «Как поделить власть по-христиански» // Независимая Газета. 2007. 4 июля. URL: www.ng.ru/politic/2007-07-04/5_vlast.html.
- [4] *Мировая политика в условиях кризиса. Учебное пособие / Под ред. С.В. Картунова.* М., 2010.
- [5] *Митрохин Л.Н.* Религиозные культы в США. М., 1984.
- [6] *Стецкевич М.С.* Религиозный фактор в современной политической жизни США // Управленческое консультирование. 2010. № 3. С. 47—58.
- [7] *Токвиль А.* «Демократия в Америке». Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. С. 223—224.
- [8] *Фролова О.А.* Влияние поляризации американского общества на характер и интересы политических партий США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2011. № 4. С. 113—121.
- [9] *Anderson R.T.* How Rich Corporate Elites Are Lobbying Lawmakers to Crush Marriage Advocates // The Daily Signal. 2015. July 29. URL: <http://dailysignal.com/2015/07/29/how-rich-corporate-elites-are-lobbying-lawmakers-to-crush-marriage-advocates>.
- [10] *Fingerhut H.* What Voters Want in a President Today, and How Their Views Have Changed // Pew Research Center. February 12, 2016. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/02/12/what-voters-want-in-a-president-today-and-how-their-views-have-changed>.
- [12] *Newport F.* Jerusalem, Jews and the Presidential Candidates. Gallup Institution. March 24, 2016. URL: http://www.gallup.com/opinion/polling-matters/190283/jerusalem-jews-presidential-candidates.aspx?g_source=repUBLICAN%20religion&g_medium=search&g_campaign=tiles.
- [13] *The 2014 U.S. Religious Landscape Study.* Pew Research Center Religion & Public Life. Religions. URL: <http://www.pewforum.org/religious-landscape-study>.

RELIGION AS THE MAIN PROJECTION CHANNEL OF THE POWER INTERESTS ON CIVIL SOCIETY DURING THE ELECTION CAMPAIGN IN THE USA

O.A. Frolova

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Article considers the interrelation of political and religious interests in the USA during the current presidential campaign. In particular, the author considers such aspects as mentality and culture of the American society. In material, the religious preferences of the US population based on the last social researches. The author comes to conclusion that commitment of the American society to mass demand of goods consumption and services — an integral part of mentality and culture including religious. This characteristic of society formed the basis of “market nature” of spirituality to which candidates for president often appeal.

Key words: The USA, the USA election presidential campaign, the US culture, religion in the USA, elections and questions of religion, politician and religion factor in the USA

REFERENCES

- [1] Galstyan A. A religious factor on elections in the USA, on March 9, 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Religioznyi-faktor-na-vyborakh-v-SShA-18037>.
- [2] Zhukov Yu. The American customs. *Change*. Izdatelstvo No. 509 “Truth”, August, 1948.
- [3] Ivanov V. How To Divide The Power Christianly. *The Independent Newspaper*. 2007. July 04. URL: www.ng.ru/politic/2007-07-04/5_vlast.html.
- [4] Worldwide Policy In The Conditions Of Crisis The Education. Moscow, 2010.
- [5] Mitrokhin L.N. Religious Cults in the USA. M., 1984.
- [6] Stetskevich M.S. A Religious Factor In Modern Political Life Of The USA. *Managerial consultation*. 2010. No. 3.
- [7] Tokvil A. Democracy in America. M.: Progress, 1992.
- [8] Frolova O.A. Influence Of Polarization Of The American Society On Character And Interests of Political Parties Of The USA. *RUDN Journal of Political Science*. 2011. No. 4.
- [9] Anderson Ryan T. How Rich Corporate Elites Are Lobbying Lawmakers to Crush Marriage Advocates. *The Daily Signal*. July 29, 2015. URL: <http://dailysignal.com/2015/07/29/how-rich-corporate-elites-are-lobbying-lawmakers-to-crush-marriage-advocates>.
- [10] Fingerhut H. What Voters Want in a President Today, and How their Views Have Changed. *Pew Research Center*. February 12, 2016. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/02/12/what-voters-want-in-a-president-today-and-how-their-views-have-changed>.
- [12] Newport F. Jerusalem, Jews and the Presidential Candidates. Gallup Institution, March 24, 2016. URL: http://www.gallup.com/opinion/polling-matters/190283/jerusalem-jews-presidential-candidates.aspx?g_source=repUBLICan%20religion&g_medium=search&g_campaign=tiles.
- [13] The 2014 U.S. Religious Landscape Study. Pew Research Center Religion & Public Life. Religions. URL: <http://www.pewforum.org/religious-landscape-study>.

@ O.A. Фролова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

«ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ МЯГКАЯ СИЛА» КАК РЕСУРС ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

В.Г. Иванов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье предложено понятие «потенциальной мягкой силы», обозначающее потенциал (реальный или мнимый) мягкосилового влияния политических субъектов, который они не планируют использовать напрямую в ситуации политического противоборства, но стремятся капитализировать для того, чтобы оказать влияние на поведение противоположной стороны. Основными целями «потенциальной мягкой силы» являются сдерживание, деморализация и ограничение пространства выбора поведения других сторон (как противников, так и союзников). Отдельные положения концепции потенциальной силы американского экономиста и математика Т. Шеллинга переносятся на проблематику «мягкой силы» в мировой политике.

Ключевые слова: внешнеполитическое влияние, мягкая сила, потенциальная мягкая сила, рейтинговая сила, теория игр

Эвристически оправданным видится введение в научный оборот понятия «потенциальная мягкая сила», представляющего собой перспективное направление исследования. Данное понятие опосредованно связано с выводами известного американского экономиста, лауреата нобелевской премии Т. Шеллинга. Предложив оригинальную концепцию сдерживания в международных отношениях (1), Т. Шеллинг подробно исследует механизмы «использования потенциальной силы при преследовании национальных целей» [4. С. 21]. Стратегия сдерживания представляет собой, таким образом, умелое *неприменение* силы. Мы полагаем, что данный подход с определенными оговорками возможно экстраполировать и на «мягкую/гибкую силу». Похожее понимание можно найти в поздних работах Дж. Ная, где он расширяет понятие «мягкой силы», различая политическую силу, определяемую как ресурсы, и политическую силу как результат поведения, что предполагает разный инструментарий исследования [3. С. 40].

Ресурсы «потенциальной мягкой силы» используются скорее в качестве инструмента сдерживания (в понимании Т. Шеллинга), «ползучей экспансии», «мягкого господства», «наджа», а не оружием лобового столкновения — пропаганда

все еще оказывается здесь эффективнее. Рейтинговая сила представляется нам именно таким средством. При этом Т. Шеллинг подчеркивает: «В международных отношениях сдерживание столь же уместно между друзьями, как и между потенциальными противниками. Концепция сдерживания требует наличия у сторон конфликта общих интересов или хотя бы “потенциальных общих интересов”» [4. С. 24]. Таким образом, «потенциальная мягкая сила» может также использоваться для того, чтобы добиваться от союзников требуемого поведения.

Стратегия неприменения потенциальной силы, согласно Т. Шеллингу, предполагает аккумуляцию значительного объема ресурсов влияния, а также убеждение противоположной стороны в своем превосходстве и готовности использовать эти ресурсы в случае эскалации противоречий, что, в свою очередь, должно предостеречь оппонента от активных действий или даже парализовать его волю к сопротивлению. В то же время превосходство одной из сторон, наоборот, само по себе может провоцировать напряженность, поскольку, как отмечает Ю.М. Почта, именно в силу своего превосходства одна сторона может угрожать другой [1. С. 90]. Например, глобальные СМИ или популярные межстрановые сравнительные рейтинги способны создавать демотивирующее представление тотального превосходства одной из сторон и безнадежного отставания других.

Важной особенностью потенциальной силы является нежелание субъекта (обычно скрываемое) действительно использовать ее, так как это чревато утратой силового потенциала и возможными значительными издержками, но стремление, тем не менее, максимально капитализировать ресурс данной силы, используя ее не для того, чтобы самим делать ход, а чтобы повлиять на возможный ход противника, ограничивая пространство выбора поведения другой стороны.

Т. Шеллинг уделяет большое внимание приемам и технологиям сдерживания, таким, как угрозы, давление, обязательства («коммитменты»), обещания, шантаж, апелляции к третьей стороне и т.п., в условиях конкуренции государств и ограниченности доступной информации. Например, аккумуляция Западом критической массы своего ресурса влияния на Украине в 2013 г., сопровождающаяся демонстративным выводом на улицы агрессивных толп, должна была подтолкнуть бывшего Президента В. Януковича к отказу от сотрудничества с Москвой и заключению договора об ассоциации с ЕС (чего, как известно, не последовало и пришлось реализовывать силовой сценарий, а руководству западных стран пришлось, отбросив приличия, открыто становиться стороной конфликта и даже лично выходить на Майдан). Или же возможная угроза понижения суверенного рейтинга РФ до мусорного уровня могла сделать позицию России на переговорах с США более гибкой (чего также не произошло).

Как показывает Т. Шеллинг на основе теории игр, для того, чтобы противник принимал на веру угрозы или был более податлив во время торга, оправдано связать себя определенными обязательствами («коммитментами»), однако их нарушение ведет к потере авторитета и, соответственно, потенциальной силы. Этот же принцип относится и к мягкой силе. Сторона может обосновывать жесткость своей позиции на переговорах непоколебимой важностью собственных ценностей и прин-

ципов. Но, демонстрируя непоследовательность, т.е. открыто нарушая свои заявленные принципы в тех случаях, когда это выгодно, она не может больше апеллировать к данному коммитменту для подкрепления своей переговорной позиции. Потенциальные потери в этом случае могут перевешивать выгоды. У Дж. Наю можно найти следующий пример подобной ситуации: «Обращение с заключенными в тюрьмах Абу-Грейб и Гуантанамо бесчеловечным образом, несовместимым с заявляемыми американскими ценностями, привело к восприятию их как лицемерия, которое не удалось исправить демонстрацией картин хорошей жизни мусульман в Америке» [5. Р. 101].

Если обратиться к анализу «рейтинговой силы» (См.: [2]), то для того, чтобы международные рейтинги воспринимали всерьез в других странах, их разработчики тоже должны связать себя обязательствами выставлять свои оценки на основе заявленных принципов, несмотря на возможные сложности. Если в случае конфликта интересов они открыто разрывают данные обязательства, долговременный ресурс потенциальной силы превращается просто в еще один выстрел информационной войны. Он, несомненно, может нанести определенный ущерб оппоненту, но ценой саморазрушения.

Опыт показывает, что часто государства, обладающие громадными ресурсами, оказываются не в состоянии добиться желаемых результатов на мировой арене. В случае неудачного использования накопленных ресурсов влияния (неудачного «поведения», по Дж. Наю) их можно легко потерять. Например, в 2014 г. США решили пойти ва-банк в конфронтации с Россией — и в итоге в значительной степени растратили потенциал своей «мягкой силы» на постсоветском пространстве, а доверие к западным СМИ и экспертократии оказалось подорванным. «Потенциальная мягкая сила» должна применяться лимитировано и осторожно, однако когда соответствующие агентства и организации забывают об этом и сообщают «сбрасывают маски», это ведет к утрате ими своей власти над умами.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) В то же время, мы полагаем, что концепция ядерного сдерживания Т. Шеллинга являлась слишком абстрактной и рискованной и в случае своей последовательной внешнеполитической реализации неизбежно привела бы мир к ядерной войне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Восканян А.Г., Почта Ю.М. Значимость коммуникационных средств Интернета в современной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 3.
- [2] Иванов В.Г. «Charts power» — новый инструмент «мягкой силы» // Вопросы политологии. 2015. № 4.
- [3] Най С.Дж. (младший) Будущее власти. М.: АСТ, 2014.
- [4] Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, Социум, 2014.
- [5] Nye J.Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Science Academy of Political and Social Science. March 2008. URL: <http://www.kamudiplomasisi.org/pdf/PDandsoftpower.pdf>.

“POTENTIAL SOFT POWER” AS A RESOURCE OF POLITICAL INFLUENCE

V.G. Ivanov

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The author introduces the concept of “potential soft power”, indicating the potential (real or imaginary) of “soft power” influence of political actors, which they do not plan to use directly in a situation of political confrontation, but seek to capitalize on in order to influence the behavior of the opponent. The main objectives of “potential soft power” are deterrence, demoralization and reducing of the space of possible behavior of other parties (both opponents and allies). Certain propositions and statements of the concept of potential power of the economist and mathematician T. Schelling are applied to the perspective of “soft power” in world politics.

Key words: political influence, soft power, potential soft power, charts power, game theory

REFERENCES

- [1] Voskanjan A.G., Pochta Ju.M. *Znachimost' kommunikacionnyh sredstv Interneta v sovremennoj politike. RUDN Journal of Political Science.* 2013. № 3.
- [2] Ivanov V.G. «Charts power» — novyj instrument «mjagkoj sily». *Voprosy politologii.* 2015. № 4.
- [3] Naj S.Dzh. (mladshij) *Budushhee vlasti.* M.: AST, 2014.
- [4] Shelling T. *Strategija konflikta.* M.: IRISJeN, Socium, 2014.
- [5] Nye J.Jr. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Science Academy of Political and Social Science.* March 2008. URL: <http://www.kamudiplomasisi.org/pdf/PDandsoftpower.pdf>.

@ В.Г. ИВАНОВ

РОССИЯ И ЕГИПЕТ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI В.*

Л.М. Исаев, Ю.В. Зинькина, А.Р. Шишкина

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

В статье рассматривается освещение в современной отечественной востоковедной литературе ближневосточной политики СССР и России в ключевой стране региона Ближнего Востока и Северной Африки — Египте. Выявляются направления, получившие наибольшее освещение в историографии, а также некоторые лакуны, дальнейшее исследование которых позволит существенно дополнить представление об образе России в Египте, новых перспективных направлениях сотрудничества, а также потенциальных рисках взаимодействия и способах их снижения.

Ключевые слова: Ближний Восток, внешняя политика России, Египет, историография, СССР

Ближневосточное направление являлось одним из ключевых во внешней политике СССР и не утратило своей значимости для современной России. Изучению ближневосточной политики СССР и России в целом, взаимоотношений с отдельными странами региона, масштабов и приоритетных направлений сотрудничества посвящены многочисленные работы отечественных востоковедов — от небольших аналитических статей «на злобу дня» до фундаментальных монографий, вводящих в научный оборот сотни (а в общей сложности и тысячи) источников и документов.

Накопленный объем знаний по этой проблематике заслуживает стать предметом отдельного серьезного историографического исследования; в настоящей работе сделана попытка обозначить некоторые подходы к такому исследованию. В частности, рассмотрены некоторые наиболее масштабные (как по охвату материала, так и по глубине аналитики) работы, посвященные ключевому государству в арабском мире — Египту, представлявшему первостепенный стратегический интерес для СССР и продолжающему играть важнейшую роль в ближневосточной политике современной России. Наше исследование направлено на то, чтобы выявить направления сотрудничества и взаимодействия — политического, экономического, культурного — СССР и России с Египтом, получившие наибольшее освещение в отечественной востоковедной историографии, а также показать некоторые лакуны, дальнейшее исследование которых позволит существенно дополнить представление об образе России в регионе, новых перспективных направлениях сотрудничества, а также потенциальных рисках взаимодействия и способах их снижения.

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: возможности и пределы сотрудничества со странами региона» (№ 14-18-03615).

Среди арабских стран, с которыми на протяжении своей многовековой истории Россия имела культурные, экономические, политические и другие отношения, выделяется ряд государств, связи с которыми имели особое значение для нашей страны. Одна из таких стран, конечно же, Египет. В рассматриваемый период — после распада Советского Союза и до начала «арабской весны» — взаимоотношения Москвы и Каира посвящено немало произведений — как художественной литературы, так и научных исследований.

В книге А.Б. Борисова «Арабский мир: прошлое и настоящее» [8] ключевому государству арабского мира — Египту — посвящена отдельная глава, в которой содержатся общие сведения об этой стране, рассматривается политическая и экономическая эволюция Египта, а также анализируются процессы адаптации египетской политической элиты к современным условиям. Кроме того, в книге рассматриваются египетско-российские отношения и подчеркивается, что, в частности, советско-египетское сотрудничество стало одним из весомых факторов упрочения национальной независимости Египта, а также содействовало налаживанию связей СССР не только с Ближним Востоком, но и со странами «третьего мира». Тем не менее, как отмечает автор, на момент написания книги (2003 г.) не были преодолены объективные сложности, связанные как с ситуацией затяжного экономического кризиса, так и с медленной адаптацией российских ведомств к новым реалиям.

Борисов также уделяет внимание культурным связям между двумя странами. И в качестве одного из важных направлений двусторонних отношений в данном случае рассматривается сфера образования. Впрочем, и здесь не обходится без трудностей — высокая стоимость обучения в России зачастую продолжает выступать препятствием для египтян.

Особое место в литературе, посвященной взаимодействию стран арабского мира и России, отводится сфере культуры. Так, А. Эл Аал [35] рассматривает положение Египта в контексте культурных контактов Запада и Востока на материале становления и развития сценической танцевальной культуры. Автор приходит к выводу, что результаты культурных контактов Египта с Западной Европой и Россией в этой сфере проявились по-разному: если в первом случае в основном проявилась переориентация традиционных художественных вкусов, культурных интересов и потребностей египетского общества, то в процессах становления и развития национальной хореографической школы определяющая роль была отведена именно культурному сотрудничеству с Россией.

М.Л. Богданов, экс-посол РФ в Каире, заместитель министра иностранных дел РФ, в статье «Российско-египетские отношения на рубеже веков» [7], приуроченной к 70-летию установления дипломатических отношений между Москвой и Каиром, указывает на факторы (прежде всего политические), приведшие к кризису и спаду в двусторонних отношениях — последствия холодной войны, конкуренция со странами Запада, распад СССР и т.п.

Тем не менее, Россия и Египет сохранили общий потенциал соразвития, и уже в 2000-х гг. было положено начало преодоления стагнации в развитии отношений двух стран по различным направлениям. В июне 2009 г. был подписан Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет (АРЕ).

Автор приходит к выводу о том, что высокая степень заинтересованности России и Египта в двустороннем сотрудничестве обусловлена исторически, и национальные интересы обеих стран будут и впредь подталкивать политическое руководство к сотрудничеству в новых условиях.

В другой своей статье «Ближний Восток и Северная Африка. Регион, который ждет серьезная внутренняя трансформация» Богданов подчеркивает, что Россию и Египет традиционно связывали дружественные отношения и узы давнего взаимовыгодного партнерства, в связи с чем Россия с пониманием отнеслась к проявлениям волеизъявления арабских народов после начала событий т.н. «арабской весны» в Тунисе, Египте, Сирии.

Стремлением к прекращению кровопролития и страданий населения арабских стран было продиктовано, к примеру, и решение России относительно резолюции Совета Безопасности ООН, направленной против Сирии. Богданов также упомянул о том, что, несмотря на сложную ситуацию, сложившуюся в Египте к концу 2011 г., в области туристических потоков россиянам предлагались лишь рекомендации МИД воздержаться от поездок, не запреты, и даже в самые бурные времена последних лет отмечалась относительно спокойная обстановка на курортах Красного моря [6]. Ситуация изменилась только в конце 2015 г.

М.Ф. Видясова и М.Ш. Умеров в книге «Египет после арабского социализма: в поиске экономических решений» подчеркивают, что поворот Египта на рельсы неолиберальных экономических реформ произошел на фоне такого излома истории, как распад Организации Варшавского договора, который заставил экономистов и политиков стран «третьего мира» переосмыслить свои взгляды и отдать предпочтение прозападной ориентации [12]. Говоря о процессах приватизации в Египте в конце 1989 г., авторы отмечают, что относительно этого вопроса сформировалось три концепции: консервативная, умеренно реформаторская и собственно реформаторская.

Статья в Вестнике РУДН «Российско-египетские отношения: история и современность» [25] П.Н. Мамед-заде посвящена динамике развития отношений между Египтом и Россией в период второй половины XX — начала XXI в. в различных аспектах двустороннего сотрудничества: взаимодействие в политической, экономической, культурной сферах, а также совместные усилия по поддержанию мира и безопасности на международной арене.

Автор отмечает, что Египет занимает одно из ведущих мест в арабском мире по уровню политических и экономических отношений с Россией и рассматривает последнюю в качестве важного торгового партнера.

В отношениях двух стран всегда присутствовала атмосфера взаимного уважения, несмотря на то, что после распада СССР российско-египетские отношения

пережили серьезные общественно-политические перемены, существенно поменялись их внутренние и внешнеполитические приоритеты.

Культурное сотрудничество России и Египта, правовую основу которого составляет Соглашение о культурном сотрудничестве, подписанное в 1995 г., в начале XXI в. стало особенно интенсивным. Традиционно активно развивается и туристическая сфера: Египет выступает как политический, духовный и культурный центр на Арабском Востоке, и условия массового туризма из России постоянно расширялись.

Культурному взаимодействию России и Египта посвящена также и диссертация В.В. Белякова [4]. В частности, он отмечает, что гуманитарные связи (под которыми понимаются индивидуальные, личностные связи, возникающие в процессе неформального общения представителей различных народов) доминировали в российско-египетских отношениях в конце XIX — середине XX в., поскольку межгосударственные отношения в тот период были ограничены.

В современном мире такого рода связи играют все более важную роль и становятся частью процесса укрепления международного сотрудничества. Кроме того, В.В. Беляков подчеркивает, что русские иммигранты внесли существенный вклад в египетскую культуру, а также в подготовку национальных кадров.

Если говорить о специфике гуманитарных связей России и Египта, то очевиден их асимметричный характер: в силу ряда причин связи устанавливались и поддерживались преимущественно благодаря русским, а не египтянам. Несмотря на то, что гуманитарные связи оставили свой след в культурах обеих стран, в большей степени они все же отразились в русской культуре. Наиболее важным в данном случае для России оказалось формирование положительного образа России и россиян в Египте, а для Египта — то, что в страну прибыло значительное число паломников и путешественников из экономически и политически более развитой страны.

В другой своей работе — статье «Почти родная страна. Египет в русской культуре постсоветского периода» [2] — В.В. Беляков акцентирует внимание читателей, в частности, на вопросах туризма: так, он отмечает, что после реформ начала 1990-х гг. россияне получили возможность выезжать за границу. Египет постепенно стал одним из наиболее популярных туристических направлений в силу целого ряда причин, причем страна оказалась привлекательной для россиян не только с точки зрения пляжного отдыха, но и возможности прикоснуться к культурному наследию — именно поэтому посещение россиянами Египта носит характер познавательного туризма.

Еще в одной своей монографии «К берегам священным Нила» В.В. Беляков обращается к истории российско-египетских культурных связей и исследованию проблемы «Русские в Египте».

Автор утверждает, что центры христианской культуры на территории Египта, такие как Александрия или Синай с его монастырем Св. Екатерины, на протяжении многих веков оставались притягательными для русских паломников [1].

Египетская тематика получила довольно широкое освещение в таких сферах российской культуры и науки, как востоковедение, литература и музейное дело.

В России сформировались даже целые египетские коллекции — прежде всего в Эрмитаже и Музее изящных искусств — на основе собранных российскими путешественниками историко-культурных реликвий. Беляков также уделяет внимание и формированию русской общины в Египте и ее положению в начале XX в., описывая жизнь эмигрантов, бежавших из России после поражения «белого движения».

Также интересны книги Белякова «Приютила Африка Жар-птицу» [3] и «Аль-Аламейн, или русские солдаты в Северной Африке» [5]. Первая из них посвящена судьбам русских эмигрантов в Египте после революции 1952 г. Автор констатирует довольно сильное увлечение Египтом в русской культуре начала XX в.: русская община в этой стране активно росла и развивалась — строились храмы, открывались школы, Египет посещали известные писатели, музыканты и т.д., однако после 1952 г. русская колония стала постепенно рассеиваться, а к началу 1980-х гг. и вовсе прекратила свое существование. Тем не менее, автору удалось собрать ценные свидетельства о египетском периоде жизни таких известных людей, как художник Иван Билибин, мастер фирмы «Фаберже» скульптор Борис Фредман-Клюзель, семья Голенищевых-Кутузовых и др.

Вторая из указанных книг Белякова посвящена наименее освещенным страницам Второй мировой войны — а именно судьбам советских военнопленных, которые были переправлены в Африку для вспомогательных работ. Ситуация того периода истории в Северной Африке описывается с точки зрения наших соотечественников, а также рассказывается о роли русских солдат и эмигрантов в борьбе против фашизма. Книга демонстрирует, что Северная Африка также была активно вовлечена во Вторую мировую войну, и много русских воевали на территории Египта.

Заслуживает внимания доклад Межфракционного депутатского объединения «Россия и Исламский мир: стратегический диалог», опубликованный в журнале «Азия и Африка сегодня» [32], в котором отмечается, что отношения России и исламского мира исторически складывались достаточно противоречиво. Тем не менее, СССР внес решающий вклад в становление и развитие во многих мусульманских, в том числе арабских, странах таких отраслей экономики, как энергетика, металлургия, нефтегазовая промышленность и др. И одним из наиболее ярких примеров здесь, конечно, выступает Египет.

Мусульманский мир, по мнению авторов доклада, как никакой другой близок христианскому наследию в своих теологических основаниях (монотеизм, трактовка религии как авраамической традиции Откровения, религиозное обоснование этических норм, почитания Иисуса). И в этом контексте чрезвычайно важно развитие стратегического взаимодействия России с исламским миром, которое может стать важнейшим элементом справедливого и безопасного мира. Причем одной из основных проблем в данном случае является преодоление негативного образа исламского мира и предрассудков, связанных с ним — в частности, ярлыков «ваххабизма» или терроризма.

В целом отечественная наука начала 2000-х гг. осталась в стороне от западной истерии относительно исламских движений вообще и «Братьев-мусульман»

в частности, несмотря на то, что в России тесная ассоциативная связь имени С. Кутба с «Братьями-мусульманами» до сих пор нередко становится причиной резко негативного восприятия деятельности движения. Так, в 2004 г. в России вышло первое фундаментальное исследование, посвященное этой организации [31]. Его автор, М.З. Ражбадинов, не только подробно рассмотрел этапы становления и исторической динамики «Братьев-мусульман», но и пришел к выводу, что в последние годы они превратились в группу прагматичных оппозиционных политиков, склонных играть по современным правилам политической жизни. Исследователь призвал четко отличать умеренных исламистов в лице АБМ от представителей радикальных движений исламского толка, указав на то, что, в отличие от последних, они были нацелены на то, чтобы прочно закрепиться на политической арене страны легальными методами [30; 31].

Кроме того, можно говорить о том, что в XXI в. интерес исследователей к движению «Братья-мусульмане» стал, с одной стороны, более постоянным, а с другой — более дифференцированным, чем в предыдущий период; стали появляться материалы, освещающие различные частные вопросы внутреннего и внешнего развития этой организации.

И хотя данная работа напрямую не относится к российско-египетским отношениям, все же подобного рода исследования вносят немалый вклад в деле выстраивания диалога с египетскими политическими структурами.

Отдельного внимания заслуживают мемуары отечественных дипломатов и разведчиков, проработавших в свое время в Египте. Статья бывшего премьер-министра России Е.М. Примакова «Ближневосточный курс России: исторические этапы» [28] касается исторического контекста взаимоотношений России со странами Ближнего Востока. Так, например, автор отмечает, что до Первой мировой войны ближневосточный курс России фактически сводился к отношениям с Османской империей. После Октябрьской революции отправным моментом стала поддержка Турции против интервенции стран Антанты. После Второй мировой войны государственная политика СССР в арабских странах активизировалась; кроме того, возросла роль Ближнего Востока как нефтяного резервуара. В период холодной войны Ближний Восток превратился в один из основных плацдармов конфронтации между супердержавами — СССР и США.

Однако Советский Союз, как отмечает Примаков, не стремился втянуть арабские страны в свой военно-политический блок — Варшавский договор. Кроме того, ни в тот период СССР, ни позднее — Российская Федерация не пытались использовать исламистов в своих интересах.

Еще одна работа Е.М. Примакова — «Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века)» — посвящена характеристике основных процессов в ближневосточном регионе, вынесенного в название периода, и их оценке с позиций сегодняшнего дня [29].

Автор приходит к выводу, что руководители арабских стран нередко последовательно противостояли попыткам Советского Союза оказывать идеологическое влияние на их внутреннюю политику — примером этому может служить приход

к власти в Египте Гамалы Абдель Насера, который поначалу не стремился сотрудничать с СССР и рассчитывать на получение американской помощи.

Примаков в указанной выше работе отмечает, что СССР играл для Египта важную роль в вопросах противостояния с Израилем, приводя описание разговора Алексея Косыгина с Анваром Садатом, в ходе которого последний сначала давал путанные ответы, но уже через несколько дней просил «спасти его и египетскую столицу, которую окружают израильские танки» [29].

Об отходе Египта при Президенте Садате от прежней просоветской ориентации и в некоторой степени включении его в лагерь проамериканских сил наряду с Израилем и Саудовской Аравией говорит и Г.И. Мирский в статье «Ближневосточные потрясения и западный мир» [26].

А.З. Егорин в книге «Египет нашего времени» говорит о том, что связи между Россией и Египтом имеют очень давнюю историю — так, еще после распада Византийской империи в XV в. Россия взяла на себя опеку православной веры, и русские, направляясь в Палестину, устремились к святым местам Синайского полуострова [17].

Автор также отмечает, что российский туризм в Египте берет начало из паломничества: с древних времен Синай был местом христианского паломничества, и тысячи наших соотечественников на протяжении многих веков посещали святыне места на территории Египта.

Период XIX — начала XX вв. стал «незабываемым» в истории российско-египетских отношений, поскольку в то время Египет посетили все без исключения послы России, аккредитованные тогда в Османской империи, что свидетельствует об обширности их дипломатических связей. Развернувшаяся сеть официальных представительств (консульств) позволяла России активно углублять и расширять свои связи в этой стране.

Кроме того, автор склонен полагать, что российская политическая эмиграция так и не прекратила свое существование в Египте, несмотря на гонения и высылки. Резюмируя, Егорин приходит к выводу о том, что такие традиционные качества русской общественности, как демократизм, культурная общность, сочувствие к угнетенным, протест против угнетателей, высокая оценка арабской, и в частности египетской, культуры и др., сыграли важную роль в соприкосновении с арабским миром и многовековой египетской цивилизацией [17].

В книге «Египет нашего времени» детально рассматривается и участие Египта во Второй мировой войне, а также вопросы сотрудничества Г.А. Насера и Н.С. Хрущева: так, автором отмечаются не только продуктивные моменты подобного международного взаимодействия, но также и «подводные камни», связанные в первую очередь с обострением ситуации на Ближнем Востоке. Невозможно было обойти стороной и трудовой подвиг россиян во время сооружения Высотной Асуанской плотины, Хелуанского металлургического комбината и других объектов.

Упомянется также об относительно безымянном «представительстве русских», появившемся в Египте в 1957 г., официальным заданием которого было

«оказание технического содействия». В то время в Египет прибыли не только инженеры, но и т.н. *хубара* — офицеры, негласно анализировавшие складывавшуюся в стране и регионе обстановку. Присутствие «хубара» поднимало боевой дух арабов, в частности, в периоды конфликта с Израилем. Примерно с конца 1968 г. начался еще один виток нашего военного присутствия в Египте: помимо военных специалистов туда стали отправляться целые подразделения противовоздушной обороны.

В сборнике «Ближний Восток: командировка на войну. Советские военные в Египте» говорится, в частности, о том, что после войны 1967 г. Советский Союз предоставил Египту значительную военно-техническую помощь и оказал политическую поддержку. По мнению арабиста В.И. Дмитриева, это включало, помимо прочего, направление советских десантных сил в морскую акваторию Египта [16]. Подобные действия были спровоцированы конкретными обстоятельствами, а именно непрекращавшейся напряженностью между Египтом и Израилем, вылившейся в настоящую войну, фронт которой проходил по Суэцкому каналу.

А.З. Егорин в «Записках корреспондента АПН» также описывает ситуацию военного противостояния между Египтом и Израилем, отмечая, что с 5 июня 1967 г. начался совершенно новый этап пребывания советских военных специалистов в Египте — это был этап непосредственного участия в боевых действиях, что впоследствии получило название «выполнения интернационального долга» [18].

Егорин пишет о том, что Москве требовались не только выпуски информационных бюллетеней, но и срочные сообщения «с места» для советских газет, поэтому и в этом направлении велась постоянная работа русских специалистов. Автор с сожалением констатирует, что усилия наших соотечественников в Египте не получили должного вознаграждения, в том числе и символического — так, он приводит в пример памятник воинам-египтянам на окраине Саны в Йемене, которые сражались там за республику, и надеется, что когда-нибудь и в Египте можно будет увидеть памятник русскому солдату, честно выполнившему свой долг в этой стране. Но важнее всего, отмечает Егорин, — «раз и навсегда решить — никого никогда никуда не отправлять за пределы России тайком от своего народа. Даже для выполнения „интернационального долга“».

Известный востоковед А.О. Филоник, размышляя на страницах этого же сборника («Ближний Восток: командировка на войну...») о советско-американском соперничестве на Ближнем Востоке, говорит о том, что расхождения между советскими идеалами и западными ценностями были совершенно очевидными, и это порождало мощное соперничество, которое не знало границ и принимало разные обличья [34].

Ближний Восток стал площадкой для ширившегося антагонизма между СССР и США. При этом советское руководство оказывало военную и экономическую помощь социально близким политическим режимам, в то время как американцы делали ставку на обеспечение собственного прямого военного присутствия в регионе.

Поражение Египта в Июльской войне выявило неэффективность применения советского оружия в новых условиях. По этой причине было принято решение

о создании института советских военных советников, охватывающего практически все рода войск. К середине 1972 г. цели, которые ставили перед собой советские военные советники, в целом были достигнуты. Как отмечает Филоник, в тот период советские военные успешно справились с задачей поддержки дружественной страны в трудное для нее время, подтвердив превосходство своих тактических приемов и защитив национальные интересы своей страны.

Роли СССР в военном противостоянии Египта и Израиля посвящена монография Р.Д. Даурова «Долгая шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке» [15]. Анализируя на основе широкого круга источников одно из важнейших событий ближневосточной истории — арабо-израильскую войну 1967 г., Дауров выявляет основные направления политики Советского Союза на Ближнем Востоке и дает оценки удачам и просчетам советской дипломатии.

Коллективная монография «Тогда, в Египте...» под общей редакцией М.С. Мейера [33] также касается проблемы влияния СССР на ход и стратегии арабо-израильской конфронтации. Так, в ней отмечается, что еще в начале 1970 г. советским руководством была отправлена в Египет специальная дивизия, целью которой была защита главных центров Египта — Каира, Александрии, Асуана. Кроме того, туда были отправлены и переводчики арабского языка. В книге представлены свидетельства очевидцев и участников событий в наиболее драматический период истории Египта, когда он обратился к СССР за помощью в восстановлении своего военного потенциала.

Книга советского дипломата В.М. Виноградова, бывшего послом в Египте в 1970—1974 гг., под названием «Египет: от Насера к Октябрьской войне. Архив посла» [13] посвящена ситуации в Египте того периода и освещает вопросы внешнеполитического курса Египта, результатов Октябрьской войны 1973 г., хода Женевской конференции по Ближнему Востоку, изменений внешнеполитического и внутреннего курса Египта и т.д.

Особое место в российской литературе о Египте занимает книга «Египет и египтяне» А.М. Васильева [9]. Автор начиная со студенческих лет связал свою жизнь и творческую судьбу с Арабским Востоком и, в частности, с Египтом. Он учился в Каирском университете, работал в стране корреспондентом газеты «Правда» и посещал ее множество раз. Его наблюдения основаны на близком знакомстве с жизнью египтян — то, что англичане называют «знаниями на уровне корней травы», и дополнены сотнями прочитанных книг.

«Египет и египтяне», — отмечает востоковед и писатель В. Овчинников, — написана в форме занимательного путеводителя по египетской душе, египетскому обществу, истории, городам, религиям. Одновременно она отличается научной фундированностью и точностью. Но это не утомительная энциклопедичность, а легкость пера литератора, который облакает в художественную форму свои знания.

Алексей Васильев жил среди египтян, заводил среди них друзей. Он старался понять и принять их быт, жизненную философию, логику их поведения, поэтому неслучайно его изложение к месту украшено египетскими пословицами.

Он ведет читателя по каирским улицам и пишет: «Как передать смесь запахов каирской пыли, выхлопных газов, ароматных соусов, душистых цветов? Как

описать торговца, который разложил гайки ли, прокладки для кранов и спит прямо под ногами прохожих, положив под голову вместо подушки включенный на полную мощность радиоприемник?»

Огромный вклад Советского Союза в развитие Египта во время экономической блокады последнего западными державами и дальнейшую помощь Москвы, продиктованные стремлением превратить Египет в своего союзника в годы «холодной войны», отмечает А.М. Васильев в книге «Египет и египтяне» [9].

Говоря об «инфитахе», проводимом А. Садатом, автор проводит параллели между Египтом 1970—1980-х гг. и Россией 1990-х, хотя в целом признает, что, несмотря на все негативные проявления политики «открытых дверей» экономический либерализм во многом доказал свою эффективность. Ориентация Садата на установление связей с США и ослабление взаимодействия с Советским Союзом в тот период была вполне оправдана, поскольку существовало понимание ведущей роли этой державы в будущем Ближнего Востока. Х. Мубараку впоследствии удалось восстановить отношения между Каиром и Москвой и наладить между ними пусть и ограниченное сотрудничество, сохраняя при этом ориентацию на Соединенные Штаты.

В книге «Египет и египтяне» А.М. Васильев также отмечает, что при строительстве Высотной Асуанской плотины, так же как и во время Суэцкого кризиса, Советский Союз вышел на ближневосточную арену. В 1958 г. между странами было заключено соглашение о предоставлении долгосрочного кредита, а в 1960 г. СССР согласился участвовать в строительстве второй очереди плотины. На базе гидроузла возник и ряд энергоемких производств, в том числе сооруженный при сотрудничестве с СССР алюминиевый комбинат в Наг-Хаммади.

В этой же работе автор также обращается к возникновению и распространению социалистических идей в Египте и приходит к выводу о том, что насеровские реформы были «окрашены в социалистические тона», а внешняя политика основывалась на «полусоюзнических отношениях» с Советским Союзом. Так, к примеру, внешнеполитическая программа образовавшейся в 1920-е гг. Коммунистической партии, руководимой Коминтерном, перекликалась с установками вафдистов и в целом отражала веяния советской пропаганды. Впрочем, после своей смерти президент Насер не оставил каких-либо политических институтов, которые обеспечивали бы преемственность подобного курса [9].

При Мубараке египетские левые оказались на обочине политической и идеологической борьбы. Как пишет А.М. Васильев, «исчезли „новые левые на Западе“ — и некому больше подражать. Исчез Советский Союз и его союзники — и некого больше обходить ни справа, ни слева» [9].

Среди работ Васильева, относящихся к этому периоду, стоит также выделить «Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму», где утверждается, что «у России есть капитал опыта сотрудничества и связей, сложившихся за века, со своими непосредственными южными соседями или за десятилетия — с арабским миром» [10].

Рассуждая о политике СССР и затем — России на Ближнем и Среднем Востоке, автор утверждает, что Россия по сути есть Советский Союз, а Российская

Федерация за вычетом отдельных государств и народов и есть Россия, сменяющая форму своего политического бытия. Соответственно, можно говорить о правопреемственности России СССР в вопросах политики на глобальном и региональном уровнях, в том числе в ближневосточном регионе [10].

Во времена СССР единство идеологии и практики, мессианской идеи, заложенной в основу Советского государства, и реальных интересов огромной страны определяло и объясняло поведение СССР на международной арене, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке.

В первой трети XX в. отношения с Египтом развивались неудачно, так как в начале 1930-х гг. советских торговых представителей обвинили в подрывной деятельности и выслали из страны. В 1943 г. были установлены дипломатические отношения между странами. Васильев подчеркивает, что, как правило, в Каире Советский Союз не считали врагом, коей была Англия. Арабским соперником Каира был Багдад, где правил монархический режим во главе с Фейсалом II из рода Хашимитов, тесно связанный с Великобританией.

Важным моментом во взаимоотношениях между странами стала просьба Насера о советской военной помощи в противостоянии с Израилем. Здесь важно отметить советскую военную стратегию в Египте: намерение СССР в 1969 г. создать систему ПВО в североафриканской стране было политическим решением с целью спасти режим Насера, однако были приняты во внимание и интересы ВМФ СССР.

В целом Васильев отмечает, что отношения России со странами региона с течением времени деидеологизируются — это означает, что мессианская идея «коммунистического завтра» оказывается отброшенной. Несмотря на минувшие и грядущие испытания, новой базой понимания и сотрудничества России со странами Ближнего и Среднего Востока может стать деидеологизация, равно как и отказ от официального атеизма — Россия может сыграть роль своеобразного моста между миром ислама и миром христианства.

Стоит также выделить коллективную монографию «Революции и нестабильность на Ближнем Востоке» [14], сюжет которой разворачивается от общей картины социально-экономического, политического и демографического развития стран арабского мира к рассмотрению конкретных кейсов «арабской весны»; при этом особое внимание авторами уделено именно Египту. Авторы отмечают, что события последних лет в Египте необходимо рассматривать в контексте начавшейся реконфигурации Мир-Системы, что надо обязательно учитывать при выстраивании, как российско-арабских отношений вообще, так и российско-египетских отношений в особенности [14; 36]; однако при выстраивании этих отношений очень важно учитывать и сложные внутренние процессы, протекающие в последние годы в Арабской Республике Египет [11; 19—24].

Таким образом, можно видеть, что, хотя взаимоотношения России с Египтом становились объектом внимания многочисленных исследователей, практически все упомянутые работы находятся в достаточно близком русле — будучи насыщены эмпирическими данными и уделяя значительное внимание освещению собы-

тийного ряда, они зачастую используют лишь «классический» набор исторических и политологических методов и подходов к исследованию имеющихся материалов. В то же время, как нам представляется, при всем достоинстве этих устоявшихся в науке подходов изучение ближневосточной политики России могло бы существенно обогатиться путем применения некоторых количественных методов. В качестве перспективных, на наш взгляд, направлений исследований, которые все еще «ждут своего исследователя», можно обозначить, к примеру, следующие:

— систематический анализ всех заключенных договоров и количественный анализ на предмет установленных количественных показателей и исследование степени практической реализации заявленных показателей;

— исследование всех сообщений масс-медиа соответствующих стран, где упоминается Россия, анализ формируемого в ближневосточных СМИ образа России (с применением методов контент-анализа, анализа частотности и др.);

— анализ торговых потоков (с дифференциацией по различным классам товаров), финансовых потоков (прямые инвестиции, портфельные инвестиции, займы и др.); особенно интересно исследовать данный вопрос в динамике, проанализировав произошедшие изменения в структуре торговых и финансовых взаимодействий со времен СССР по настоящее время (в том числе с применением методов сетевого анализа);

— исследование потенциала миграционного взаимодействия, выявление способов привлечения необходимых категорий мигрантов с Ближнего Востока (в первую очередь, студентов) (с применением гравитационных моделей);

— исследование ценностного строя ближневосточных обществ (в том числе с учетом различий между поколениями) и видения России в частности; особенный интерес представляет образ России, сложившийся среди представителей молодых поколений ближневосточных обществ; его понимание необходимо для выстраивания системной российской культурной политики в регионе, для формирования позитивного и актуального образа России, равно как и для корректной оценки потенциала взаимодействия России со странами региона в ближайшей, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Беляков В.В.* К берегам священным Нила. М.: Гуманитарий, 2003.
- [2] *Беляков В.В.* Почти родная страна. Египет в русской культуре постсоветского периода // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 12.
- [3] *Беляков В.В.* Приютила Африка Жар-птицу. М.: Классика плюс, 2000.
- [4] *Беляков В.В.* Роль гуманитарных связей в межкультурном взаимодействии России и Египта (конец XIX — середина XX века): Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2007.
- [5] *Беляков В.В.* Эль-Аламейн, или русские солдаты в Северной Африке (1940—1945). М.: Русский путь, 2010.
- [6] *Богданов М.Л.* Ближний Восток и Северная Африка. Регион, который ждет серьезная внутренняя трансформация // *Международная жизнь*. 2011. № 12.

- [7] *Богданов М.Л.* Российско-египетские отношения на рубеже веков: тенденции, закономерности, перспективы // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 12.
- [8] *Борисов А.Б.* Арабский мир: прошлое и настоящее. М.: Институт востоковедения РАН, 2002.
- [9] *Васильев А.М.* Египет и египтяне. М.: Восточная литература, 2008.
- [10] *Васильев А.М.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Восточная литература, 1993.
- [11] *Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Военные вновь у власти? Выборы в Египте // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 10.
- [12] *Видясова М.Ф., Умеров М.Ш.* Египет после арабского социализма: в поиске экономических решений. М.: Изд. центр ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999.
- [13] *Виноградов В.М.* Египет: от Насера к Октябрьской войне. Из архива посла. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2012.
- [14] *Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель, 2015.
- [15] *Дауров Р.Д.* Долгая шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2009.
- [16] *Дмитриев В.И.* Записки лейтенанта морской пехоты // *Ближний Восток: командировка на войну. Советские военные в Египте* / Отв. ред. А.О. Филоник. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2009.
- [17] *Егорин А.З.* Египет нашего времени. М.: Институт Востоковедения РАН, 1998.
- [18] *Егорин А.З.* Записки корреспондента АПН // *Ближний Восток: командировка на войну. Советские военные в Египте* / Отв. ред. А.О. Филоник. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2009.
- [19] *Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 2.
- [20] *Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Политическая география современного Египта: опыт количественного анализа // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 9.
- [21] *Коротаев А.В., Исаев Л.М.* Анатомия египетской контрреволюции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 8.
- [22] *Коротаев А.В., Исаев Л.М.* Политическая география современного Египта // *Политические исследования*. 2015. № 2.
- [23] *Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.* Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ // *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 6—7.
- [24] *Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.* Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // *Историческая психология и социология истории*. 2011. Т. 4. № 2.
- [25] *Мамед-заде П.Н.* Российско-египетские отношения: история и современность // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2006. № 1.
- [26] *Мирский Г.И.* Ближневосточные потрясения и западный мир // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 2.
- [27] *Назир М.И.* Развитие российско-сирийских военно-политических отношений в современных условиях // *Вестник Екатеринбургского института*. 2014. № 1.
- [28] *Примаков Е.М.* Ближневосточный курс России: исторические этапы // *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* Сборник статей / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012.
- [29] *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. Вторая половина XX — начало XXI века. М., 2012.
- [30] *Ражбадинов М.З.* Ассоциация «Братья-мусульмане» и перспективы политических процессов в современном Египте // *Вестник МГИМО-Университета*. 2013. № 2.
- [31] *Ражбадинов М.З.* Египетское движение «Братьев-мусульман». М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2004.

- [32] Россия и Исламский мир: проблемы, предпосылки и перспективы долгосрочного взаимодействия // *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 2.
- [33] Тогда, в Египте... (Книга о помощи СССР Египту в военном противостоянии с Израилем) / Ред. М.С. Мейер, В.М. Пак, А.О. Филоник. М.: ИСАА, 2001.
- [34] *Филоник А.О.* Советско-американское соперничество на Ближнем Востоке (Вместо предисловия) // *Ближний Восток: командировка на войну. Советские военные в Египте* / Отв. ред. А.О. Филоник. М.: Ин-т. Востоковедения РАН, 2009.
- [35] *Эл Аал М.* Египет в контексте культурных контактов Запада и Востока (на примере становления и развития сценической танцевальной культуры): Дисс. ... канд. культуролог. наук. М., 2003.
- [36] *Grinin L., Korotayev A.* Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? // *World Futures*. Vol. 68. № 7.

RUSSIA AND EGYPT IN RUSSIAN LITERATURE OF THE END OF XX — BEGINNING OF XXI CENTURY

L.M. Issaev, J.V. Zinkina,
A.R. Shishkina

National Research University Higher School of Economics
Myasnitckaya str., 20, Moscow, Russia, 101000

The paper views how Russian historiography reflects the Middle Eastern policy of the USSR and modern Russia. Egypt is taken as an example due to its crucial role for the Soviet and — later on — Russian interests in the region. We reveal the spheres of Russian interaction with Egypt, which received the greatest attention of the scholars, as well as a number of lacunae that require further research to improve our understanding on the image of Russia in the regions, the most promising directions of cooperation, as well as the potential risks and means of their prevention.

Key words: Middle East, Russian foreign policy, Egypt, USSR, historiography

REFERENCES

- [1] Beljakov V.V. *K beregam svjashhennym Nila*. М.: Gumanitarij, 2003.
- [2] Beljakov V.V. *Pochti rodnaja strana. Egipet v russkoj kul'ture postsovetskogo perioda. Azija i Afrika segodnja*. 2013. № 12.
- [3] Beljakov V.V. *Prijutita Afrika Zhar-pticu*. М.: Klassika pljus, 2000.
- [4] Beljakov V.V. *Rol' gumanitarnyh svjazej v mezhkul'turnom vzaimodejstvii Rossii i Egipta (konec XIX — seredina XX veka)*: Diss. d-ra ist. nauk. М., 2007.
- [5] Beljakov V.V. *Jel'-Alamejn, ili russkie soldaty v Severnoj Afrike (1940—1945)*. М.: Russkij put', 2010.
- [6] Bogdanov M.L. *Blizhnij Vostok i Severnaja Afrika. Region, kotoryj zhdet ser'eznaja vnutrennjaja transformacija. Mezhdunarodnaja zhizn'*. 2011. № 12.

- [7] Bogdanov M.L. Rossijsko-egipetskie otnoshenija na rubezhe vekov: tendencii, zakonomernosti, perspektivy. *Azija i Afrika segodnja*. 2013. № 12.
- [8] Borisov A.B. Arabskij mir: proshloe i nastojashhee. M.: Institut vostokovedenija RAN, 2002.
- [9] Vasil'ev A.M. Egiptet i egiptjane. M.: Vostochnaja literatura, 2008.
- [10] Vasil'ev A.M. Rossija na Blizhnem i Srednem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu. M.: Vostochnaja literatura, 1993.
- [11] Vasil'ev A.M., Isaev L.M., Korotaev A.V. Voennye vnov' u vlasti? Vybery v Egipte. *Azija i Afrika segodnja*. 2014. № 10.
- [12] Vidjasova M.F., Umerov M.Sh. Egiptet posle arabskogo socializma: v poiske jekonomicheskikh reshenij. M.: Izd. centr ISAA pri MGU im. M.V. Lomonosova, 1999.
- [13] Vinogradov V.M. Egiptet: ot Nasera k Oktjabr'skoj vojne. Iz arhiva posla. M.: In-t Vostokovedenija RAN, 2012.
- [14] Grinin L.E., Isaev L.M., Korotaev A.V. Revoljucii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke. M.: Uchitel', 2015.
- [15] Daurov R.D. Dolgaja shestidnevnaia vojna: pobedy i porazhenija SSSR na Blizhnem Vostoke. M.: In-t Vostokovedenija RAN, 2009.
- [16] Dmitriev V.I. Zapiski lejtenanta morskoy pehoty. *Blizhnij Vostok: komandirovka na vojnu. Sovetskie voennye v Egipte*. Otv. red. A.O. Filonik. M.: In-t Vostokovedenija RAN, 2009.
- [17] Egorin A.Z. Egiptet nashego vremeni. M.: Institut Vostokovedenija RAN, 1998.
- [18] Egorin A.Z. Zapiski korrespondenta APN. *Blizhnij Vostok: komandirovka na vojnu. Sovetskie voennye v Egipte*. M.: In-t Vostokovedenija RAN, 2009.
- [19] Isaev L.M., Korotaev A.V. Egipetskij perevorot 2013 goda: opyt jekonomicheskogo analiza. *Azija i Afrika segodnja*. 2014. № 2.
- [20] Isaev L.M., Korotaev A.V. Politicheskaja geografija sovremennogo Egipta: opyt kolichestvennogo analiza. *Azija i Afrika segodnja*. 2014. № 9.
- [21] Korotaev A.V., Isaev L.M. Anatomija egipetskoj kontrrevoljucii. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2014. № 8.
- [22] Korotaev A.V., Isaev L.M. Politicheskaja geografija sovremennogo Egipta. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 2015. № 2.
- [23] Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V. Egipetskaja revoljucija 2011 g. Strukturno-demograficheskij analiz. *Azija i Afrika segodnja*. 2011. № 6—7.
- [24] Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V. Egipetskaja revoljucija 2011 goda: sociodemograficheskij analiz. *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii*. 2011. T. 4. № 2.
- [25] Mamed-zade P.N. Rossijsko-egipetskie otnoshenija: istorija i sovremennost'. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2006. № 1.
- [26] Mirskij G.I. Blizhnnevostochnye potrasjenija i zapadnyj mir. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2013. № 2.
- [27] Nazir M.I. Razvitie rossijsko-sirijskikh voenno-politicheskikh otnoshenij v sovremennyh uslovijah. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. 2014. № 1.
- [28] Primakov E.M. Blizhnnevostochnyj kurs Rossii: istoricheskie jetapy. *Blizhnij Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossija: chto dal'she?* Sbornik statej. Otv. red. V.V. Naumkin, V.V. Popov, V.A. Kuznecov. M.: IV RAN, 2012.
- [29] Primakov E.M. Konfidencial'no: Blizhnij Vostok na scene i za kulisami. Vtoraja polovina XX — nachalo XXI veka. M., 2012.
- [30] Razhbadinov M.Z. Associacija «Brat'ja-musul'mane» i perspektivy politicheskikh processov v sovremennom Egipte. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2013. № 2.
- [31] Razhbadinov M.Z. Egipetskoe dvizhenie «Brat'ev-musul'man». M.: In-t Vostokovedenija RAN, 2004.
- [32] Rossija i Islamskij mir: problemy, predposylki i perspektivy dolgosrochnogo vzaimodejstvija. *Azija i Afrika segodnja*. 2005. № 2.

- [33] Togda, v Egipte... (Kniga o pomoshhi SSSR Egiptu v voennom protivostojanii s Izrailem). Red. M.S. Mejer, V.M. Pak, A.O. Filonik. M., ISAA, 2001.
- [34] Filonik A.O. Sovetsko-amerikanskoe sopernichestvo na Blizhnem Vostoke (Vmesto predislovija). *Blizhnij Vostok: komandirovka na vojnu. Sovetskie voennye v Egipte*. Otv. red. A.O. Filonik. M.: In-t. Vostokovedeniya RAN, 2009.
- [35] Jel Aal M. Egipet v kontekste kul'turnyh kontaktov Zapada i Vostoka: (Na primere stanovlenija i razvitija scenicheskoj tanceval'noj kul'tury): Diss. ... k. kul'turolog. nauk. M., 2003.
- [36] Grinin L., Korotayev A. Does "Arab Spring" Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures*. Vol. 68. № 7.

@ Л.М. Исаев, Ю.В. Зинькина, А.Р. Шишкина

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ВЕКТОР ИННОВАЦИОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

М.Ю. Павлютенкова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются значимые концептуальные и управленческие аспекты электронного правительства, прослеживается трансформация трактовки термина от «использования информационных технологий в деятельности органов государственной власти» до «совместного публичного управления». Показывается, что в России, находящейся в условиях экономического кризиса и сложной внешнеполитической обстановки, усиленной введенными против нее санкциями, решения «электронного правительства» могут стать существенной частью стратегии инновационных государственных преобразований. Новизна работы заключается в том, что впервые дается углубленный анализ трактовок термина «электронное правительство» из различных международных источников, а также электронное правительство рассматривается как механизм государственного управления, основанного на парадигмах «совместного публичного управления» (collaborative public governance) и «всеохватывающего правительства» (whole-of-government).

Ключевые слова: электронное правительство, информационно-коммуникационные технологии, электронные государственные услуги, инновационное государственное управление, совместное публичное управление

ПРЕДЫСТОРИЯ

Хорошо известно, что модернизационные процессы в ведущих странах мира в 80-х гг. XX в. начались с компьютеризации промышленности. Позже стало ясно, что экономика в модернизовавшихся странах приобрела характер информационной, глобальной и инновационной. Однако, по мнению ряда специалистов, «период действия триады информатизация — глобализация — инновационность закончился кризисом 2008 г. В следующее тридцатилетие мировая экономика и общество в целом должны будут перестраивать свой уклад, все более глубоко и широко осваивая возможности, предоставляемые информационно-коммуникационными технологиями, — подобно тому, как изобретение конвейера привело к повышению эффективности производства, что в свою очередь, позволило начать создание общества всеобщего благоденствия в 1950-х» [2. С. 113]. Каким будет этот уклад — сказать сложно, но уже сейчас ясно одно: ведущие государства вступили в глобальную информационную эпоху, в которой основную роль начинают играть глобальные сети и информационно-коммуникационные технологии.

Наиболее мощным проявлением информационно-коммуникационных технологий стал проект «электронное правительство».

Термин «электронное правительство» (далее — ЭП) описывает широкую сферу применения информационно-телекоммуникационных технологий в политико-управленческих процессах современного государства. Однако трактовка ЭП

по-прежнему остается дискуссионной и очень подвижной, что во многом обусловлено сложностью и многоаспектностью происходящих изменений, как в обществе, так и в сфере информационно-коммуникационных технологий. Дефиниции выявляют международный характер явления ЭП, проблемное поле которого составляет интерес как государств, так и международных организаций.

Так, Всемирным Банком представлена формулировка ЭП, обращающая внимание на институциональные способности, позволяющие государствам эффективно проводить свою политику развития [5]: «ЭП относится к процессу использования государственными органами информационных технологий (сетей, Интернета, мобильных и компьютерных технологий), трансформирующему взаимоотношения с гражданами, бизнесом и другими государственными структурами». Информационные технологии, по мнению Всемирного банка, служат целому ряду целей: обеспечению лучшего качества услуг и широкого доступа к информации граждан, укреплению взаимодействия бизнеса и государства, более эффективному государственному управлению. Как результаты внедрения ИКТ в государственную сферу рассматриваются уменьшение коррупционной составляющей государственного управления, увеличение его прозрачности, переориентации на интересы и потребности граждан, а также увеличение государственных доходов и/или снижение расходов» [3].

Значимые концептуальные моменты проекта «электронное правительство» представлены в докладах Организации Объединенных Наций (ООН). За первое десятилетие XXI в. ООН подготовила и опубликовала целый ряд исследований в сфере ЭП [11]. От доклада к докладу происходит подвижка в концептуальном обосновании использования информационно-коммуникационных технологий в управлении государством. Так, в Докладе «Сравнительный анализ электронного правительства: глобальная перспектива, определяющая прогресс стран — членов ООН» 2003 г. («Benchmarking E-government: A Global Perspective Assessing the Progress of the UN Member States») предложено два определения ЭП: в широком смысле ЭП представлено как использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в государственном управлении, узкая трактовка ЭП подразумевает использование Интернет и Всемирной Информационной Паутины для предоставления информации и государственных услуг гражданам [6]. Главным в Докладе является представление ЭП ни как экспериментального направления в рамках административной реформы, а как *самостоятельного, независимого и постоянно развиваемого направления в реформировании государственного управления* [6].

Постепенно в докладах ООН происходит усложнение представлений о процессах адаптации ИКТ к политико-административной сфере: делается акцент на расширении участия граждан в проектах ЭП, появление идей о сетевом взаимодействии — наиболее зрелая стадия развития ЭП получила название «сетевое присутствие» (*network presence*) [6] вместо «бесшовное присутствие» (*seamless presence*) [6]. В дальнейшем приоритетного рассмотрения в Докладах удостоивается проблема цифрового неравенства, которое рассматривается в нескольких аспектах: как неравенство в возможностях, в доходах, как разрыв в образовательном уровне,

как языковой барьер и т.д. В докладе формулируется главная цель ИКТ — способствовать развитию общества, построению экономики, основанной на знаниях (knowledge society, knowledge-based society) [9].

Пересмотр функций и механизмов работы государственных институтов в Докладах дополнился понятиями о многоуровневом и полицентричном управлении: об участии в управлении не только институтов государства, но и бизнеса и гражданского общества, об определяющем значении взаимодействия всех участников управления для совершенствования как самого управления государством, так и развития страны в целом [10].

В Докладе 2008 г. ООН идет дальше в концептуальном развитии ЭП, предложив формулировку «связанного правительства» (connected government/governance). Данное понятие абсорбирует в себя опыт развития государственного управления за последние десятилетия. Ключевыми категориями концепта «связанного правительства» стали менеджмент знаний (люди, процессы, технологии), клиентоориентированный подход (Customer Relationship Management, CRM), конфиденциальность, интегрированность и доступность информации, при этом само ЭП рассматривается как стратегическое средство достижения инноваций и роста эффективности государственного управления. В понятии «связанного правительства» также отражены изменения в сервисной составляющей ЭП: ИКТ теперь не средство предоставления государственных услуг, а *средство повышения ценности государственных услуг*. «Связанное правительство» не только подчеркивает значимость реинжиниринга внутренних структур и процессов государственного управления с целью улучшения его качественных характеристик и повышения его результативности, но и подразумевает расширение практик взаимодействия как между государственными структурами, так и государственных структур со сторонними акторами, практики консультаций с общественностью, вовлечения граждан в процессы управления [12].

В материалах Организации «Глобальный бизнес-диалог по электронной коммерции» (The Global Business Dialogue on electronic commerce, GBDe) просматривается переход от взглядов на ЭП как на средство совершенствования вопросов управления, на трансляцию принципов электронной коммерции в государственную сферу к понимаю значимости взаимодействия государства и граждан, ключевой роли бизнеса и гражданского участия в вопросах совершенствования государственного управления, к необходимости создания полностью интегрируемой системы ЭП, учитывающей взаимодействие всех уровней управления государством.

Обосновать подход к ЭП как концепции инновационного государственного управления позволяет Доклад Императивы электронного правительства «The E-government imperative» [7. С. 62—96]. Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в котором выделяются следующие моменты:

во-первых, ЭП трансформируют процессы политико-административного управления,

во-вторых, изменения касаются самой культуры управления, отношений с обществом [4. С. 211—212],

во-третьих, ЭП рассматривается как стимул инновационных преобразований и развития публичного управления.

Однако здесь надо обозначить возникающую проблему: если в западных демократиях еще в рамках модели «нового публичного управления» [8] накоплен определенный опыт реформирования, то в транзитивных государствах попытки внедрения базовых принципов менеджизма осуществлялись без какого-либо осмысления. И именно поэтому во всем мире только 15% проектов «электронного правительства» оказываются успешными и новации характерны для тех стран, где внедрение новых технологий напрямую увязывается с процессами реформирования бюрократии [1].

ДОКЛАДЫ ООН ПО РАЗВИТИЮ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА 2012—2014 ГГ.

В докладах ООН по ЭП 2012—2014 гг. [13] (Доклад ООН 2016 г. на момент выхода статьи еще не был опубликован) подчеркивается, что современные информационно-коммуникационные технологии предоставляют мощные инструменты для создания эффективных, прозрачных и ответственных учреждений и государственных структур. По этой причине страны — лидеры мирового развития продолжают осуществлять значительные инвестиции в информационно-коммуникационные технологии для государственного сектора. Такие усилия жизненно важны для расширения участия широкой общественности в процессах принятия решений, облегчения доступа к информации и устранению барьеров между гражданами и органами государственной власти. Таким образом, электронное правительство через свои институты, механизмы и процессы реализации на основе планирования, координации, организации способствует устойчивому общественному развитию.

В докладе 2014 г. формулируется ряд концептуальных положений, касающихся не только развития электронного правительства, но и затрагивающих важнейшие вопросы государственных преобразований. Отмечается, что:

во-первых, электронное правительство является *средством развития для всех*. Это мощный инструмент для избавления от крайней бедности, защиты окружающей среды, продвижения социальной включенности и предоставления экономической возможности для всех. Электронное правительство имеет назначением поддержку усилий по развитию всех государств — членов Организации Объединенных Наций;

во-вторых, достижения электронного правительства должны быть ориентиром для развития каждой страны. Это жизненно важно, потому что это оценка присутствия онлайн-правительств, идущих в авангарде развития;

в-третьих, в фокусе государственных трансформаций находится предоставление социально-экономических и экологических услуг для населения с помощью электронного правительства как программируемого инструмента, а также участие и включенность населения в решение социальных проблем.

Национальные стратегии развития электронного правительства должны включать такие характеристики, как открытость, прозрачность, эффективность, доступность государственных структур в сочетании с обратной связью с гражданами.

Принципиальной особенностью Докладов 2012—2014 г. является фиксация сдвига концепции электронного правительства в сторону совместного публичного управления (*collaborative public governance*) и «всеобщего правительства» (*whole-of-government*).

Это означает, что существующее в настоящее время структурно дезинтегрированное правительство, реализующее ведомственный подход к оказанию государственных и муниципальных услуг, децентрализованное, сосредоточенное на управлении сервисами, трансформируется в правительство, организованное по сетевому принципу, в котором приоритетную роль будут играть взаимодействие и взаимосвязи между гражданским обществом и государством, возникают новые каналы политического участия с целью повышения эффективности функциональных способностей государства и вовлеченности граждан в процессы принятия государственных решений. Таким образом, реализуется *совместное публичное управление*, использующее для этого все доступные современные коммуникационные каналы, а также открытые правительственные данные.

В этом контексте Всеобщее правительство (*Whole-of-government*) может быть определено как «агентства, работающие в границах возможностей (*across portfolio boundaries*), для совместного достижения интегрированных ответов на проблемы стратегического развития, управления программами и предоставления услуг». Совместное правление (*collaborative governance*) относится к процессу управления, основанному на сотрудничестве между правительством и неправительственными заинтересованными сторонами.

Важно понимать, что всеобщее правительство важно не само по себе, а скорее как средство достижения целей на основе сотрудничества. В пределах государственного сектора и с соответствующими акторами вне его, такими как бизнес, гражданское общество, сообщества и отдельные граждане, создаются возможности для более широкого участия в процессе выработки национальной и местной политики и предоставления услуг через все доступные каналы коммуникации.

Вместе с тем, несмотря на выявленные тенденции в развитии ЭП и государственного управления, правительственные учреждения большинства стран мира по-прежнему работают в рамках моделей государственного управления XX в., в которых министерства работают в отдельных отраслях и затрагивают секторальные проблемы, а не общие направления. В то же время граждане и бизнес требуют более открытого, прозрачного, ответственного и отзывчивого управления, а новые технологии, особенно информационно-коммуникационные, предоставляют возможности эффективного менеджмента знаний, сотрудничества между всеми сферами деятельности и на всех уровнях правительства, будь то международный, национальный, региональный или местный. Граждане должны быть не просто пассивными пользователями информации, предоставляемой *online*-службами, а находиться в активном взаимодействии с государством посредством ИКТ.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

В заключение кратко остановлюсь на характеристике современного состояния электронного правительства России.

В настоящее время электронное правительство в России оказалось в совершенно новых условиях как с точки зрения экономического положения в стране и внешнеполитической ситуации, усиленной санкциями, введенными против нее ведущими странами мира, так и с точки зрения новых подходов к видению и стратегии развития электронного правительства.

В России к сферам ответственности электронного правительства относят прежде всего оказание гражданам и бизнесу услуг в электронном виде. Такие стороны электронного правительства, как электронное участие, открытые данные, в России относят к компетенциям электронной демократии, развитие которой в нашей стране находится на начальной стадии.

В то же время в рейтингах Обзора ООН 2014 г. [13] Россия:

по уровню развития онлайн-сервисов имеет показатель 63%,

по уровню развития телекоммуникационной инфраструктуры и ее компонент имеет показатель 0,6413 (максимально — 1),

по индексу человеческого капитала — 0,8388 (максимально — 1),

по индексу электронного участия — 0,6863 (максимально — 1),

по индексу развития электронного правительства занимает 27 место из 193 государств — членов ООН.

Представленные значения показателей являются вполне удовлетворительным количественным результатом.

Качественные же показатели свидетельствуют о том, что в настоящее время российское электронное правительство находится еще на стадии «электронное правительство 1.0» — правительство «дымовых труб» (технологий электронных услуг), в то время как страны из первых строк рейтинга имеют стадию «электронное правительство 2.0» — правительства «без границ».

Электронное правительство России еще далеко от правительства, организованного по сетевому принципу, использующего свой потенциал для совместной с обществом и бизнесом выработки решений проблем стратегического развития. Возможно, условия санкций, в которых оказалась Россия, станут толчком не только к разработке и внедрению новых и эффективных отечественных проектов в области электронного правительства, но и для участия общества в совместной с государственными структурами работе по подготовке решений, а также использования опыта и знаний граждан в государственном управлении, формировании политики и стратегии государственного развития. Как сказал американский исследователь Билл Джой: «За пределами органов власти еще много умных людей».

И практика подтверждает это предположение: несмотря на экономические сложности и вызванное этим сокращение ведомственных ИТ-бюджетов, в 2015 г. государство продолжило реализацию наиболее значимых ИТ-проектов. Среди них дальнейшее развитие единого портала государственных услуг (ЕПГУ) и появление на нем новых государственных сервисов для граждан и бизнеса, создание открытой платформы, представляющей собой набор виджетов федеральных госуслуг, которые можно будет разместить на региональных порталах, а также на коммерческих сайтах. Заработала информационная система «Независимый регистра-

тор», продолжились работы по созданию государственной электронной почты, которая должна заработать уже с начала 2016 г. Практически готова к запуску в промышленную эксплуатацию ГИС ЖКХ.

В условиях сокращения ИТ-бюджетов основными критериями необходимости того или иного проекта являются его экономическая, организационная или социальная эффективность. Государство стремится ко все более активному сотрудничеству с бизнесом на основе модели государственно-частного партнерства. Среди примеров такого сотрудничества — создание систем видеофиксации нарушений, установка инфоматов, разработка сервисов в сфере организации движения общественного транспорта и парковочного пространства, предоставление доступа к государственным системам коммерческим предприятиям и т.п. Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что работа по внедрению технологий электронного правительства продолжается и в условиях санкций.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, подчеркнем, что в настоящее время электронное правительство из технологического проекта все в большей степени превращается в механизм государственного управления, позволяющий реализовать концепции «совместного публичного управления» и «всеохватывающего правительства». Сегодня в России, находящейся в условиях экономического кризиса и сложной внешнеполитической обстановки, усугубленной введенными против нее санкциями, решения «электронного правительства» могут стать существенной частью стратегии инновационных государственных преобразований, позволяющей реализовывать сложные задачи государственного уровня. Приведенные в статье примеры показывают, что работа по внедрению технологий электронного правительства активно продолжается в нашей стране и в условиях санкций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бондаренко С.В.* Постфордистский дискурс экономической эффективности поствеберовской бюрократии «электронного государства» // *Город как пространство современности: экономическая, социальная и культурная повседневность постфордистского города.* Екатеринбург, 2012.
- [2] *Гурова Т.* *Нация-предприниматель* // *Эксперт.* № 36. 13—19 сентября 2010.
- [3] Официальный сайт Всемирного банка. URL: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTINFORMATIONANDCOMMUNICATIONANDTECHNOLOGIES/EXTGOVERNMENT/0,,contentMDK:20507153~menuPK:702592~pagePK:148956~piPK:216618~theSitePK:702586,00.html>.
- [4] *Электронное правительство и демократия* // *Политические сети: теория и методы анализа* / Л.В. Сморгун, А.С. Шерстобитов. М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2014.
- [5] *A Definition of E-Government* // *The World Bank Group.* URL: www1.worldbank.org.
- [6] *Benchmarking E-government: A Global Perspective. Assessing the Progress of the UN Member States* / Department of Economic and Social Affairs, Division for Public Administration and Development Management. New York, 2002. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UN/UNPAN021547.pdf>.

- [7] OECD. The case of e-government: Experts from the OECD Report «The E-government imperative» // OECD Journal on Budgeting. 2003. № 3(1).
- [8] *Pollitt C., Bouckaert G.* Public Management Reform: A Comparative Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- [9] UN Global E-Government Readiness Report 2004. Towards Access for Opportunity // Department of Economic and Social Affairs. Division for Public Administration and Development Management. New York, 2004. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan019207.pdf>.
- [10] UN Global E-Government Readiness Report 2005. From E-government to E-inclusion // Department of Economic and Social Affairs Division for Public Administration and Development Management. New York, 2005. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan021888.pdf>.
- [11] UN Global E-government Survey 2003: E-government at the crossroads // Department of Economic and Social Affairs. Division for Public Administration and Development Management. New York, 2003. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan016066.pdf>.
- [12] United Nations e-Government Survey 2008. From e-Government to Connected Governance // Department of Economic and Social Affairs Division for Public Administration and Development Management. New York, 2008. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan028607.pdf>.
- [13] United Nations E-Government Survey 2014. E-Government for the Future We Want. URL: <http://unpan3.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2014>.

ELECTRONIC GOVERNMENT AS A VECTOR OF INNOVATIVE STATE TRANSFORMATIONS IN RUSSIA

M.Y. Pavlyutenkova

RUDN University
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This article considered conceptual and administrative aspects of the e-government, traces the evolution of the interpretation of the term “the using of information technologies in functioning of public administration” to “collaborative public governance”. It is shown that in Russia, which is in conditions of an economic crisis and a difficult foreign policy situation, strengthened by the sanctions imposed against it, the decisions of “the electronic government” can become essential part of strategy of innovative public administration.

Key words: electronic government, information and communication technologies, electronic government services, innovative public administration, collaborative public governance

REFERENCES

- [1] Bondarenko S.V. Postfordistskij diskurs jekonomicheskij jeffektivnosti postveberovskoj bjurokратии «jelektronnogo gosudarstva». *Gorod kak prostranstvo sovremennosti: jekonomicheskaja, social'naja i kul'turnaja povsednevnost' postfordistskogo goroda*. Ekaterinburg, 2012.
- [2] Gurova T. Nacija-predprinimatel'. *Jekspert*. № 36. 13—19 sentjabrja 2010.

- [3] Oficial'nyj sajt Vsemirnogo banka. URL: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/ TOPICS/EXTINFORMATIONANDCOMMUNICATIONANDTECHNOLOGIES/ EXTEGOVERNMENT/0,,contentMDK:20507153~menuPK:702592~pagePK:148956~piPK: 216618~theSitePK:702586,00.html>.
- [4] Jelektronnoe pravitel'stvo i demokratija. *Politicheskie seti: teorija i metody analiza*. L.V. Smor-gunov, A.S. Sherstobitov. M.: Izdatel'stvo «Aspekt-Press», 2014.
- [5] A Definition of E-Government. *The World Bank Group*. URL: www1.worldbank.org.
- [6] Benchmarking E-government: A Global Perspective. Assessing the Progress of the UN Mem-ber States / Department of Economic and Social Affairs. Division for Public Administration and Development Management. New York, 2002. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UN/UNPAN021547.pdf>.
- [7] OECD. The case of e-government: Experts from the OECD Report «The E-government impera-tive». *OECD Journal on Budgeting*. 2003. № 3(1).
- [8] Pollitt C., Bouckaert G. Public Management Reform: A Comparative Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- [9] UN Global E-Government Readiness Report 2004. Towards Access for Opportunity. *Depart-ment of Economic and Social Affairs. Division for Public Administration and Development Management*. New York, 2004. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan019207.pdf>.
- [10] UN Global E-Government Readiness Report 2005. From E-government to E-inclusion. *De-partment of Economic and Social Affairs Division for Public Administration and Development Management*. New York, 2005. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan021888.pdf>.
- [11] UN Global E-government Survey 2003: E-government at the crossroads. *Department of Eco-nomic and Social Affairs. Division for Public Administration and Development Management*. New York, 2003. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan 016066.pdf>.
- [12] United Nations e-Government Survey 2008. From e-Government to Connected Governance. *Department of Economic and Social Affairs Division for Public Administration and Development Management*. New York, 2008. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan028607.pdf>.
- [13] United Nations E-Government Survey 2014. E-Government for the Future We Want. URL: <http://unpan3.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2014>

@ М.Ю. Павлютенкова

ПРОБЛЕМА СЛОЖНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ВОПРОСАХ: «ВЛАСТЬ В СЕТЯХ» ИЛИ «ВЛАСТЬ СЕТЕЙ»

В.А. Осипов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В данной статье через призму понятия сложности мы рассмотрим современные миграционные процессы, отражающие целый комплекс проблем и особенностей современного мира, и представим кейс развития сетей нелегальной миграции в Греции с их визуализацией с помощью программы UCINET 6.205 (Net-draw 2.097). Характер данного предметного поля во многом предопределяет в работе постановку главных вопросов и проблем: каковы место и потенциал государства в условиях нестабильности, динамичности и нелинейности глобальных и внутригосударственных процессов, способны ли сложившиеся механизмы политической системы сохранять гомеостатическое равновесие и какую роль сыграет быстрое и широкое распространение сетевых отношений и структур и др.

Ключевые слова: миграционная политика, нелегальная миграция, сетевой анализ, сложность, политическая стабильность

При всем нежелании начинать со столь сложной и болезненной темы нам, однако, следует признать, что действительность изменяется быстрее, чем развивается процесс ее научного познания. Она часто оказывается на шаг впереди или неожиданно для нас начинает двигаться совершенно в другом направлении. Методы моделирования, прогнозирования и попытки умозрительного проникновения в будущее, с учетом альтернативности развития нашего мира, о чем писал С.А. Нижников [4], часто оказываются неточными и могут привести к крайне неблагоприятным результатам. Это и невозможность точно спрогнозировать начала грядущих экономических, политических и иных кризисов, которые раз за разом начинались неожиданно и как-то все время не во время (Великая депрессия, Дефолт доллара в 1933 и 1971 г., распад СССР и др.). Это и не воплотившиеся в жизнь идеи наступающего коммунизма или конца истории Френсиса Фукуямы. Но даже если кризисная ситуация является ожидаемым и закономерным следствием определенного ряда событий, общество и государство оказываются к ним неготовыми. К проблемам такого рода можно отнести и миграционный кризис в Европе 2015 г.

Во многом такие научные направления, как синергетика и системный подход, теория сложных сетей [6] в социальных науках, связывают эти трудности с растущим уровнем сложности. Однако феномен сложности не только определяется, но и оценивается в разных случаях по-разному. Так, с одной стороны развитие институтов власти, гражданского общества и их взаимодействия может позволить учитывать большее количество интересов и получать обратную связь в процессе имплементации политики и общими усилиями решать региональные и глобальные конфликты. А с другой чрезмерное и бесконтрольное распространение сетевых структур, проникающих в том числе в органы власти, может приводить к появлению теневых, латентных процессов, лоббистских групп и криминальных схем.

По большому счету, для научного сообщества краеугольным камнем является проблема соотношения простоты и сложности. Однако такая постановка вопроса не будет полной без введения дополнительных социально-гуманитарных критериев, которыми могут быть проблемы эффективности, качества жизни, безопасности, конкурентоспособности и др.

Выбор этих критериев особенно непросто при изучении комплексных и неоднозначных явлений, таких как миграция в условиях глобализованого мира. Если же взглянуть на политическую действительность в контексте сложности, то одной из основных проблем является частичная потеря государством способности выполнять свои основные функции, такие как обеспечение безопасности граждан, инклюзивность при принятии политических решений и др. Все это связано с возрастающей степенью энтропии, постоянным появлением новых акторов, распространением сетевых структур и сетевого образа взаимодействия.

Вышесказанное подводит нас к теме данного доклада, а точнее к вопросам власти в тех условиях, которые были описаны и которые можно наблюдать в современном мире. Итак, перед вами два состояния, представленные в выражениях «Власть в сетях» и «Власть сетей».

Первое выражение будет характеризовать государственную власть, которой приходится функционировать и существовать в условиях наличия огромного множества сетевых структур разного размера, а также ресурсного и семантического наполнения, в которых могут быть найдены как реальный потенциал, так и не менее реальные угрозы. Иными словами — это возможность власти продолжать выполнять свои старые функции управления, распределения ресурсов и принятия политических решений в новых условиях. И хотя ряд таких идей, как концепция *Governance*, — ставят под вопрос актуальность сохранения исторически сложившихся функций государства, работы российских политологов указывают на то, что для целого ряда стран, включая Россию, умаление роли государства искажало бы представления о политической действительности [8].

Второе же — возможность сетей, в силу своих структурных и ресурсных особенностей, а также характера функционирования, влиять на политическую, экономическую и социальную действительность, реализовывать свои интересы и достигать своих целей, навязывать свою волю и в отдельных случаях быть неподконтрольными государству.

Как уже было сказано, сетевой характер отношений, с одной стороны, обладает колоссальным потенциалом, а с другой — может нести в себе серьезные угрозы стабильности и безопасности. Недостаток технологического ресурса и методов анализа сложных сетей, слабости иерархического управления, нарушение принципа субсидиарности и др. ставят государство в сложное положение. Современные волны миграции являются отличным примером несоответствия реального уровня сложности и мер по нивелированию этой сложности для возможности управления и контроля. Причем этот дисбаланс был зафиксирован до начала активных военных операций ИГИЛ в 2015 г. на фоне сирийского политического кризиса и волн массовой миграции из этого региона. Так, уже в 2011—2012 г. были отмечены серьезные сложности с нелегальной миграцией в Греции.

И наконец, диаграмма, отображающая результаты полицейского расследования, выявившего всего одного главного организатора, что вполне могло быть правдой, если бы управление данной нелегальной структурой строилось на принципах иерархии (рис. 3).

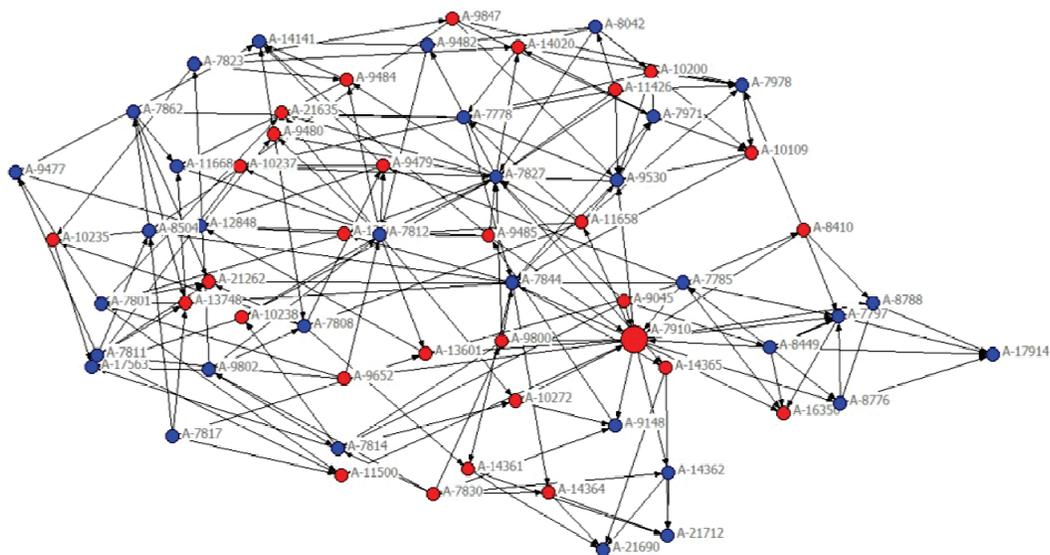

Рис. 3. Диаграмма, отражающая результаты расследования полиции

Сравнительный анализ данных результатов наглядным образом показывает важность понимания действительности, изменяемой под влиянием новых технологий, форм и методов коммуникации, а также необходимость технологического совершенствования научного анализа социальных проблем с целью решения проблемы сложности, скрывающей от нас объективное знание. Как показывает практика, оценка опыта в миграционной политике, учитывая естественные задержки в анализе и учете данных, не всегда помогает справиться с новыми проблемами, непохожими на те, с которыми мы имели дело до этого [2. С. 128—145].

Немало примеров «приручения» сложности в изучении миграционных проблем можно найти и в системном анализе и в теории сетей, в политической философии и в международной политике. Это и синтетическая (или сетевая) теория Дугласа Массей [3. С. 135], и идеи отечественных ученых о «пограничных состояниях» в условиях «лиминальности» и «постколониализма» [5. С. 63—76], и попытки межгосударственных и региональных организаций не допустить бесконтрольности миграционных процессов, о чем говорилось на встрече глав миграционных ведомств стран БРИКС в октябре 2015 г. в г. Сочи [1].

Однако перед научным сообществом и лицами, принимающими ответственные решения, стоит еще немало задач и проблем, связанных с открытыми данными, развитием семантических сетей, цивилизационными и культурными аспектами.

В заключение предлагаем вернуться к тому, с чего мы начали, к вопросу о том, сможем ли мы в будущем адекватно и своевременно оценивать перемены

на микро- и макроуровнях общественной жизни, улавливать формирующиеся тенденции и прогнозировать политические и иные события? Сможем ли мы «приручить» сложность и обернуть ее нам на пользу или «власть сетей» приведет к несостоятельности и невозможности «власти в сетях» как способа контроля, управления и защиты? Ответ на этот вопрос будет одновременно и ответом на то, какое будущее ждет мировое сообщество и каждую страну в отдельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Встреча глав миграционных ведомств стран БРИКС 08.10.2015 г. Сочи, Россия. URL: http://www.archiviofscpo.unict.it/europa/JM_OC/march2011_Grammatikakis.pdf.
- [2] *Лялина А.В.* Опыт наднациональной политики интеграции мигрантов ЕС // Научный журнал изд. Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 2014. № 2.
- [3] *Массей Д.* Синтетическая теория международной миграции // Сборник «Мир в зеркале международной миграции»: Научная серия: международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. М., 2002. Вып. 10.
- [4] *Нижников С.А.* Мораль и политика в контексте духовных и интеллектуальных традиций. М.: ИНФРА-М, 2014.
- [5] *Сморгунов Л.В.* Трансформация политического в сетевом пространстве // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: Научное издание / под редакцией Л.В. Сморгунова. (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы»). Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной). М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015.
- [6] *Barabasi A.L., Jeong H., Neda Z., Ravasz E., Schubert A., Vicsek T.* Evolution of the Social Network of Scientific Collaborations // *Physica*. 2002. A 311.
- [7] *Georgios Grammatikakis* Illegal Immigration in Greece. Social Network Analysis in Criminal Networks. URL: http://www.archiviofscpo.unict.it/europa/JM_OC/march2011_Grammatikakis.pdf.
- [8] *Kinyakin A.A.* Les oligarques dans la Russie contemporaine: de la «capture» de l'État à leur mise sous tutelle // *Revue internationale de politique compare*. 2013. Vol. 20. № 3.

THE PROBLEM OF COMPLEXITY IN THE MODERN MIGRATION: «POWER IN NETWORKS» OR «POWER OF NETWORKS»

V.A. Osipov

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article aims at the modern immigration problems through the concept of complexity. The paper includes the case study of social network analysis of illegal migration in Greece made and visualized in UCINET program v. 6.205 (Net-draw v. 2.097). The specific character of modern immigration reflects the number of problems and features of the modern world as well as political processes. Due to this the article touches upon crucial questions such as what is a place and role of a state in conditions of Instability and nonlinearity on supranational and domestic levels; are the mechanisms of

political system able to maintain homeostatic balance and what is the role of the rapid and wide-spread network types of relations and structures; and others.

Key words: migration policy, illegal migration, network analysis, complexity, political stability

REFERENCES

- [1] Vstrecha glav migracionnyh vedomstv stran BRIKS 08.10.2015 g. Sochi, Rossiya. URL: http://www.archiviofscpo.unict.it/europa/JM_OC/march2011_Grammatikakis.pdf.
- [2] Lyalina A.V. Opyt nadnacional'noj politiki integracii migrantov ES. *Nauchnyj zhurnal izd. Baltijskij federal'nyj universitet im. Immanuila Kanta*. Kaliningrad, 2014. № 2. S. 128—145.
- [3] Massej D. Sinteticheskaya teoriya mezhdunarodnoj migracii. «*Mir v zerkale mezhdunarodnoj migracii*»: *Nauchnaya seriya: mezhdunarodnaya migraciya naseleniya: Rossiya i sovremennyy mir*. Gl. red. V. A. Ioncev. M., 2002. Vyp. 10.
- [4] Nizhnikov S.A. Moral' i politika v kontekste duhovnyh i intellektual'nyh tradicij. M.: INFRA-M, 2014.
- [5] Smorgunov L.V. Transformaciya politicheskogo v setevom prostranstve. *Rossiyskaya politicheskaya nauka: Idei, koncepcii, metody*. Pod redakciej L.V. Smorgunova (Seriya «Rossijskaya politicheskaya nauka: Istoki i perspektivy»). Pod. obshch. red. O.V. Gaman-Golutvinoj). M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015.
- [6] Barabasi A.L., Jeong H., Neda Z., Ravasz E., Schubert A., Vicsek T. Evolution of the social network of scientific collaborations. *Physica*. 2002. A 311.
- [7] Georgios Grammatikakis Illegal immigration in Greece. Social network analysis in criminal networks. URL: http://www.archiviofscpo.unict.it/europa/JM_OC/march2011_Grammatikakis.pdf.
- [8] Kinyakin A.A. Les oligarques dans la Russie contemporaine: de la «capture» de l'État à leur mise sous tutelle. *Revue internationale de politique comparée*. 2013. Vol. 20. № 3.

@ В.А. Осипов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЦАРСКИХ РЕЗИДЕНЦИЯХ XVII В.: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ*

А.В. Топычканов

МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский просп., 27, Москва, Россия, ГСП-1, 119991

Переход к Новому времени характеризуется возникновением и развитием культуры резиденций правителей. Благодаря использованию конструктивистского подхода к изучению политического пространства царских загородных резиденций XVII в. удалось установить, что верховная власть была заинтересована в иерархизированном представительстве всех социальных групп, тотализации иерархической структуры, подчеркивающей ее связность, единство и целостность, наделении политической субъектностью исключительно царя. Успех конструирования политического пространства зависел не только от использования нормативных, социальных, пространственных и иных способов организации межличностных отношений, но и от формирования в отсутствие государя политического пространства, имитирующего подлинное политическое пространство и точно определяющего все позиции внутри иерархической структуры, в том числе и самого государя.

Ключевые слова: конструктивизм, политическое пространство, царская резиденция, XVII век, иерархия

В результате проблематизации ключевых понятий, служивших для описания политического процесса в прошлом (1), исследователь вынужден обращаться к современным теоретическим подходам и в частности к теориям власти, описывающим способы ее репрезентации как культурной и социальной практики.

Пространственный поворот в социальных и гуманитарных науках открыл ряд новых возможностей для изучения пространственных аспектов этих практик [27; 30; 19; 28]. Однако ключевое понятие — «политическое пространство» — по-прежнему нуждается в рефлексии [24; 29]. В данной статье операционные воз-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-L03-50107. Текст статьи предварительно был обсужден на платформе Academia.edu. Автор выражает глубокую признательность всем участникам обсуждения, особенно В.А. Белоброву, А.Ю. Каратееву и Н.В. Соколовой за ценные замечания.

возможности этого понятия апробируются при изучении феномена власти в России XVII в. и ее репрезентации в царских загородных резиденциях.

Обращение к резиденциям обусловлено тем, что их возникновение и развитие является характерной чертой перехода к Новому времени. Этим понятием обозначают место постоянного пребывания правителя, выполняющее представительные функции. В России резиденции возникли на рубеже XV—XVI вв., одновременно с распространением этого явления на Западе [17. Р. 11.], однако во время Смуты начала XVII в. система царских загородных резиденций была полностью уничтожена.

Первые Романовы, особенно царь Алексей Михайлович, восстановили большинство усадеб последних Рюриковичей и выстроили новые. К концу XVII в. насчитывалось 22 резиденции с дворцами или «избушками для государевых пришествий», не считая дворцов в Троице-Сергиевом, Саввино-Сторожевском, Новодевичьем и других монастырях.

Начиная с 1640-х гг. Романовы проводили значительную часть теплого времени года, переезжая из одной резиденции в другую. В их отсутствие загородные дворцы стояли пустыми: здесь находилась только мебель и занавесы на окнах. Помещения наполняли всем необходимым перед приходом царской семьи.

Таким образом, российские резиденции XVII в. обладали некоторыми чертами кочевой культуры (2). Ее изучение позволяет проследить за процессом конструирования политического пространства, отказавшись от кантианской абсолютизации категории пространства и эссенциалистской уверенности в существовании стабильных пространственных и социальных структур (3).

Политическое пространство царских резиденций имело два измерения: физическое и социальное [9. С. 16—21]. Согласно первому выделялись следующие зоны: государево или дворцовое село (4) — государев двор — передние помещения дворца (переднее крыльцо, сени, первые комнаты) — внутренние помещения дворца.

Социальная стратификация довольно точно соответствовала структуре физического пространства. Царь со своей семьей жил во внутренних помещениях дворца в окружении придворных и слуг, а также некоторых членов Боярской думы. Остальные думцы регулярно приезжали в загородные резиденции для докладов и участия в заседаниях думы и различных боярских комиссий, которые собирались в передних помещениях дворца.

По периметру государева двора размещалась дворянская и стрелецкая охрана. Представители остальных сословий находились преимущественно за пределами государева двора. Редко на территорию двора допускались крестьяне и посадские люди для выполнения хозяйственных работ. Лишь в нескольких резиденциях к дворцу примыкали домовые храмы, а рядом, по периметру государева двора, располагались приказные помещения: в первых служило местное духовенство, а во-вторых — местные и приезжие приказные люди.

Таким образом, в присутствии государя в резиденции наблюдалось представительство всех социальных групп. Однако возникает вопрос, существовала ли эта иерархическая социальная структура до появления царской семьи, придворных, дворцовых слуг и охраны?

До приезда царя в большинстве загородных резиденций находился административный аппарат (сотрудники приказов большого дворца и тайных дел, выбранные из крестьян целовальники и сторожа), мастера (чаще всего плотники), местное духовенство и крестьяне. Все они хорошо осознавали, что проживают на территории царской резиденции (5). Их повседневная жизнь протекала бок о бок с государевым двором и дворцом. Например, крестьяне молились перед иконами святых — покровителей членов царской семьи (6), были знакомы с представителями местной администрации (приказчиками, подьячими), видели придворных и дворцовых слуг, приезжавших для подготовки дворца к проживанию царской семьи [2; 3. С. 60—101].

Таким образом, еще до появления государя в резиденции возникали социальные отношения, которые имитировали будущее политическое пространство, выступали его прообразом или копией (назовем его «пространство-имитант»).

В пространстве-имитанте над крестьянской общиной и местной администрацией надстраивалась административная вертикаль, которая для дворцовых сел выглядела так: приказчик — Приказ Большого дворца — Боярская дума — царь, а для государевых сел: приказчик — Приказ Тайных дел — царь. Замещение номинальной административной вертикали реальной иерархической структурой во главе с монархом происходило по принципу матрешки: царь и его окружение занимали пустовавшее место государева двора, находившегося в центре резиденции, а на месте номинальных руководителей приказов, чьи имена воспроизводились в делопроизводстве местной приказной избы, появлялись реальные люди.

Таким образом, пространство-имитант указывало на будущую конфигурацию, определяющую позиции всех акторов политического пространства, включая царя. В присутствии государя номинальная административная вертикаль превращалась в реальные иерархические отношения, подобно тому, как современные коммуникации переходят из онлайн в офлайн и обратно. Отсутствие противоречий между пространством-имитантом и подлинным политическим пространством позволяло легко переключаться от одного к другому (табл. 1).

Таблица 1

**Социальная структура пространства-имитанта
и подлинного политического пространства в царских резиденциях XVII в.***

Уровень власти	Пространство-имитант (резиденции в ведении Приказа Большого дворца и Приказа Тайных дел)		Подлинное политическое пространство
Верховная власть	Царь		Царь
	Царская семья		Царская семья
	Придворные		Придворные
Центральное управление	Боярская дума	Тайный приказ	Представители Боярской думы
	Приказ Большого дворца		
Местное управление	Приказчик, подьячие		
Дворец	Дворцовые слуги		
	Охрана**		Дворяне и стрельцы
Община	Крестьяне		

Примечания: *Выделены те, кто мог контактировать лицом к лицу.

**Данные об охране загородных дворцов в отсутствие государя пока не выявлены.

Таким образом, при конструировании политического пространства верховная власть была заинтересована не просто в иерархизированном представительстве всех социальных слоев, но в тотализации этой иерархической структуры, подчеркивающей ее связность, единство и целостность, что обеспечивало верховенство царской власти. Это было естественно для эпохи, когда монарх одновременно выступал и как правитель, и как квинтэссенция территориального государства, которым он управлял [25. Р. 334; 7. С. 12—74.].

Указанная тотализация, например, проявлялась в том, что на протяжении XVII в. верховная власть сознательно отказывалась от дифференциации царской резиденции и сельского поселения и называла свои резиденции по именам сел, в которых они располагались. Причем резиденции размещались в непосредственной близости от сел, а площадь перед государевым двором являлась главной сельской площадью, где проходил крестьянский сход и велась торговля. Только в Измайловской резиденции 1660-х гг. начался процесс отделения сельского поселения от государева двора: село было перенесено на противоположный берег реки Измайловки (Серебрянки), однако приказная изба и, вероятно, место сельского схода были оставлены близ государева двора.

Описанная иерархическая система предполагала, что только верховной власти принадлежало право структурировать политическое пространство. Несмотря на присутствие всех социальных групп, неверно было бы утверждать, что государь и его подданные образовывали единое политическое тело [23. Р. 237—240.].

Приказное делопроизводство, освещающее повседневную жизнь резиденций, говорит только о тех, кто коммуницирует с властью и ее агентами, и тех, кто исключен из этой коммуникации, то есть приговорен к тому или иному наказанию. Все они находились в сфере действия самой верховной власти, наделенной и наделявшей субъектностью. Вне этой сферы оказывались не допущенные на аудиенцию, челобитчики, чьи челобитные подолгу не принимали, местные жители — об этих людях мы узнаем только тогда, когда они вступали в упомянутые отношения с представителями верховной власти.

Таким образом, большинство присутствующих в резиденциях оказывается в тени. Это феномен можно рассматривать как проявление симметрии суверен — политический человек [1], которая в действительности заложена в самом дискурсе власти, структурирующей политическое пространство именно таким образом. Недостаток источников других видов (прежде всего личных документов и судебно-следственных дел, позволяющих выработать собственные стратегии высказывания и тематизации окружающего мира) создает трудности для преодоления представлений, навязанных этим дискурсом. Но и эти источники в рассматриваемый период возникают преимущественно в результате коммуникации с верховной властью (7), возможно по причине доминирования вертикальной коммуникации в сфере письменности.

К середине XVII в. верховная власть уже считала недостаточными традиционные социальный, пространственный, архитектурный, церемониальный и прочие способы конструирования политического пространства. Третья глава Соборного уложения 1649 г. ввела нормы, защищающие «честь государева двора», в том чис-

ле «не при государе» (ст. 5) и «где изволит царское величество во объезде быти» (ст. 6, 7).

Авторы главы развили положения Литовского статута 1588 г., заменив оскорбление короля на оскорбление чести государева двора [8. С. 155—157].

В других странах Европы можно наблюдать подобное отношение к территории резиденции. Так, например, мадридский двор испанского короля Филиппа II даже в отсутствие короля считался резиденцией, потому что содержал в себе «остаток власти» [17. Р. 11]. Введение понятия «честь государева двора» должно было обеспечить стабильность перехода от пространства-имитанта к подлинному политическому пространству.

Вместе с тем это соответствует тенденции к усилению представительных возможностей царских резиденций, что было характерно для царствования Алексея Михайловича и затем его наследников и наибольшей степени выразилось в оформлении Коломенского дворца.

Таким образом, верховная власть была заинтересована в постоянном воспроизводстве иерархически организованного политического пространства, в котором она занимала центральное место [26. S. 105—144]. В этом пространстве политической субъектностью обладал лишь царь и реже члены его семьи, а остальные обезличено представляли свои социальные группы, демонстрируя «людность». «Моментальное» конструирование политического пространства при въезде царя в резиденцию было возможно в силу того, что в отсутствие государя воспроизводилось пространство-имитант, задававшее позиции всех акторов будущего политического пространства, включая самого царя.

Одновременное использование нормативных, социальных, пространственных, архитектурных, церемониальных и иных способов конструирования политического пространства позволяло рутинизировать этот процесс, уменьшив возможность переозначивания знаков этого пространства. Учитывая степень влияния этого способа на положение подданных в пространстве, их поведение и организацию их повседневной жизни, такой вариант конструирования политического пространства можно отнести к биополитике [13].

Описанная модель конструирования политического пространства безусловно имела ограниченное использование. Она работала только при условии, если подданные следовали нормативно санкционированному и социально приемлемому поведению, т.е. строго придерживались своих позиций в иерархически организованном обществе [16]. Переозначивание знаков политического пространства могло привести к конкуренции и конфликтам, в том числе между различными иерархическими структурами, например между Нарышкиными и Милославскими, дворами царя Петра и царевны Софьи. Верховная власть часто поддерживала существование конкурирующих иерархий, которые были ей необходимы, чтобы «разделять и властвовать» [21. Р. 137—158]. Однако в подмосковных загородных резиденциях, где было трудно обеспечить безопасность царской семьи [10. С. 145—157], верховная власть была занята укреплением лишь одной иерархии, во главе которой находился исключительно российский самодержец.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См., например, дискуссии вокруг понятий «феодализм» [6], «абсолютизм» [14], «Раннее Новое время» [20] и т.д.
- (2) О современных подходах к изучению номадизма см.: [11. С. 53—81].
- (3) Конструктивистский подход к пространству прошел длительную эволюцию от бихевиоризма к постструктурализму и акторно-сетевой теории. В качестве введения в конструктивистский подход к пространству см.: [23, особенно Part. 3].
- (4) Государево село находилось в ведомстве Приказа тайных дел, дворцовое — Приказа большого двора.
- (5) Наиболее изучены представления черносошных крестьян о государственной земле в Поморье [23. С. 265 и далее].
- (6) Подобные иконы находились в сельском храме в Измайлове [12. С. 190—197].
- (7) См., например, комплекс документов XVII в. села Дьякова [МГОМЗ. Фонд книги; 4. С. 17—30; 5. С. 41—57.], Приходо-расходная книга мирского старосты Игнатия Трофимова деревни Щитникова 1708/09 г. [РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Кн. 545. Л. 1—14 об.] и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.
- [2] Заозерский А.И. Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. 2-е просм. и испр. изд. М., 1937.
- [3] Ильина М.Н. Крестьяне Коломенской дворцовой волости в XVII в. // Государево село Коломенское и его жители / Под ред. Е.А. Верховской. М.: МГОМЗ, 2007.
- [4] Нефедова Е.С. Выписи 1675—1677, 1696 годов с межевых и писцовых книг дворцовой Коломенской волости // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 4. М.: ГМЗК, 1993.
- [5] Нефедова Е.С. Рыбный промысел в Коломенской дворцовой волости во второй половине XVII в. // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 6. М.: ГМЗК, 1995.
- [6] Одиссей: Человек в истории. 2006 / Гл. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 2006.
- [7] Скиннер К. The State / Пер. Д. Федотенко // Понятие государства в четырех языках: Сборник статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.
- [8] Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / Рук. А.Г. Маньков. Л.: Наука. Ленинградское отд-е, 1987.
- [9] Топычканов А.В. «Государев двор» дворцовой усадьбы во второй половине XVII в. и его посетители // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 11. М.: МГОМЗ, 2008.
- [10] Топычканов А.В. Кремлевская резиденция vs подмосковные резиденции: зоны конфликта во второй половине XVII в. // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сб. статей / Отв. ред. М.В. Лескинен, О.В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
- [11] Ушакин С. О людях пути: номадизм сегодня: Введение к форуму приглашенного редактора // Ab Imperio. 2012. № 2.
- [12] Филатов В.В. Иконы XVII—XVIII веков — покровители царей Романовых в храме Рождества Христова в Измайлове // Искусство христианского мира: Сборник статей / Отв. ред. А.А. Воронова. Вып. 4. М.: Изд-во ПСТБИ, 2000.
- [13] Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году / Пер. с фр. Н.В. Суслова, А.В. Шестакова, В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2011.
- [14] Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003.

- [15] *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М.: Археографический центр, 1997.
- [16] *Элиас Н.* Придворное общество: Исследование по социологии короля и придворной аристократии: Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- [17] *Adamson J.* The Making of the Ancien-Regime Court, 1500—1700 // The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien-Regime Court, 1500—1700 / Ed. J Adamson. London: Seven Dials, 2000.
- [18] *Allen J.* Lost Geographies of Power. Oxford: Blackwell, 2003.
- [19] Approaches to Human Geography / Eds. S. Aitken and G. Valentine. London: Sage, 2006.
- [20] Die Frühe Neuzeit in der Geschichtswissenschaft: Forschungstendenzen und Forschungserträge / Hg. N. Boskowska-Leimgruber. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1997.
- [21] *Duindam J.* Myths of Power: Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1995.
- [22] *Harvey D.* Justice, Nature and the Geography of Difference. Oxford: Blackwell, 1996.
- [23] *Kharkhordin O.* What is the State? The Russian Concept *Gosudarstvo* in the European Context // History and Theory. 2001. Vol. 40. № 5.
- [24] Political Space in Pre-industrial Europe / Ed. B. Kümin. Aldershot: Ashgate, 2009.
- [25] *Post G.* Studies in Medieval Legal Thought: Public Law and the State, 1100—1322. Princeton: Princeton University Press, 1964.
- [26] *Seggern H. von.* Die Theorie der “Zentralen Orte” von Walter Christaller und die Residenzbildung // Hof und Theorie: Annäherungen an die historische Phänomen / Hg. R. Butz, J. Hirschbiegel, D. Willoweit. Köln: Böhlau, 2004.
- [27] *Soja E.W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1989.
- [28] Spatial Turn: Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / Hg. J. Döring, T. Thielmann. Bielefeld: Transcript, 2008.
- [29] The Uses of Space in Early Modern History / Ed. P. Stock. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
- [30] Thinking Space / Eds. M. Gang and N. Thrift. London: Routledge, 2000.

CONSTRUCTING POLITICAL SPACE IN THE TSAR RESIDENCES OF THE 17TH CENTURY: AN ESSAY ON ITS THEORETICAL ANALYSIS

A.V. Topychkanov

Lomonosov Moscow State University
Lomonosov ave., D. 27, Moscow, Russia, GSP-1, 119991

The transition to Modernity was characterized by the emergence and development of the culture of sovereigns' residences. The constructivist approach to the study of the political space of the tsar country residences of the 17th century allow to establish that the sovereign was interested 1) in a hierarchic representation of all social groups, 2) in totalizing a hierarchical structure, underlining its coherence, unity and integrity, 3) that only tsar was endowed by political subjectivity. The success of the construction of political space was depended not only by the use of legal, social, spatial and other ways of organizing interaction, but also by the formation of political space (in the absence of the

sovereign) that simulates a real political space and specifies all the positions within the hierarchical structure, including the tsar.

Key words: constructivism, political space, tsar residence, 17th century, hierarchy

REFERENCES

- [1] Agamben J. Homo sacer. Suverennaia vlast' i golaia zhizn'. M.: Evropa, 2011.
- [2] Zaozerskii A.I. Tsarskaia votchina XVII v. Iz istorii khoziaistvennoi i prikaznoi politiki tsaria Alekseia Mikhailovicha. 2-e prosm. i ispr. izd. M., 1937.
- [3] Il'ina M.N. Krest'iane Kolomenskoi dvortsovoi volosti v XVII v. *Gosudarevo selo Kolomenskoe i ego zhiteli* / Pod red. E.A. Verkhovskoi. M.: MGOMZ, 2007.
- [4] Nefedova E.S. Vypisi 1675—1677, 1696 godov s mezhevykh i pistovykh knig dvortsovoi Kolomenskoi volosti. *Kolomenskoe: Materialy i issledovaniia*. Vyp. 4. M.: GMZK, 1993.
- [5] Nefedova E.S. Rybnyi promysel v Kolomenskoi dvortsovoi volosti vo vtoroi polovine XVII v. *Kolomenskoe: Materialy i issledovaniia*. Vyp. 6. M.: GMZK, 1995.
- [6] Odissei: Chelovek v istorii. 2006. Gl. red. A.Ia. Gurevich. M.: Nauka, 2006.
- [7] Skinner Q. The State / Per. D. Fedotenko. *Poniatie gosudarstva v chetyrekh iazykakh: Sbornik statei*. Pod red. O. Kharkhordina. SPb.; M.: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge: Letnii sad, 2002.
- [8] Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Tekst, kommentarii. Ruk. A.G. Man'kov. L.: Nauka. Leningradskoe otd-e, 1987.
- [9] Topychkanov A.V. «Gosudarev dvor» dvortsovoi usad'by vo vtoroi polovine XVII v. i ego posetiteli. *Kolomenskoe: materialy i issledovaniia*. Vyp. 11. M.: MGOMZ, 2008.
- [10] Topychkanov A.V. Kremlevskaia rezidentsiia vs podmoskovnye rezidentsii: zony konflikta vo vtoroi polovine XVII v. *Romanovy v doroge. Puteshestviia i poezdki chlenov tsarskoi sem'i po Rossii i za granitsu: Sb. statei*. Otv. red. M.V. Leskinen, O.V. Khavanova. M.; SPb.: Nestor-Istoriia, 2016.
- [11] Ushakin S. O liudiakh puti: nomadizm segodnia: Vvedenie k forumu priglashennogo redaktora. *Ab Imperio*. 2012. № 2.
- [12] Filatov V.V. Ikony XVII—XVIII vekov — pokroviteli tsarei Romanovykh v khrame Rozhdestva Khristova v Izmailove. *Iskusstvo khristianskogo mira: Sbornik statei* / Otv. red. A.A. Voronova. Vyp. 4. M.: Izd-vo PSTBI, 2000.
- [13] Foucault M. Bezopasnost', territorii, naselenie: Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977—1978 uchebnom godu. Per. s fr. N.V. Suslova, A.V. Shestakova, V.Iu. Bystrova. SPb.: Nauka, 2011.
- [14] Henshall N. Mif absolutizma. Peremeny i preemstvennost' v razvitii zapadnoevropeiskoi monarkhii rannego Novogo vremeni. SPb.: Aleteia, 2003.
- [15] Shveikovskaia E.N. Gosudarstvo i krest'iane Rossii. Pomor'e v XVII v. M.: Arkheograficheskii tsentr, 1997.
- [16] Elias N. Pridvornoe obshchestvo: Issledovanie po sotsiologii korolia i pridvornoj aristokratii: Per. s nem. M.: Iazyki slavianskoi kultury, 2002.
- [17] Adamson J. The Making of the Ancien-Regime Court, 1500—1700. *The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien-Regime Court, 1500—1700*. Ed. J Adamson. London: Seven Dials, 2000.
- [18] Allen J. Lost Geographies of Power. Oxford: Blackwell, 2003.
- [19] Approaches to Human Geography. Eds. S. Aitken and G. Valentine. London: Sage, 2006.
- [20] Die Frühe Neuzeit in der Geschichtswissenschaft: Forschungstendenzen und Forschungserträge. Hg. N. Boskowska-Leimgruber. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1997.
- [21] Duindam J. Myths of Power: Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1995.

- [22] Harvey D. *Justice, Nature and the Geography of Difference*. Oxford: Blackwell, 1996.
- [23] Kharkhordin O. What is the State? The Russian Concept Gosudarstvo in the European Context. *History and Theory*. 2001. Vol. 40. No. 5.
- [24] *Political Space in Pre-industrial Europe*. Ed. B. Kümin. Aldershot: Ashgate, 2009.
- [25] Post G. *Studies in Medieval Legal Thought: Public Law and the State, 1100—1322*. Princeton: Princeton University Press, 1964.
- [26] Seggern H. von. Die Theorie der “Zentralen Orte” von Walter Christaller und die Residenzbildung. *Hof und Theorie: Annäherungen an die historische Phänomen*. Hg. R. Butz, J. Hirschbiegel, D. Willoweit. Köln: Böhlau, 2004.
- [27] Soja E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London: Verso, 1989.
- [28] *Spatial Turn: Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften*. Hg. J. Döring, T. Thielmann. Bielefeld: Transcript, 2008.
- [29] *The Uses of Space in Early Modern History*. Ed. P. Stock. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
- [30] *Thinking Space* / Eds. M. Gang and N. Thrift. London: Routledge, 2000.

@ А.В. Топычканов

ЛИБЕРАЛЫ «РУССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» В КОНЦЕ 1860 — НАЧАЛЕ 1880-Х ГГ.: ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ

Я.В. Таймасова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется процесс оформления идейной платформы газеты «Русские ведомости» в лице ее либеральных публицистов и редакторов. Во второй половине XIX в. газета была известна российскому читателю как профессорская, независимая и земская. Автор изучает персональный состав редакции «Русских ведомостей», выявляет характер редакционной политики и особенности либеральной программы. Изучение деятельности газеты показало, что первоначально она не имела определенного направления, но с переходом в руки Н.С. Скворцова приобрела либеральный характер. Новый этап деятельности газеты был связан с формированием интеллектуальной команды в середине 1870-х гг., участвовавшей в Гейдельбергском съезде, и представленной профессорами А.С. Посниковым, А.И. Чупровым и др. В середине 1870-х гг. издание приобретает «профессорский характер», выступает в качестве органа общественной экспертизы по важнейшим проблемам пореформенного развития страны. Анализ экономических взглядов И.К. Бабста, А.С. Посникова, А.И. Чупрова показывает, что, будучи западниками, они являлись противниками слепого копирования европейских экономических институтов, не верили в силу рыночного регулирования экономики, были противниками абсолютизации индивидуального начала. Для программы экономистов-либералов «Русских ведомостей» был характерен отчетливый демократизм, служение интересам народа.

Ключевые слова: либерализм, социализм, община, государственное вмешательство в экономику, конституция, земское самоуправление, журналистика

В современной политологической и исторической литературе до последнего времени не утихают дискуссии о типологии и моделях отечественного либерализма. В этом контексте объясним интерес к либеральной, «профессорской» газете «Русские ведомости», которая почти полвека воздействовала на общественное мнение российского общества, объединяя своей издательской деятельностью весьма значительные либеральные силы.

Однако историографическая судьба издания оказалась незавидной. До революции 1917 г. идейная роль газеты специально изучалась лишь В.А. Розенбергом [6], историком отечественной журналистики и прессы. В современной историографии общественно-политическую позицию газеты изучала лишь Н.Д. Середа [8]. Концептуально важны емкие работы Н.Б. Хайловой об известных либералах-экономистах «Русских ведомостей» — А.С. Посникове, А.И. Чупрове [9; 10]. К сожалению, Н.Б. Хайлова не анализировала программу «Русских ведомостей».

До сих пор остается неясным характер либерализма газеты, не определено место издания в отечественном либерализме. Вопрос о характере отечественного либерализма до сих пор остается актуальным в отечественном научном дискурсе [13—15]. С этой точки зрения представляется не только оправданным, но и акту-

альным рассмотрение как общественно-политических взглядов ее редакторов, так и редакционной политики «Русских ведомостей».

Цель предлагаемой статьи состоит в выяснении персонального состава редакции и оценки общественно-политических взглядов редакции газеты и выяснении идеологической платформы публицистов, активно сотрудничавших с газетой.

Анализируя обстоятельства возникновения газеты, обратим внимание на то, что газета «Русские ведомости» была основана в 1863 г. издателем Н.Ф. Павловым и до 1866 г. находилась под его руководством [6. С. 70]. До образования газеты Павлов издавал «Наше время», в котором участвовал Б.Н. Чичерин и Ф.М. Дмитриев. После того, как «Наше время» прекратило свое существование, Н.Ф. Павлову при содействии министра внутренних дел Валуева удалось организовать небольшую газету «Русские ведомости» [5. С. 64].

Воспоминания А.С. Посникова, одного из редакторов, проливают свет на довольно драматичные обстоятельства появления «Русских ведомостей» в отечественной журналистике. С момента появления газеты дела у нее сразу не заладились. У нас нет сведений, что Павлов проводил какую-то определенную идеологическую линию. Сам издатель не прилагал должных усилий для развития газеты, препоручал заботы по оперативному управлению и редакционной работе молодому сотруднику Н.С. Скворцову. «Скворцов (тогда сотрудник газеты — *Я.Т.*) рассказывал, как трудно сотрудникам было получать жалование. Павлов имел хорошее состояние, но был страстным игроком. Дела Павлова в газете были всегда в расстройстве...», — пишет А.С. Посников [5. С. 64].

После смерти Н.Ф. Павлова в 1864 г. газета перешла в его сыну Ипполиту Николаевичу, а редактором стал 25-летний сотрудник Н.С. Скворцов. Но И.Н. Павлова газета особенно не интересовала, его привлекала в большей степени педагогика, и он возглавлял издание недолго. Фактически во главе газеты встал Н.С. Скворцов, осуществляя руководство ею до самой своей смерти. «Скворцов был человек во многом оригинальный... Происходил из дворян Костромской губернии и по окончании курса в местной гимназии поступил сперва в Ярославский Демидовский лицей, а через короткое время на историко-филологический факультет Московского университета. Скромный и трудолюбивый юноша, он нуждался в средствах к жизни. И будучи, уже на старших курсах университета, получил предложение работать в газете Н.Ф. Павлова — «Наше время» [5. С. 65].

При Скворцове перемены стали разительными. Тиражи неуклонно росли, она стала ежедневной. Молодой и энергичный редактор смог сформировать провинциальных корреспондентов, ставших «гордостью и несомненной силой газеты» [1. С. 65]. Об общественном облике издания в середине 1860-х гг. емко сообщает Гиляровский в очерке «Москва газетная». «Русские ведомости»! — Наша профессорская газета, — называла ее либеральная интеллигенция. — Крамольники! — шипели черносотенцы. — Орган революционеров. — определил департамент полиции. Газета имела своего определенного читателя. Коренная Москва, любившая легкое чтение и уголовную хронику, не читала ее... Газета сразу встала в оппо-

зицию «Московским ведомостям» М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева. В газете появились: Н. Щепкин, Н. Киселев, П. Самарин, А. Кошелев, Д. Шумахер, Н. Кетчер, М. Демидов, В. Кашкадамов и С. Гончаров, брат жены Пушкина. Это были либеральные гласные Городской думы, давшие своим появлением тон газете навсегда» [2].

Состав журналистов, сотрудничавших с газетой, довольно точно определяет ее характер как либерального издания. Важным направлением в ее деятельности становится отражение проблем внутренней жизни страны. «Несомненно одно, что „Русские ведомости“ уже с самой первой поры своего существования уделяли значительную долю своего внимания нашей внутренней жизни и стойко вели борьбу с цензурой всех видов» [5. С. 65].

Второй большой отдел газеты был посвящен деятельности Московской городской думы. Газета регулярно публиковала отчеты о ее заседаниях. «Немалое значение имела и начавшие появляться в газете отчеты о заседаниях новых судов, возбуждавших огромный интерес, особенно когда воспроизводились речи известных обвинителей и адвокатов» [5. С. 66]. Вполне естественно, что на страницах газеты печатались тогдашние адвокаты князь А.И. Урусов, Ф.Н. Плевако. «Сделав освещение деятельности молодых наших общественных и новых судебных учреждений как-бы главным пунктом своей программы...» [6. С. 73].

Основная тяжесть работы лежала, впрочем, на плечах редактора Н.С. Скворцова. В состав команды «Русских ведомостей» вошли известные общественные деятели и публицисты: «Н.С. Скворцов сумел привлечь лучшие литературные силы. Вошли в число постоянных сотрудников А.И. Урусов, впоследствии знаменитый адвокат, А.И. Чупров, В.М. Соболевский, А.С. Постников, А.П. Лукин, М.А. Саблин, В.С. Пагануцци, И.И. Янжул, Б.Н. Чичерин, И.К. Бабст, М.А. Воронов, А.И. Левитов, Г.И. Успенский», — отмечает Гиляровский [10].

Несмотря на свой либеральный характер, газета все-таки не имела четкой программы деятельности и направления [5. С. 67]. Определенной вехой в развитии газеты в этот период стало обретение ею бесцензурного статуса. После смерти Павлова Скворцов переводит редакцию в новое помещение, на ул. Полянку у Малого Каменного моста, в дом князей Трубецких. 6 апреля 1865 г. были утверждены Временные правила для изданий, освобожденных от предварительной цензуры. С сентября 1865 г. ряд изданий вышли без предварительной цензуры при условии внесения залога. 3 мая 1866 г. вышел первый номер газеты без обычной тогда надписи: «Дозволено цензурой», а с 1 января 1868 г. «Русские ведомости» становятся ежедневной газетой [5. С. 70]. Привлечение к сотрудничеству известных либералов постепенно придавало газете «идейное лицо», формировалась общественно-политическая позиция издания.

Среди сотрудников, повлиявших на идеологический облик газеты, несомненно, был профессор И.К. Бабст, блистательный ученик Т.Н. Грановского. «...С 1870-х гг. он время от времени помещал статьи в „Русских ведомостях“» [12. С. 479]. Наиболее известными и «остроумными» считались его «Письма о банках», вышедшие особой брошюрой в 1873 г.

Бабст занимал различные ответственные посты. В 1864—1868 гг. он состоял директором Лазаревского института восточных языков, а в 1867 г. вступил в управление Московским кредитным банком [12. С. 479].

Научную карьеру И.К. Бабст начал с изучения античной истории, подготовив магистерскую диссертацию. Но, несмотря на помощь Т.Н. Грановского, известного либерального историка, ученым-историком не стал. И.К. Бабст был приглашен в Казанский университет для преподавания политической экономики и статистики. Там же он защитил новую диссертацию «Джон Ло или финансовый кризис Франции». По результатам защиты ему была присвоена степень доктора исторических наук, политической экономии и статистики.

В Казани он выступил с речью 6 июля 1856 г., лейтмотивом которой стала критика национального самообольщения как причины нашего экономического застоя вплоть до Крымской войны. Причем Бабст в этой речи призвал к «распространению в нашем обществе здравых экономических знаний». «Главная причина нашей экономической отсталости заключалась, по мнению автора речи, в недостатке капиталов и искусства производительного употребления их» [12. С. 473].

Следует заметить, что десятилетием позже эта мысль станет общеупотребительной не только среди либералов «Русских ведомостей», но и «Вестника Европы», другого крупного органа отечественного либерализма.

При характеристике Бабста немаловажное значение имеет то обстоятельство, что он был едва ли не первым, кто стал выражать новое направление в политической экономии, утвердившееся в Германии, — идеи Вильгельма Рощера [12. С. 475].

Следует обратить внимание, что Рощер был сторонником поступательного, эволюционного развития общества, основоположником «исторической школы» политэкономии. «Лекции Бабста знакомили аудиторию не только с теорией предмета, но и с русской хозяйственной жизнью» [12. С. 475].

В редакции газеты Бабст как продолжатель традиции Рощера явился носителем нового либерального взгляда, согласно которому обеспечение хозяйственного процветания народа, основной массы крестьянства является одной из приоритетных задач.

Изначально в либерализме «Русских ведомостей» коренился демократический элемент. Причем в то время, когда некоторые либеральные экономисты, такие как И. Вернадский в «Экономическом указателе», доказывали необходимость освобождения крестьян без земли, уповая на стихийную силу и святость дворянской частной собственности.

Новый этап развития газеты начинается с 1873-х гг., когда газета становится популярной, а ее деятельность приобретает всероссийский масштаб. В это время издание становится своеобразным символом российского либерализма, активно отстаивая либеральное наследие [9. С. 76].

Однако значительно более фундаментальную роль в оформлении идейно-политической позиции газеты сыграли А.С. Посников и А.И. Чупров. «Александр Сергеевич Посников как редактор, но вместе с тем, как и земский деятель, внес в газету новый элемент; он и сам писал, и учил молодых сотрудников, стараясь

придать газете определенный характер, что способствовало ее большей популярности, особенно в земских сферах. Программа газеты, начавшая проводиться уже Скворцовым, была выработана и формулирована более детально А.С. Посниковым и А.И. Чупровым», — отмечает Анучин [1. С. 79].

Н.Б. Хайлова характеризует А.С. Посникова как «признанного знатока русской деревни, неутомимого общественного деятеля, одного из идеологов умеренно-прогрессивного (центристского) течения в русском либерализме» [10. С. 133]. Сам Посников происходил из семьи помещиков, имевших «родовое гнездо» в имении под Вязьмой. В 1862 г., по окончании Смоленской гимназии он поступил в Московский университет на юридический факультет. В 1869 г. по завершении учебы в университете он работал в качестве исследователя на кафедре политической экономии, куда был приглашен профессором И.К. Бабстом. В 1871 г. он опубликовал и защитил свою первую научную работу «Начала поземельного кредита». Тогда же началась плодотворная преподавательская деятельность Посникова. По приглашению директора Демидовского юридического лицея профессора М. Капустина Посников стал доцентом кафедры политической экономии, неоднократно выезжал в научные командировки в Германию, Англию, Францию [10. С. 135].

Содержание научного вклада Посникова в идейный багаж издания становится ясным при условии оценки важного события, происшедшего в эти годы в отечественном либерализме. Этим событием стал Гейдельбергский съезд. О характере съезда подробно сообщает Гиляровский. «Газета держала тот тон, который дала небольшая группа, спаянная общностью политических убеждений и научно-социальных взглядов, группа сотрудников газеты, бывших в 1873 г. на Гейдельбергском съезде. Разные люди перебивали за полувековую жизнь газеты, но *газета осталась в руках той группы молодых ученых, которые случайно одновременно были за границей, в 1873 году, и собрались на съезд в Гейдельберг для обсуждения вопроса — что нужно делать? И постановлено было на съезде добиваться конституции, как пути для демократического и социального обновления страны* (выделено автором).

В числе участников этого съезда были А.И. Чупров, А.С. Постников и В.М. Соболевский. Кроме них на съезде находились Г.Е. Афанасьев, впоследствии сотрудник «Русских ведомостей», с 1878 г. живший в провинции, и Н. Зибер, сотрудник «Вестника Европы», молодые приват-доценты, со студенчества своего сотрудники «Русских ведомостей», которые, вернувшись из Гейдельберга, выработали программу газеты по решениям съезда. Она была отпечатана на правах рукописи, роздана сотрудникам и неукоснительно применялась. В конце 70-х гг. примкнули к газете П.Д. Боборыкин, С.Н. Южаков, С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, В.А. Гольцев и писатели-народники Н.Н. Златовратский и Ф.Д. Нефедов, а затем Д.Н. Анучин, П.И. Бларамберг, Г.А. Джаншиев, С.Ф. Фортунатов» (2). Фактически на этом «съезде» молодых ученых была выработана программа широких демократических преобразований в народном хозяйстве и общественно-политическом строе России [10. С. 135].

Сведения о Гейдельбергском съезде дополняются и сообщением самого А.С. Посникова. Его деятельное участие в газете начинается по возвращении из Германии в Ярославль, где он читал курс политической экономии в Демидовском юридическом лицее. «Мне удастся ввести тогда в состав сотрудников газеты некоторых из более близких товарищей, прежде всего М.А. Саблина, заведовавшего статистическим комитетом в Москве и В.М. Соболевского, так же как и я, только начавшего чтение лекций в Демидовском лицее. В 1874 году возвратился в Москву из заграничной командировки и начал чтение в университете Чупров, который через меня сходится со Скворцовым и становится с тех пор постоянным сотрудником газеты» [5. С. 69]. Газета, по сути, становится «профессорской».

Гейдельбергский съезд позволил не только сформировать команду единомышленников, но и оформить своеобразную программу издания. Весьма любопытную характеристику программы газеты дал В.Г. Короленко. «Профессорская газета говорила ровно и убежденно. Читатель отлично слышал то, что она говорила, и не менее ясно слышал он также то, о чем она молчала» [4. С. 310].

Крупной интеллектуальной силой газеты был А.И. Чупров, который в значительной степени и определял идейную позицию газеты. А.И. Чупров более 30 лет работал в газете «Русские ведомости» и, конечно, не мог не определить ее идейное «лицо». Очень показательны в этой связи замечания Н. Каблукова. «Оно (положение Чупрова — *Т.Я.*) было совершенно исключительным. Он принадлежал к числу тех немногих, кого можно назвать в полном смысле слова создателем газеты, творцом ее духовного облика. Едва ли хотя бы по одному серьезному вопросу, требовавшего отзыва газеты, дело обходилось без совещания с А.И.» [3. С. XXX].

Для целей выявления мировоззренческих основ редакции принципиальное значение имеют экономические взгляды А.И. Чупрова.

С середины 1870-х гг. он преподавал в Московском университете, заведовал кафедрой политической экономии и статистики. Фактически А.И. Чупров стоял у истоков московской экономической школы, которая отличалась не только своими исследованиями, но и общественной активностью, будучи тесно связанной с земским движением и международным экономическим сообществом.

Главный теоретический труд А.И. Чупрова — «Курс политической экономии», в котором он изложил свое видение предмета экономической науки.

По его мнению, предмет экономической науки должен включать историю денежного обращения, финансы, вопросы кредитной политики, и проблемы статистики.

Будучи либералом, он, тем не менее, скептически относился к институту частной собственности. Осмысливая научный вклад А. Смита в экономическую теорию, А.И. Чупров считал вывод великого англичанина о частной выгоде индивида как цели жизни ошибочной. Русский экономист придавал большое значение таким экономическим категориям, как учению о кооперации, теории трудовой стоимости. Известно, что они являлись «краеугольным камнем» социалистической политэкономии.

А.И. Чупров, в отличие от многих либералов, был далек от неоправданного возвеличивания личностного, «индивидуального» начала в истории. В равной же мере он не считал человека слепым орудием и средством в борьбе различных интересов [11. С. 1025]. Не менее критичен был его взгляд на природу и характер экономической конкуренции. Он был убежден, что исторические события XIX в. подорвали веру последователей А. Смита в том, что экономическая свобода способна решить все экономические проблемы. Экономическая свобода, по его убеждению, с одной стороны «способствовала расцвету некоторых сторон хозяйства», с другой — появлению социальных бедствий, сопровождающихся неравномерным распределением имуществ, появлением пролетариата, регулярных экономических кризисов. Поскольку достижение экономической гармонии невозможно посредством свободы и конкуренции, А.И. Чупров предлагал использовать методы государственного вмешательства, при условии учета закономерностей экономического развития. Экономист смотрел на экономику как на часть народного организма, как на сторону народной жизни [11. С. 1025].

Принципиальным для понимания либерализма редакторов газеты является и отношение А.И. Чупрова к марксизму. Он выступал с критикой положения Маркса о неизбежности гибели мелкого крестьянского хозяйства, подчеркивал его устойчивость в рыночных условиях при необходимой государственной поддержке и развития кооперации. При этом он не ставил под сомнение успех крупной промышленности в конце XIX — начале XX в.

В решении проблем национальной промышленности, в деле улучшения положения крестьян он призывал использовать опыт зарубежных стран, однако считал, что этот опыт должен применяться после всестороннего и глубокого анализа, учета уникальных российских условий — почвенных, природно-климатических, условий народного быта [11. С. 1026].

А.И. Чупров как экономист наблюдал бедственное положение крестьянства и считал необходимым оказать ему масштабную государственную помощь. Способы такой помощи были различны. Это и усовершенствование земледельческой техники, использование передовых форм хозяйства, повышение покупательной способности крестьянства, привлечение в сельское хозяйство капиталов посредством кредитования [11. С. 1026].

Еще одной немаловажной чертой научной концепции А.И. Чупрова следует назвать сохранение общины. Здесь выводы либерального ученого очевидно коррелировались с народническими воззрениями. Известно, что ряд народников рассматривало общину как средство защиты личности от разоряющей конкуренции.

А.И. Чупров был еще и прекрасный тактик, он умело руководил газетой в условиях политических ограничений, но при этом, что называется, «выдерживал линию». «А.И. давал всему такой тон, при котором газета, оставаясь верной своему направлению и высказываясь по вопросам самым щекотливым, если по ним необходимо было высказаться, не впадала в резкости и под спокойным по внешности академическим слогом проявляла искреннее и горячее отношение к делу» [3. С. XXX].

Знакомство с биографиями редакторов газеты в 1870-е гг. — Н.С. Скворцовым, А.С. Посниковым, А.И. Чупровым — наглядно иллюстрирует идеологическую позицию издания. Издание было нацелено на борьбу за конституцию, за демократическое и социальное обновление страны. В то же время редакция по праву могла гордиться своим сильным «экономическим блоком» в лице выдающихся отечественных экономистов — А.С. Посникова и А.И. Чупрова, понимавших, что реконструкция страны должна затронуть основную массу населения — крестьянства. В научных трудах этих ученых прослеживалась мысль о необходимости активной государственной помощи национальным производителям, мерам по развитию местного управления и образования.

Новый этап в деятельности газеты пришелся на начало 1880-х гг., когда после смерти Скворцова редакцию возглавил В.М. Соболевский.

«Русские ведомости» в 1880-е гг. все более становятся оппозиционным органом печати. Можно согласиться с мнением Н.Д. Середы, о том, что газета в 1880-е гг. становится оппозиционным органом печати [8. С. 3]. В 1888 г. газета открыто заявила о своей политической позиции. «...Это (позиция газеты — *Я.Т.*) направление мы вправе назвать патриотическим: оно исходит из чувства любви к своему народу, управляется сознанием и необходимостью его дальнейшего культурного развития...» [7].

В редакционной статье прослеживается умеренное западничество, призывающее общество заимствовать лучшее, «полезное и разумное» в европейской цивилизации. «Русские ведомости» являлись решительным противником, как абсолютизации самобытности, так и формального, некритичного копирования западного опыта. При этом издание последовательно стояло на позиции признания плодотворности наследия либеральных реформ. «...Мы всегда отстаивали начала, положенные в основание великих реформ прошлого царствования, хотя в то же время не скрывали от себя недостатков их практического применения и не переставали указывать на пути и меры, необходимые для их дальнейшего развития...», — отмечалось в редакционной статье [7].

В конце 1888-х гг. годов газета подтвердила свою приверженность общинному землевладению. Рассматривая общину «как одну из благотворных особенностей нашего народного быта», «Русские ведомости» призвали принять «неотложные меры к поднятию крестьянского благосостояния, путем возможно широкого крестьянского земельного кредита и правильной организации переселений. Затем облегчение податной тягости поощрением кустарных промыслов, реформой паспортной системы, возможным ограничением пьянства и кулачества...» [7].

Среди важных принципов, манифестированных газетой, стало развитие земского управления. «Мы, далее, всегда признавали важное значение за общественным самоуправлением и высказывались в пользу широкого его развития, но в то же время мы никогда не принадлежали к числу безусловных сторонников нынешних земских и городских учреждений», подчеркивая неприемлемость контрреформы, проводимой Александром III [7].

Для характеристики идеологической позиции газеты важно учесть, что «Русские ведомости» и в 1880-е гг. активно отстаивали идею государственного вмешательства в экономику, демократизацию судебной системы, т.е. принципы, заложенные еще в 1870-х гг.

ВЫВОДЫ

Анализ идейных позиций редакции газеты «Русские ведомости» позволяет заключить, что с момента основания (1863 г.) до перехода ее от Н.Ф. Павлова к Н.С. Скворцову газета не имела четкой идейной платформы, тиражи газеты были весьма малочисленными. С конца 1860-х стала позиционировать себя как орган либеральной общественности, обрела имидж «профессорской газеты». Тогда же и определились основные направления ее деятельности — освещение внутренней жизни России, борьба против цензуры и т.д.

Решающий поворот в деятельности газеты происходит в 1873 г., когда ряд сотрудников газеты приняли участие в т.н. «Гейдельбергском съезде» либеральной интеллигенции, благодаря решениям которого сформировалась не только издательская команда газеты, но и оформилась идейная платформа.

«Идейным ядром» редакции стали А.С. Посников, А.И. Чупров, которые, хотя и были по своим убеждениям либералами, воспринимали либеральную доктрину далеко не ортодоксально. Для обоих ученых экономистов хозяйственное процветание народа были главной целью научной деятельности и общественного служения. В либерализме мыслителей со всей определенностью присутствовал отчетливый демократический и социальный элемент. В целом либеральная платформа газеты имела неортодоксальный характер, она была пропитана «демократическим духом». Либерализм «Русских ведомостей», отстаивая нужды крестьянства, сближался с умеренным народничеством, был по существу реформаторским демократизмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Анучин Д.Н.* Из воспоминаний // Русские ведомости 1863—1913. М., 1913.
- [2] *Гиляровский В.* Собрание сочинений в четырех томах. М.: Полиграфресурсы. 1999. Т. 3.
- [3] *Каблуков Н.* Александр Иванович Чупров // Чупров А.И. Речи и статьи. М., 1909. Т. 1.
- [4] *Короленко В.Г.* Черточка из биографии «Русских ведомостей» // Русские ведомости. Сборник статей. М., 1913.
- [5] *Посников А.С.* Из моих личных воспоминаний. Редактор «Русских ведомостей» Н.С. Скворцов // Русские ведомости. Сборник статей. М., 1913.
- [6] *Розенберг В.* Из истории русской печати. Прага, 1924.
- [7] Русские ведомости. 1888. № 243.
- [8] *Серета Н.Д.* Газета «Русские Ведомости» в 1860-е — 1870-е гг.: Автореф. дис. ... кандидата филологических наук. М., 2001.
- [9] *Хайлова Н.Б.* Александр Чупров // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.
- [10] *Хайлова Н.Б.* Русский экономист А.С. Посников: мыслитель и борец // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России. Сб. статей к 60-летию проф. В.В. Шелохаева. М., 2001.
- [11] *Чупров А.И.* Речи и статьи. М., 1909. Т. 1.
- [12] *Чупров А.И.* Иван Кондратьевич Бабст // Чупров А.И. Речи и статьи. М., 1909. Т. 1.
- [13] *Шелохаев В.В.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей исторической литературе // Вопросы истории. 2007. № 5.
- [14] *Шелохаев В.В.* На разные темы. М.: РОССПЭН, 2016.
- [15] *Шнейдер К.И.* Генезис русского либерализма: постановка проблемы // Власть. 2009. Вып. 6.

LIBERALS OF THE “RUSSIAN BULLETIN” IN THE LATE 1860S — EARLY 1880S: THE FORMATION OF PUBLIC-POLITICAL PROGRAM

Y.V. Taimasova

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the process of construction of the ideological platform of the newspaper “Russian bulletin”. The newspaper “Russian bulletin” was known in the community as an independent and liberal. The author examines the personal composition of the editorial board and analyzes the political program of the newspaper. The initial program of the newspaper did not have a liberal character. Editor Skvortsov gave the newspaper liberal program. The intellectual newspaper team includes well-known economists — A.I. Chuprov and A.S. Postnikov. Scientists analyzed important questions of post-reform Russia. They did not copy the Western social model, but suggested a national path of development.

Key words: liberalism, socialism, community, government intervention in the economy, the constitution, territorial self-government, journalism, post-Reform Russia

REFERENCES

- [1] Anuchin D.N. *Iz vospominanij. Russkie vedomosti 1863—1913*. M., 1913.
- [2] Giljarovskij V. *Sobranie sochinenij v chetyreh tomah*. M., Poligrafresursy. 1999. T. 3.
- [3] Kablukov N. Aleksandr Ivanovich Chuprov. *Chuprov A.I. Rechi i stat'i*. M., 1909. T. 1.
- [4] Korolenko V.G. Chertochka iz biografii «Russkih vedomostej». *Russkie vedomosti. Sbornik statej*. M., 1913.
- [5] Posnikov A.S. *Iz moih lichnyh vospominanij*. Redaktor «Russkih vedomostej» N.S. Skvorcov. *Russkie vedomosti. Sbornik statej*. M., 1913.
- [6] Rozenberg V. *Iz istorii russkoj pechati*. Praga, 1924.
- [7] *Russkie vedomosti*. 1888. № 243.
- [8] Sereda N.D. *Gazeta «Russkie Vedomosti» v 1860-e — 1870-e gg. Avtoref. dis. ... kandidata filologicheskikh nauk*. M., 2001.
- [9] Hajlova N.B. Aleksandr Chuprov. *Rossijskij liberalizm sere diny XVIII — nachala XX veka: jenciklopedija*. Otv. red. V.V. Shelohaev. M., 2010.
- [10] Hajlova N.B. *Russkij jekonomist A.S. Posnikov: myslitel' i borec. Prizvanie istorika. Problemy duhovnoj i politicheskoj istorii Rossii*. Sb. statej k 60-tiletiju prof. V.V. Shelohaeva. M., 2001.
- [11] Chuprov A.I. *Rechi i stat'i*. M., 1909. T. 1.
- [12] Chuprov A.I. Ivan Kondrat'evich Babst. *Chuprov A.I. Rechi i stat'i*. M., 1909. T. 1.
- [13] Shelohaev V.V. *Diskussionnye problemy istorii russkogo liberalizma v novejshej istoricheskoj literature. Voprosy istorii*. 2007. № 5.
- [14] Shelohaev V.V. *Na raznye temy*. M.: ROSSPJeN, 2016.
- [15] Shnejder K.I. *Genezis russkogo liberalizma: postanovka problem. Vlast'*. 2009. Vyp. 6.

@ Я.В. Таймасова

НАШИ АВТОРЫ

Ахтерберг Петер — профессор социологии в Университете Тилбурга, доктор социологии, Нидерланды (e-mail: p.achterberg@40uvt.nl)

Деджтхонпонг Сатхита — аспирант кафедры сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Таиланд (e-mail: sathita_d@gmail.com)

Денисенкова Наталья Николаевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии Центра гуманитарной подготовки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (e-mail: natalya652008@yandex.ru)

Журавлев Денис Викторович — аспирант кафедры сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (e-mail: dns-90@mail.ru)

Зинькина Юлия Викторовна — научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, кандидат исторических наук (e-mail: juliazin@list.ru)

Иванов Владимир Геннадьевич — доцент кафедры сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кандидат политических наук (e-mail: ivanov_vg@pfur.ru)

Ильина Юлия Игоревна — аспирантка ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (e-mail: a_khr1@mail.ru)

Исаев Леонид Маркович — старший преподаватель департамента политической науки Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, кандидат политических наук (e-mail: lleonid@yandex.ru)

Корниленко Александр Владимирович — заместитель командира части Министерства обороны Российской Федерации, кандидат политических наук (e-mail: kornilenko74@mail.ru)

Михайличенко Дмитрий Георгиевич — профессор кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, доктор философских наук (e-mail: enkratea81@mail.ru)

Мясоедова Виктория Александровна — ректор, доцент АОНО ВПО «Институт систем управления экономикой и международного права», кандидат экономических наук (e-mail: dbrf2408@yandex.ru)

Осипов Виктор Анатольевич — аспирант кафедры сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (e-mail: vityaosipov@gmail.com)

Павлютенкова Марианна Юрьевна — доцент кафедры политических политического анализа и управления ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кандидат политических наук (e-mail: pavlt@inbox.ru)

Рибберинк Эгберт — докторант Центра социологических исследований Лёвенского университета, Бельгия (e-mail: Egbert.Ribberink@soc.kuleuven.be)

Розанова Нина Николаевна — доцент кафедры управления факультета экономики и управления ФГОУ ВПО «Смоленский государственный университет», кандидат педагогических наук (e-mail: rozznina@yandex.ru)

Соболев Евгений Валерьевич — доцент кафедры всеобщей истории и культурного наследия Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, кандидат исторических наук (e-mail: sev1980@mail.ru)

Таймасова Янина Викторовна — аспирантка кафедры истории России ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (e-mail: siriys80@mail.ru)

Топычканов Андрей Владимирович — старший научный сотрудник кафедры истории и теории политики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», кандидат исторических наук (e-mail: topychkanov@gmail.com)

Фролова Ольга Александровна — ассистент кафедры сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кандидат политических наук (e-mail: frolova.olga4@gmail.com)

Хаутман Дик — профессор социологии культуры и религии в Лёвенском университете, доктор социологии, Бельгия (e-mail: Dick.Houtman@soc.kuleuven.be)

Шишкина Алиса Романовна — младший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (e-mail: Alisa.shishkina@gmail.com)

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
ПОЛИТОЛОГИЯ

2016, № 4

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
(ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии
серии «Политология»:
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, 117198
Тел.: 936-85-28, факс 936-85-22
e-mail: politjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 15.12.2016. Выход в свет 20.12.2016. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,6. Тираж 500 экз. Заказ № 1469

Цена свободная.

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
тел. 952-04-41

Scientific journal

**RUDN Journal
of Political Sciences**

2016, N 4

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:

RUDN University
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Address of the editorial board

Series «Political science»:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22
e-mail: politjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price.

Address of PFUR publishing house

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20827

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Политология»

Количество
комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20827

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Политология»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ___ коп.	

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество
комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.	

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)